

Фрагменты
на осколки

книга 2
в серии «Кровь и Розы»

Калли Харт

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Калли Харт
«Разбитые на осколки»
«Кровь и розы» #2

Название: Разбитые на осколки

Автор: Калли Харт

Переводчик: betty_page

Редактор: Matreshka

Вычитка и оформление: Помидорка

Обложка: Ника

Переведено для группы: https://vk.com/bellaaurora_pepperwinters
18+

**Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!**

Зет Мейфэйр, пожалуй, самый последний человек, в котором я нуждаюсь в своей жизни. И все же с каждым вдохом он становится все более значимым в каждом аспекте моей жизни:

У него есть ключ от моего дома.

Он знает, где я работаю.

Он свалил на меня заботы о своей странной, психически нездоровой соседке, притащив ее к моему порогу, и уехал искать мою пропавшую сестру.

Я хочу забыть его. Я хочу сменить замки и стереть его образ, выкорчевать его имя из моей памяти. Но проблема в том, что он нужен мне. Он нужен мне больше, чем воздух, которым я могу дышать, и я не могу существовать без него сейчас.

Он обладает мной.

Он мучает меня.

Он разбивает меня на осколки.

Содержание

[1 глава](#)

[2 глава](#)

[3 глава](#)

[4 глава](#)

[5 глава](#)

[6 глава](#)

[7 глава](#)

[8 глава](#)

[9 глава](#)

[10 глава](#)

[11 глава](#)

[12 глава](#)

[13 глава](#)

[14 глава](#)

[15 глава](#)

[16 глава](#)

[17 глава](#)

1 глава

Зет

— Открой свой рот!

— Нет!

— Бл*дь, открой его!

Андреас Медина, истекая потом, с руками, закованными в наручники за его спиной, моргает, смотря на меня — дикое чувство страха, которое он источает прямо сейчас, похоже на наркотик. К которому у меня есть неоднозначное пристрастие. И сейчас Андреас, только подтверждает это, показывая мне свой страх, но только на пять

по десятибалльной шкале, что невероятно злит меня. Он, попросту говоря, обламывает мой кайф. Я ударяю его рукояткой «Дезерт Игл» (предыдущий хозяин которого уже погиб) по лбу, и в то же мгновение струйка темно-красной жидкости стекает по его лицу, и он морщится от боли, стискивая челюсти. Этот мексиканец непокорный ублюдок. Нет никаких слов мольбы, унизительных заискиваний и никаких слов про обмен информации на свободу. Андреас парень старой закалки. Он прекрасно осознает, что есть очень большая вероятность, что он умрет, и он делает все возможное, чтобы не наложить от страха в штаны. Я думаю, что могу уважать такое мужество.

Я приседаю на корточки, чтобы наши глаза находились на одном уровне. Над нами горит лампочка, которая покачивается из стороны в сторону, то освещая меня, то отбрасывая свет на него. В наших глазах есть похожая пустота, что скрывается в их глубине, — я узнаю себя самого в нем, и мне становится интересно, нравится ли ему причинять боль людям, как и мне. Конечно, ему нравится.

— Где он?

— Я не скажу тебе ничего, сукин сын.

Он плюет мне в лицо кровью. Кровь попадает на мою куртку и футболку. Слоан думает, что я ношу черное, потому что мне нравится вселять ужас, как тем вымыщенным вампирам из фильмов. Действительность намного более практична — просто черный цвет отлично скрывает брызги крови. Я смотрю на себя, размышляя о реакции Андреаса, пока пытаюсь придумать подходящее наказание для него. Идея приходит мне очень быстро — ловкий трюк, которому я научился в тюрьме. Я выпрямляюсь и поворачиваюсь, покидая не спеша пустую комнату. Данная комната — это бетонная коробка, голые толстые бетонные стены. Достаточно толстые, чтобы скрыть крики взрослого мужчины. Единственное, что находится в комнате, — это массивный деревянный стол, который стоит в дальнем углу у стены. Я усмехаюсь про себя, пока направляюсь в его сторону, зная, что именно мне необходимо из моей черной сумки, которая находится на столе.

— Cabrón (прим. пер. Мудак), тебе не стоит поворачиваться ко мне спиной!

Я останавливаюсь и улыбаюсь в темноте. Я позволяю Андреасу думать, что отреагирую на его речь, но затем продолжаю движение, подходя к столу, и начинаю расстегивать сумку. Внутри нее лежит так

много всяких вещей, поэтому мне требуется некоторое время найти то, что мне нужно, но в итоге я все-таки нахожу это: маленькую черную коробочку примерно три дюйма в ширину и один в длину.

— Если ты думаешь, что сможешь что-то узнать от меня, ты просто ненормальный, белый парень.

Я направляюсь обратно к нему, на моем лице воцаряется непроницаемое выражение лица.

— Ты всегда говоришь очевидные вещи? — говорю ему, держа маленькую коробку так, чтобы ее видел Андреас. Стоя на коленях, он прекрасно видит то, что я держу в руке. Он жестко стискивает челюсти, а на его лице выражение, которое говорит: «Я не покажу ему своего страха, я не покажу ему, насколько я напуган». Я уже нахожусь в его голове и в его гребаных мыслях. Я вижу его страх. Просто у каждого человека он разный. Его темный и омерзительный, как и он сам

— О чём ты, черт побери, говоришь?

— Белый парень, — говорю я, склоняясь. — Я белый, ты нет. Когда я приехал на склад, в тот момент, когда мы стояли у ворот, ты назвал меня так же. Почему ты называешь меня так, когда нам обоим известно, кто мы? И кем мы не являемся?

— Это не имеет отношения к цвету твоей кожи, придурок. Эти слова лишь касаются того, кто ты есть, и откуда ты приехал. И на кого ты работаешь.

Хм. Я подумаю над этим, пока буду делать то, что запланировал. Я открываю крышку коробочки настолько, чтобы немного подразнить Андреаса металлическим блеском того, что лежит там. Затем снова закрываю крышку.

— Чарли дает всем равные возможности, когда принимает на работу. На него работают черные, белые, китайцы — любой цвет кожи, работают те, кто у него на хорошем счету. — Но Андреас не слушает меня. Он не сводит своих глаз с коробки. Хорошо. Я встряхиваю ее, пересыпаю содержимое из стороны в сторону и потираю свободной рукой щетину на своем подбородке. — Но сейчас мы здесь не для того, чтобы трепаться, на кого мы работаем. Забудь о Хулио и Чарли. Сейчас я хочу поговорить с тобой об этой коробочке. — Я держу ее на расстояние пяти дюймов от его лица, чтобы он мог, как следует сосредоточиться на ней. — Что ты мне можешь сказать о ней? — спрашиваю я его.

Андреас смотрит на меня, как будто я сумасшедший. Медленным размеренным движением, он вытягивает свою шею вперед, распахивая глаза.

— Мне наплевать на твою гребаную коробку.

О, Андреас. На воре и шапка горит.

— Хорошо, достаточно честный ответ. Ну что ж, я думаю, мы только теряем время. Это черного цвета, маленького размера, ну и так далее. Самая важная вещь, что касается это коробки, — говорю я, встряхивая содержимое снова, — что прямо сейчас она закрыта. Внутри находится, что-то, что мне нужно. Как и ты, ты тоже нужен мне для определенной цели. В твоей голове есть что-то, что мне очень необходимо, Андреас. Это информация. Как и в этой коробке, и я собираюсь достать ее и то, что там находится.

На этот раз я хорошо открываю крышку, достаточно, чтобы он мог видеть содержимое коробки, и достаю одни тонкий кусочек металла. Скрепку для бумаги. Глаза Андреаса начинают метаться из стороны в сторону.

— Ты, бл*дь, сумасшедший, pendejo.(прим. пер. придурок) Все это знают, — шипит он.

Я вновь закрываю крышку и убираю коробочку в карман. Я держу одну скрепку, выпрямляя ее и делая это у него на виду.

— Я не сумасшедший, Андреас. Сумасшедшие люди не могут здраво рассуждать. А я очень здравомыслящий человек, и в данный момент, ты тоже можешь показать себя с этой стороны. Ты мне скажешь, где парень, а я в свою очередь не буду, загонять острый кусочек металла тебе под ноготь. И таким образом, я не буду доставать больше скрепок, чтобы загнать их под твои остальные ногти, пока, естественно, ты будешь говорить. Не кажется ли это тебе достаточно разумным?

Андреас выглядит немного растерянным, потому что он уже ожидал нестерпимой боли и видел себя корчащимся в муках.

— Пошел ты на хрен, мужик. Все дело в преданности.

— Это не касается преданности. Не имеет к ней никакого отношения.

— Бред. Ты бы тогда не запугивал меня. Ты предан английскому ублюдку, а я предан Хулио.

Я качаю головой, выражая свое недовольство.

— Преданность — это еще одно слово, которое объясняет глупость, Андреас. Собаки преданы. Ты пинаешь свою преданную собаку, и она ложится у твоих ног, ожидая, когда ты вновь будешь к ней относиться благосклонною Пни меня, и я откушу, на хер, тебе твою гребаную руку.

Он нерешительно бормочет:

— Так ты здесь не для того, чтобы защитить Чарли?

Я приближаю свое лицо к его, обнажая зубы.

— Я защищаю только себя. И если ты достаточно умный, то ты начнешь делать, то же самое.

2 глава

Слоан

Тремя неделями ранее...

Я не могу дышать. Я еле могу держаться на ногах, не могу толком сконцентрироваться на происходящем вокруг меня, когда Зет рычит мне на ухо:

— Ну, тогда тебе лучше начать говорить.

Мой телефон прижат к моему уху, и Пиппа все еще находится на том конце трубки, даже не подозревая о том, что опасный, невыносимо сексуальный, до невозможного жестокий мужчина скользнул своими двумя пальцами в мою киску. Он ласкает большим пальцем возбужденный твердый клитор, улыбаясь взглядом темного удовольствия, что посыпает волны легкого наслаждения по моему телу.

— Пиппа, привет... Я... Я хочу попросить тебя об услуге.

— Об услуге? Для моей замечательной девочки? Конечно, родная, выкладывай.

Зет выскользывает пальцами из моего лона и неспешно проводит ими по половым губам, усмехаясь, когда я сжимаюсь.

— Мне нужно, чтобы ты встретилась с одним человеком для меня.

— В смысле как с пациентом?

— С тем, кто захочет тебе задать пару вопросов, перед тем как ты...

Ах!.. встретишься с пациентом.

— Слоан, с тобой все в порядке? Такое ощущение, будто ты занимаешься йогой, и у тебя опять хреново выходит.

Зет мягко сжимает мою напряженную пульсирующую жемчужинку клитора, беспощадно улыбаясь. Он убирает свои руки и начинает поглаживать меня между ног левой рукой, поднимая правую ко рту, смотря на меня своим пронизывающим взглядом на протяжении всего времени, дочиста облизывая свои пальцы от моего желания. Смущение заполняет мое тело, которое моментально сменяется максимальным вожделением, что заставляет меня испытать удивление. Каждый опыт, который происходит у меня с этим парнем, заканчивается тем, что он заставляет меня кончить или вылизывает мою киску.... Как довольно замкнутый человек на протяжении долгого времени, начиная с моего подросткового возраста, сама идея того, что мною будут наслаждаться таким образом, была просто смехотворной, но сейчас нет никакой возможности, чтобы отрицать это. Зет придвигается ближе ко мне, прижимаясь своей грудью к моей, и мое сердце начинает быстрее биться в груди. Меня захватывает мысль о том, что он собирается поцеловать меня. Он уже почти целует...

Но в самый последний момент уклоняется, как будто ловит себя на мысли, что делает что-то неразумное, и прикусывает кожу на линии подбородка.

— Слоан? Слоан, может, мне перезвонить?

— Ааа... возможно... возможно.

Зет обхватывает мою грудь через футболку, мучительно стискивая ее. Он качает головой, показывая свое недовольство.

— Не будь плохой девочкой, — шепчет он.

Мое тело мгновенно заполняет потребность угодить ему.

— Мне просто нужно, чтобы ты встретилась с этим парнем, Пипп. Он хочет задать тебе пару вопросов перед тем, как пошлет свою подругу к тебе. Все нормально?

Зет одобрительно кивает головой, наблюдая, как я извиваюсь под его прикосновениями. Это ситуация смахивает на ту, как будто леопард внимательно наблюдает, как забавляется со своей жертвой. Перед тем, как он убьет ее и съест. На том конце трубки Пиппа замолкает. Такое ощущение, что даже она прекратила дышать, и я могу представить ее прямо сейчас, сидящую за столом с нахмуренным лицом и серьезным

взглядом.

— Просто скажи, что нам не придется снова повторять тот разговор?

— Какой разговор?

Зет отстраняется, отходя назад к кухонному островку, и все еще продолжает смотреть на меня. Он протягивает руку за спину, едва смотря, что находится позади него, и затем мое горло сжимается. Его пальцы оборачиваются вокруг черной рукоятки ножа из набора для разделки мяса, который стоит на мраморной поверхности столешницы. Мое сердце пропускает удары, пока мужчина берет нож, продолжая смотреть на меня, не сводя взгляда. Темнота и зловещее обещание вспыхивает в его глазах

— Тот диалог, что у нас был в кафе, о необходимости принятия правильных решений. Это касается того парня, не так ли? Ты мне обещала, что не будешь пытаться встретиться с ним снова, Слоан. Он опасен.

Он. Опасен.

Зет приближается ко мне с ужасающе острым ножом, который сжимает в своей руке, и прямо сейчас он выглядит чертовски устрашающим. Я вжимаюсь спиной в стену, сглатывая, быстро моргая, прижимая телефон к уху. Я прекрасно понимаю, что он может сейчас слышать все, что она говорит по телефону, и мне кажется, что комментарий Пиппы побудил его к какому-то действию, о котором я пока даже не хочу думать.

— Ты ошибаешься, — выдыхаю я.

Его мучительно медленное приближение слегка замедляется. Он сужает свои глаза, изучая меня.

— Он просто хочет разузнать все для своей подруги. Почему еще он бы делал это? Как он может быть плохим, если он о ком-то так заботится?

— Только то, что он заботится о ком-то, не значит, что он не снимет твою кожу заживо и не разрубит тебя на мелкие кусочки. Ты такая наивная в отношении этого парня.

— Я не наивная, — шепчу я. Зет приближается, останавливаясь непосредственно передо мной. Он захватывает пальцами край моей футболки, поднимая ее своими пальцами. — Я просто надеюсь на лучшее.

— Наивная, — произносит Зет, вновь качая головой. Я сглатаиваю панику, которая зарождается в моем горле, делая глубокий вдох. Все будет хорошо. Все будет хорошо. Возможно, более разумный человек обязательно сказал бы Пиппе, что Зет Мейфэйр прямо сейчас на кухне и направляет острие ножа в мою сторону, но что-то... что-то сдерживает меня.

— Ну, хорошо, — говорит Пиппа на том конце провода. — Я просто надеюсь, что ты не позволишь своим интимным частям тела принимать важные решения вместо мозгов. И знай, если я встречу этого парня, и он окажется чертовски горячим, тогда я окончательно приду к выводу, что ты потеряла свой гребаный рассудок.

— Не волнуйся, Пипп. — Зет подносит острие ножа и приподнимает мою футболку, едва прикасаясь острием металла к материалу; материал расходится под острым лезвием, словно мокрая бумага. — Он отвратительный, — говорю я ей. Одна бровь приподнимается вверх, когда он реагирует на мои слова. Дерьмо.

— Играешь с огнем, — говорит мне. Я не думаю, что Пиппа слышит его. Его голос такой тихий и так сильно наполнен желанием, что даже я не уверена, что слышу его. Я чувствую страх, он прожигает меня, просачиваясь внутрь моего тела, заклеймив меня, насыщая электрическими зарядами.

— Я могу встретиться с ним завтра, хорошо? У меня есть свободное получасовое окно около двух. Если он опаздывает или же не появится, то все отменяется. Я не доверяю ему, Слоан, и мне кажется, что ты сумасшедшая, если даже просто разговариваешь с ним. Если бы была на твоем месте, я бы разорвала все отношения с ним и бежала бы без оглядки

Нож разрезает мою футболку надвое; затем Зет кладет его на столешницу рядом со мной и откидывает назад разрезанный материал, обнажая мою грудь. Его глаза жадно поглощают меня, заставляя вспыхивать каждый дюйм моего тела обжигающим пламенем.

— Мне не нравится твоя подруга, — сердито рычит он. И потом опускает голову и прикасается своим языком к моему соску, всасывая уже изнывающую твердую вершинку в свой теплый рот. Мои колени испытывают непреодолимое желание подогнуться, но его твердое тело прижимается к моему, удерживая меня на месте.

— Два часа. Поняла. Я удостоверюсь, что он получит твое

предупреждение.

— Я больше беспокоюсь за то, чтобы ты приняла к сведению мои слова, Слоан. Пожалуйста, скажи, что ты слышишь меня сейчас?!

— Да! Да... ах... Я, я клянусь, что слышу. — Из этого не выйдет ничего хорошего. Такое ощущение, что Зет хочет, чтобы я выдала себя — его рука опускается к моим джинсам снова, подразнивая прикосновениями мою чувствительную кожу, заставляя меня подрагивать, пока его другая рука ласкает мою грудь, жестко стискивая мой сосок, отчего меня охватывает желание ударить его.

— Тогда хорошо. Завтра. Возможно, тебе лучше прийти вместе с ним. Я не знаю, хочу ли находиться с ним в одном помещении.

— Я... Я постараюсь

Пиппа нажимает на «сброс». Она зла на меня. Я знаю, что она будет ужасно злиться на меня, но по какой-то причине не могу ответить «нет» этому мужчине. У меня есть предчувствие, что мне стоит разобраться в этом, или же в ближайшее время один Бог свидетель, в какие дрянные ситуации я могу втянуть себя.

— Ты готова? — спрашивает меня Зет. Вопрос заставляет меня задрожать от макушки до пальчиков ног. Это тот самый момент, когда я могу попытаться ответить ему то самое слово. Нет. Просто три буквы. Я смогу проговорить их. Я говорю его остальным людям в течение всего дня.

Эй, Слоан, ты собираешь есть это?

Нет.

Ты не помнишь, что сегодня твой день рождения?

Нет.

Ты можешь подписать мою карту осмотра пациентов? Я знаю, что немного опоздал, но...

Нет.

А сейчас все совершенно по-другому, когда этот мужчина стоит на расстоянии трех дюймов от меня.

— Да, — я говорю ему. — Я готова

Я внутренне таю, когда он улыбается мне коварной улыбкой.

— Тогда подожди здесь. — Он выходит из кухни, вследствие чего ко мне возвращается здравый рассудок и с чувством мести отвешивает мне по заднице. Я бормочу себе под нос: «Глупая, глупая, глупая...». Кладу телефонную трубку и беру стакан воды, выпивая его одним

глотком. Это так странно, как Зет заставляет одну часть меня становиться такой влажной, а другую изнывать от жажды. Есть ли на свете еще такая же противоречивая вещь, как мое тело прямо сейчас?

Я слышу, как он возвращается обратно в дом. Я собираюсь с духом, стоя у раковины, прикрывая глаза и наслаждаясь глубоким вдохом, что так мне необходим прямо сейчас. Мне необходим кислород

— Слоан. — Мое имя на его губах звучит как порицание. Словно он предупреждает собаку не мочиться на коврик, которая колеблется и готова сделать это. Когда я поворачиваюсь, он держит в руках то, от чего мне хочется выскочить из комнаты.

Черная сумка.

— Подойди сюда, — требует Зет. Он ставит сумку на обеденный стол, что я приобрела прошлым летом в антикварной лавке, которая находится напротив больницы. Ножки стола очень красиво вырезаны в виде сложных образов леса, и я просто не могла противостоять ему. Зет расстегивает сумку и достает оттуда длинный моток веревки.

— Ты снимешь остаток своей одежды, или мне это сделать? — интересуется он. Возможно, если бы рядом со мной был другой мужчина, я бы выбрала второй вариант, чтобы кто-то неспешно и соблазнительно, подразнивая тебя, снимал твою одежду. Это бы, скорее всего, чувствовалось просто потрясающе, но Зет, думаю, не имеет именно этого в виду. Я думаю, что он действительно спрашивает меня о том, буду ли я слушаться его по своей воле, или хочу выяснить, что случиться, если я не стану выполнять его указания.

Я собираю все остатки смелости, которые у меня имеются, и направляюсь к столу. Становлюсь напротив него, так близко, чтобы Зет мог видеть мою демонстративную непокорность, посып ему идти на хрен, что блестит в моих глазах. Я совершенно безнадежно нахожусь во власти того, что делает со мной этот мужчина, но это не означает, что я должна быть благодарна за это. Я встречаюсь с ним взглядом, отказываясь отводить взгляд, когда стягиваю свои джинсы вниз. Когда они спущены до лодыжек, я отбрасываю их и спускаю вниз трусики, откидывая этот предмет одежды, словно для меня ничего не значит процесс обнажения. Словно мое сердце не стучит как отбойный молоток.

Зет кивает головой, оценивая меня. Его полуприкрытые веки показывают опасный, немного ленивый взгляд, который ощущается

невероятно развратно.

— Ты идеал, злая девочка. Нет нужды гневаться. Я позабочусь о тебе.

Черт побери. Я не ожидала такой реакции. Я ожидала упрека. Сердитых слов, едва скрываемой угрозы. Что угодно, но не комплимента, который сопровождался заверением о том, что он позаботится обо мне. Я открываю рот, но не могу сообразить, что сказать. Зет кладет тонкую длинную веревку на стол и медленно снимает свою куртку. Я мельком замечаю внушительную эрекцию, что упирается в джинсовую ткань, умоляющую дать ей желанную свободу, и я не могу ничего поделать с собой, покрываясь румянцем.

— Разъяренная в одну минуту, скромная в следующую... Ты сбиваешь саму себя с толку, Слоан. — Он шагает ко мне, располагая свои ладони на моих бедрах. Его хватка властная и решительная. — Тебе следует выбрать одну эмоцию. Мне кажется возбуждение — это именно то, что лучше всего соответствует данной ситуации. Если ты со мной не на одной волне, тогда мне следует уйти прямо сейчас.

Он был достаточно настойчивым и требовательным с того самого момента, как вошел ко мне час назад, поэтому я не могу привыкнуть к такому компромиссу от него.

Напряжение слегка ослабевает при его внезапной смене властного поведения, потому что теперь я знаю, что где-то глубоко внутри него погребено что-то еще...

Я чувствую себя до отчаянного смелой, поэтому решаюсь сделать что-то действительно сумасшедшее: я протягиваю руку, беру его ладонь в свою и направляю его пальцы к себе между ног. Доказательство моего желания к нему находится под его пальцами, чтобы он мог оценить и почувствовать его.

Зет моргает, и его реакции для меня достаточно, чтобы понять, что я его ошеломила своими действиями, но в следующую секунду он погружает свои пальцы глубоко в меня.

— Ммм... Понятно.

Мое тело вздрогивает, испытывая нетерпение, и требует намного большего, чем простого подразнивания, которым он одаривает меня, просто перекатывая мой клитор между пальцами. Он делает это нарочно, давая мне достаточно, но не больше, чтобы я изнывала от еще большего вожделения.

— Сядь на стол.

Я делаю это без лишних вопросов.

— Хорошая девочка. Раздвинь ножки.

Я делаю это. И затем Зет опускается на колени прямо посреди моей кухни и начинает неспешно ласкать меня языком, поднимаясь вверх по внутренней стороне бедра.

Он смотрит на меня, его глаза все еще полуприкрыты, и это обещает множество порочных и запретных ощущений.

— Сейчас я собираюсь сделать тебе приятно, но потом ты отплатишь мне той же монетой.

Мужчина даже не дает мне возможности согласиться на его сделку. Он хватает мои бедра, подтягивает вперед и проскальзывает своим языком во влажный жар моей киски. Я уже готова для него. Я чувствую себя развратно, полностью захвачена желанием придвигнуться бедрами вперед, чтобы он получил лучший доступ для своих действий. Зет проникает в меня, затем медленно проводит языком вверх по моей киске и легко ударяет кончиком языка по возбужденному комочку нервов.

Все время, начиная с нашей неожиданной встречи до настоящего момента, я вела внутреннюю борьбу. Борьбу, которая удерживала меня от того, чтобы полностью расслабиться. От принятия этой ситуации и полного наслаждения происходящим. Во многом это было связано со страхом, который все еще остается. Но мое состояние страха переоценено. Я больше не хочу бояться. А хочу принять все, что сейчас происходит со мной. Я проскальзываю пальцами в волосы Зета и издаю стон. Дикий незнакомый мне и животный звук.

Он будет также извиваться, когда я верну ему услугу чуть позже, нашептывает мое подсознание

— Будь ты проклят, — шепчу я. С моими бедрами, что крепко прижаты к его ушам, я сомневаюсь, что он что-то слышит. И спасибо Господи, что не слышит. Я больше не могу контролировать свое тело. Оно передает всю власть в руки моей другой стороне личности, с которой мне еще не довелось познакомиться ранее. Мои бедра устремляются к лицу Зета.

Он сердито фыркает, впиваясь сильнее пальцами в мою кожу, издавая рык в мою киску, пока вылизывает меня самым потрясающим образом. Я оказываю ему сопротивление, когда он пытается

отстраниться, не желая, чтобы он покидал мою киску, но он шлепает по моему бедру с такой силой, что у меня на глазах наворачиваются слезы. Боль вызывает мгновенную реакцию. Я опускаю ноги, захватывая желанные глотки воздуха. Грудь Зета тоже тяжело вздыхается. И на его губах появляется снова коварная усмешка. Святое дермо, мне совершенно по хрен, что он опасен. Мне даже будет абсолютно наплевать, если он будет маньяком, который убивает своих жертв топором. Я никогда не выпущу его из этого дома.

— У тебя есть лед?

— Что?

— Замороженная вода, — недовольно бормочет он. — Есть?

Я киваю головой, пытаясь понять.

— Э, а, вроде, думаю, есть, а что?

Выпрямляясь, он стремительно пересекает комнату, направляясь к холодильнику, и практически срывает дверцу с петель. Я все еще сижу на столе с широко разведенными ногами, приподнимаясь на локтях, когда он возвращается. В его глазах блестят коварные искорки.

— Никогда бы не сказал по тебе, что ты любительница фруктового льда, — говорит он. Мой живот сжимается. О. Черт. У меня множество вещей припрятанных в холодильнике. А фруктовый лед со вкусом жевательной резинки насыщенно синего цвета, вероятно, стал виновником того, что ученые стали ставить диагноз рак в десять раз чаще. Это мое маленькое тайное удовольствие. И теперь Зет достает из-за спины именно его.

— О боже, тебе не следует помещать его в...

— Я прекрасно знаю, куда мне следует это засунуть, Слоан. — В его выражении лица сплошное коварство.

Бл*дь!

— Я не знаю, как я отношусь к этому, Зет.

— Я собираюсь сделать так, чтобы тебе очень понравилось, — произносит он, кивая, и только этого уже достаточно, чтобы я изменила свое мнение. Я все еще качаю головой, когда он вновь становится на колени и прижимает холодную вещь к моей чувствительной плоти.

Мой разум взыывает меня сдвинуть ноги и убраться подальше от болезненно холодного ощущения у самой чувствительной части меня.

— Ублюдок! — Я пытаюсь пнуть его, но Зет хватает мою щиколотку; его брови сходятся вместе.

— Слоан, — говорит он, укоряя меня вновь. — Ты хочешь, чтобы я использовал веревку?

Я втягиваю нижнюю губу в рот, прикусывая ее. Пошло все. Мне следует подняться и выставить его вон из квартиры. С этим все понятно, он делает странные и сомнительные вещи, которые пугают меня до такой степени, что могут нагнать семь гребаных оттенков страха на меня, но это также возбуждает меня. Но это не очень удобно. И очень липко.

Зет умный парень — он наблюдает за всеми эмоциями на моем лице.

— Давай попробуем, — предлагает он, не усиливая свою хватку на моей щиколотке. Я практически слышу подтекст в его словах — доверься мне — и это меняет все. Он не просил меня об этом ранее. Я пару раз доверялась ему, и, как мне кажется, это было не очень благоразумным решением, но он еще никогда не просил меня об этом. Это похоже на развитие отношений в некотором роде. Я не уверена хорошо то или плохо.

— Хорошо... Отлично!

Он кивает в ответ на мои слова, решительный и мрачный, что кажется, немного забавным, особенно когда он держит фруктовый лед ярко-синего цвета в своей руке. Зет нежно проводит им по моей плоти, наблюдая за моей дрожью с самодовольным выражением лица. Затем наклоняется и облизывает сладкий след, что остался после фруктового льда, продолжая сверлить меня своим взглядом. Смена ощущений от холодного до обжигающее горячего заставляет мышцы моего лона непривычно скаться.

— Проклятье!

Он вновь повторяет это же действие. Чередуя холодное и горячее ощущения. И чувство удовольствия пронзает меня снова и снова, не позволяя мне расслабиться. Наконец, холодное ощущение становится таким же приятным, как и горячее прикосновение его языка, и мои бедра устремляются вперед.

— Твой язык голубого цвета, — издаю я стон.

Зет играво вскидывает бровь.

— Как и твоя киска.

Я прекрасно понимаю, что он собирается сделать в следующую секунду, и я не согласна, я совсем не согласна с этим. Нет, нет, я

категорически не согласна. Но уже поздно. Он легко проскальзывает им в мой горячий жар, издавая предостерегающий рык, чтобы я не смела отодвинуться от него.

Это самая чертовски холодная вещь на земле. И в то же время нет. Пламенное ощущение жалящего холода быстро сменяется жаром — странное чувство. Я задыхаюсь, когда Зет медленно вытаскивает лед, и затем делает то, что полностью рушит все чувство самоконтроля в моей голове. Он берет в рот фруктовый лед, низкий рык одобрения раздается в его груди, когда он оборачивает свои чувственные губы вокруг него и начинает неспешно посасывать. Я еще никогда в своей жизни не испытывала такой ревности к фруктовому льду.

— Ммм... Вкус жевательной резинки и Слоан. Лучшее сочетание, — мурлычет он

О. Мой. Гребаный... Я не могу здраво соображать.

Зет быстро забирается сверху моего тела, словно голодный хищник, его глаза наполнены пламенем. Я немного отодвигаюсь от него, пока не оказываюсь лежащей на спине, а он нависает надо мной. Он протягивает фруктовый лед и проводит сладостью по моим губам, пока я не открываю рот, затем медленно скользит им между моими губами. Во рту ощущается вкус сладости и сахара — взрывной вкус совершенства. Затем Зет достает его из моего рта и помещает снова в свой, посасывая, пробуя, как будто может почувствовать вкус моего рта. Затем убирает его и кладет на стол рядом с моей головой и рассматривает меня, его дыхание тяжелое и прерывистое.

— Настало время веревки, злая девочка.

Я даже забыла про веревку. Ее образ напоминал мне злую свернувшуюся в клубок змею, которая притаилась на краю стола — опасное существо, которое я пыталась не провоцировать. Сказать, что это меня волновало, ничего не сказать, но я уже приняла решение ранее: я устала всего бояться. Зет берет веревку в руки, и я мысленно подготавливаю себя к состоянию ужаса от полностью уязвимого состояния. Это будет не так как прежде, когда он меня обездвижил, привязав к столбикам кровати. В этот раз, скорее всего он, свяжет мои запястья за спиной и мои лодыжки вместе. Но кто знает? Возможно, он свяжет что-то одно или руки или ноги.

Почему он останавливается?

Зет не говорит ни слова. Он спрыгивает со стола и небрежно

стягивает свою футболку через голову, так, как делают это мужчины, и затем появляется у края стола словно фигура, которая грубо высечена из камня, только он создан из жестко переплетающихся мышц вместо грубого природного материала. Мужчина расстегивает ремень, скидывает свои туфли, сдергивает джинсы за какие-то десять секунд, и затем он... стоит передо мной полностью обнаженный. Его член возбужденный и твердый, головка которого касается пупка. Во время своего обучения я видела большое количество членов и уже позже во время своей работы, но я еще никогда не видела такой огромный член. Честно говоря, я всегда считала, что они выглядят отвратительно. Но у Зета... нет. Он по-настоящему восхитителен. То, как мужчина смотрит на меня в ответ, одновременно и пугает и притягивает, и я не могу отвести взгляда. Я не хочу.

— Поднимись.

Я едва могу доверить своим ногам такое ответственное задание, но они кое-как справляются. Тысяча мыслей проносится у меня в голове — он что, собирается нагнуть меня над столом и как следует оттрахать? Или, может, собирается опять взять кухонный нож? Возможно, он завяжет мне глаза и сделает со мной вещи, о которых я даже не могу говорить, не то чтобы представить. Но он не делает ничего из этого.

Зет подхватывает меня на руки и приподнимает таким образом, что я оборачиваю свои ноги вокруг его талии. И затем он прижимает меня к стене, боль проносится через мои нервные окончания, как резкий, неприятный звук на ненастроенном фортепиано.

— А!

Мужчина не теряет не единой секунды, резко скользнув в меня. Он толкается с такой силой, что мои глаза наполняются слезами.

— А! — кричу я в этот раз намного громче, Зет издает рык, прикладывая силу, чтобы погрузиться в меня. Его ладони, чтодерживают меня за бедра, в следующую секунду оказываются в моих волосах, решительно оттягивая голову назад, затем склоняя набок, чтобы получить доступ к моей шее, а затем вонзается зубами в нежную кожу на ключице. Смесь боли и удовольствия опьяняет. Я позволяю ему увлечь меня в свое пламя, позволяя языкам этого пламени вспыхивать сильнее. Впиваюсь ногтями в его спину, наслаждаясь ощущением того, как напрягаются его мышцы от боли, что я причиняю.

— Плохая девочка, — рычит Зет. Но он не говорит мне

остановиться. В любом случае, он словно наслаждается болью, устремляясь ей навстречу. Я хватаю его за волосы и дергаю его голову назад, точно так же, как он делал пару минут назад мне, и внезапно вижу взгляд в его глазах. Он полностью одержим своим желанием, снедаем потребностью. Во мне? Этот мрачный, задумчивый, сексуальный мужчина хочет меня? Черт. Я даже не могу представить, как это может быть на самом деле, но это ясно как дважды два.

Зет толкается в меня снова и снова, наши взгляды прикованы друг к другу. Что-то... что-то проскальзывает между нами. С каждым следующим толчком у меня такое ощущение, что я становлюсь ближе к чему-то, как лодка, которую притягивают к берегу. Он тянется рукой между нашими телами и поглаживает мой клитор, надавливая на него, показывая тем самым свои серьезные намерения. Он хочет, чтобы я кончила. Я готова сделать это, но еще хочу ответить ему услугой за услугу.

Когда удовольствие внутри меня увеличивается до масштабов урагана, я чувствую, что... Я хочу сделать кое-что, что я знаю абсолютно точно, является очень глупой идеей. Я устремляюсь вперед и делаю это, перед тем как могу остановить себя. Обрушаюсь своими губами на губы Зета, в то время как он трахает меня у стены, и в следующее мгновение я чувствую себя словно в раю. Его губы на моих,ственные и сладкие, и на вкус, как жвачка и порочный секс. И это самое потрясающее ощущение, которое я когда-либо испытывала. И я кончу.

Бессознательно моя голова откидывается назад, ударяясь о стену позади меня, когда в моем теле зарождаются языки обжигающего пламени. Я вижу звезды, тому виной боль, которая отдается в моей голове, и оргазм, который разливается мощной волной по моему телу. Зет кончает одновременно со мной, заявляя о своем удовольствии животным криком, как он делал в той квартире. Его пальцы впиваются в мою кожу одновременно с тем, как его движения замедляются, пока все полностью не прекращается; его дыхание выходит тяжелыми толчками, рот приоткрыт, голова прижимается к моей шее на непродолжительное время, пока он не отстраняется от моих бедер и выскользывает из меня. Ощущение вытекающей из меня теплой, влажной жидкости обрушивается на меня с огромной силой, и я понимаю, что к моему ужасу мы не воспользовались презервативом.

Внезапно потрясающее удовольствие, что царит во мне, разбивается вдребезги и полностью исчезает, возвращая меня тем самым на землю. Зет отстраняется от меня и разворачивается ко мне спиной, вознаграждая меня восхитительным видом своей голой задницы. Он проскальзывает пальцами в свои волосы. Я чувствую, что он тоже напуган.

Я обнимаю руками свое обнаженное тело, внезапно чувствуя, что мне неприятно находится полностью обнаженной и уязвимой.

— Все... все хорошо, — бормочу я. — Я должна его немного успокоить, и хотя следующее предложение, что слетает с моих губ, звучит как абсолютно избитая фраза, но мой голос все еще тихий и невыразительный, когда я произношу: — Я приму противозачаточную таблетку, которую можно использовать после полового акта. Поэтому нет причин для беспокойства.

Зет опускает руки по бокам, неспешно поворачиваясь ко мне. На его лице воцаряется выражение смущения вперемешку с гневом.

— Никогда не смей делать это снова, — говорит он. Он качает головой, смотря на меня, будто я лишилась своего рассудка. — Больше не смей, бл*дь, никогда меня целовать.

3 глава

Зет

Эта женщина, Пиппа Ньюан, сказала прийти в офис к двум, но никакой причины спешить нет. Она также сказала, чтобы вместе со мной пришла Слоан, но так как она работает, эта идиотка мозгоправ, скорее всего, притащит еще кого-то, кто бы мог сидеть на встрече, и все ради того, чтобы доказать Слоан, что я не тот парень, с которым стоит проводить свое время. И она, скорее всего, права, но это все равно ужасно злит меня. Она даже не представляет, что я сделал, чтобы защитить ее подругу. Но я рад, что Слоан не смогла присоединиться. После того как оттрахал ее вчера у стены, я был просто в ужасном настроении. Мне не следовало откладывать веревку, мне следовало бы связать ее и делать все, что я хотел, использовать ее так, как всех остальных. И когда я увидел, выражение сомнения на ее лице, то изменил свое мнение. Но не потому, что я бы не смог этого сделать; я бы сделал это, не колеблясь, и насладился бы каждой минутой. Просто не хотел, чтобы она чувствовала себя так. Так, как все остальные, кто был до нее. И затем она разрушила все, поцеловав меня, и я потерял контроль над всем, затем выскочил прочь из ее дома. И сегодня мне совсем не хочется видеть ее. Поэтому, мне очень даже на руку, что она на работе и не сидит рядом со мной снаружи здания, где находится офис Пиппы.

Я появляюсь в полдень. Здание выходит на Гринлейк парк, который сияет радугой осенних цветов: красным, оранжевым, коричневым, зеленым. Деревья расположены ровными рядами, над пышной листвой виднеются покатые холмы. Семьи прогуливаются с собаками; матери качают своих детей на качелях. Влюбленные парочки прогуливаются неспешно, держась за руки, одетые в теплые пальто. Пар поднимается от кофейных стаканчиков, из которых они пьют. Это вам не гетто, где такого и близко не увидишь. Я издаю вдох сожаления. Слоан пыталась заставить внести в список пациентов своей подруги неуравновешенного бывшего заключенного. И если бы я был таким же осуждающим, как Пиппа, то я бы, наверное, подумал, что она разбогатела на государственных дотациях, которые выделяются ей, чтобы она занималась с такими больными придурками, как я. И скорее всего, условно-досрочные осужденные психуют из-за того, что им придется садиться на автобус номер шестнадцать, чтобы посетить гребаное здание. И это только для того, чтобы им еще раз дали понять, что они никогда не будут способны позволить себе таких квартир, как в том

богатом здании. Это что-то вроде большого смачного среднего пальца, которым вам тычут в лицо, сродни напоминанию, что вы — просто мусор под ногами.

Я стою снаружи здания, наблюдаю за входом, курю свою сигарету. Я прекрасно понимаю, что внутри здания есть служба охраны, и на входе обязательно стоит охранник, у которого мощные мускулы, который готов дать отпор мелкому хулигану, если тому отказали выписывать его валиум. Я выкуриваю сигарету, начинаю следующую. Холод проникает под мою кожаную куртку и ощущается глубоко в костях, просачивается в кровь. Спустя какое-то время я поднимаюсь и решаю немного пройтись, не отрывая взгляда от входной двери здания. Несмотря на то, что я пристально наблюдаю за входом, я практически упускаю свою возможность пройти внутрь.

Паренек, которому примерно двадцать-двадцать один год, одетый в джинсы, которые еле держатся на его бедрах и прикрывают его задницу, начинает подниматься по лестнице. Я мчуясь к нему, и в этот момент по телу пробегают мириады искр, которые стремительно поднимаются вверх по моему позвоночнику от ощущения нетерпения, когда я спешу вверх по лестнице. Я перескакиваю через три ступени, чтобы быстрее добежать к парню. Подбегаю к нему и хватаю его за шею, сдавливая ладонью затылок, когда палец парня зависает над кнопкой звонка.

— Я твой дядя, — рычу я ему на ухо. Он резко разворачивается, готовый нанести удар, на его лице воцаряется недовольное выражение, но когда он рассматривает меня как следует, то подается назад.

— Что тебе надо? Ты не мой дядя, чувак. — Он отступает назад не потому, что я на порядок больше него. Все дело в моем взгляде, который означает «не-думай-что-я-тебя- не-грохну-если-сделаешь-хоть-какое-то-левое-движение».

— Сейчас, я твой дядя. Когда мы войдем внутрь здания и поднимемся по лестнице, я буду все еще твоим гребаным дядей. Когда мы доберемся до кабинета, ты можешь проваливать. И чтобы больше я тебя не видел, а то сотру в порошок.

Парень слышит явное предупреждение в моем голосе, но я легко киваю ему, тем самым предоставляя немного доверия.

— Мне, правда, нужно спешить на встречу с психологом, мужик. Я уже опаздываю на встречу.

— Не парься. Я гарантирую, что ты успеешь, и у тебя не будет

проблем с доктором.

— Да? — скрежещущий голос, что раздается из динамика, принадлежит молодой девушке. Я смотрю сердитым взглядом на паренька, давая ему понять, насколько он попадет в неприятности, если испортит эту часть моего плана. Он смотрит на меня со скрытым намеком и пожимает плечами.

— Привет, это Антонио. Я пришел к доктору Ньюан.

— Привет, Антонио. Проходи.

Дверь издает глухой, лязгающий звук замков. Антонио открывает ее, и мы проходим внутрь — мощный парень встречает нас на входе. Он выглядит не очень дружелюбно. Я могу абсолютно точно сказать, что он бывший военный. Я чувствую за милую морпехов. Он знает, что что-то не так, когда смотрит на меня.

— Доктор Ньюан знает, что ты сегодня привел с собой гостя, мистер Флетчер? Ты же знаешь, как она не любит, когда приводят посетителей, которых она не ждет.

— Да, Франц. Остынь. Он мой дядя. Она сказала мне привести его.

Охранника зовут Франц, ради всего святого, какие идиоты называют своих детей именем «Франц»? Этот парень смотрит на меня и говорит:

— А мне казалось, что твой дядя отбывает наказание в одной из тюрем?

— Ага, только что прибыл из СиТак. (прим. пер. международный аэропорт, находящийся в черте города СиТак (штат Вашингтон, США) между крупными городами Сиэтл и Такома.)

— Ну-ну, по твоему свежему виду так и скажешь, что ты только что доехал сюда на автобусе, — отвечает Франц. Он пихает подносом мне в грудь, совершенно не вежливо. — Ну, тогда тебе должно быть известно, что с этим делать.

Ослепительно улыбаясь гребаному охраннику я выкладываю все из своих карманов на поднос: бумажник, сотовый телефон и ключи. Я намеренно оставил пушку в машине. Мой бумажник, ключи или сотовый не принесут мне проблем, какие принес бы пистолет. Франц смотрит на меня таким взглядом, как будто не верит, что у меня нет при себе оружия. Я поднимаю руки вверх, с вызовом «обыщи меня, гребаный мудак». Он игнорирует меня и протягивает поднос в сторону Антонио. Грязный билет автобуса, ключ от дома и смятая двадцатка

ложатся на поднос рядом с моими вещами. Я полностью уверен, что то, что находится в карманах Антонио, это и есть его сбережения, накопленные за всю жизнь.

— Это останется тут, заберешь, когда будешь спускаться от доктора. — Франц указывает на дверь, что находится позади него. — И лучше бы тебе поторопиться. Ты прилично опаздываешь.

Кабинет находится на третьем этаже; излишне обставленный с претензией на стиль. Когда мы входим в просторную комнату ожидания, владелица хриплого голоса поднимается со стула и приветствует нас. На ее лице сверкает выражение... волнения? Ей примерно около двадцати, волнистые светлые волосы, подтянутое тело, обтягивающая юбка и блузка. Она похожа на девушку из фильма «Блондинка в законе». Она улыбается, когда видит около меня парня.

— Привет, Антонио.

— Привет, Патриция. Это, эм, мой дядя. — Я сразу замечаю, что между этими двумя что-то есть, этого нельзя не заметить. Девчонка практически плавится в присутствии этого недомерка. Ее радостная улыбка исчезает с лица, когда она смотрит на меня.

— О, здравствуйте, сэр. Вы пришли с Тони, чтобы поддержать его?

— Что-то вроде этого.

— Не желаете присесть?

— Вообще-то, я думал, что вы с Антонио сходите погуляете или же просто попялитесь в одно из больших окон. Мне нужно перекинуться парой слов с доктором Ньюан о сеансах Антонио. — Гениальный ход. Если парень спустится без меня, то охранник будет тут через секунду. А так все будет нормально

— Э, мне нельзя покидать стойку регистрации.

Я смотрю в сторону Антонио.

— Пойдем, Триш. Все нормально. — Он протягивает ей руку, и мои подозрения подтверждаются. Триш краснеет, принимая его руку в свою. Она аккуратно обходит меня, как будто я дьявол во плоти. Умная девочка. Когда эти двое уходят, я усаживаюсь на стул в приемной и просто жду. Интерком на ресепшене оживет и издает протяжный звук пару раз. Семь минут спустя, дверь в конце коридора открывается, и высокая брюнетка в брючном костюме выходит из кабинета.

— Патриция, сколько тебе раз повторять! Что если раздается сигнал на интеркоме, то это значит... — Женщина замечает меня. Замирает.

Кладет свои руки на бедра. Это защитный механизм — когда вас атакует медведь, попытайся стать круче и показаться сильнее.

Я мило улыбаюсь, смотря на нее. Она прикасается ладонью к своему лбу, затем опускает взгляд и смотрит пару секунд на свои туфли. Такое ощущение, что подыскивает слова, чтобы отреагировать на мое появление. Когда поднимает на меня взгляд, то видно, что она вновь вернула себе контроль над ситуацией.

— Она сказала, что ты отвратительный, — произносит Пиппа.

— Я в курсе, что она тебе сказала.

— Я должна спрашивать или волноваться, куда исчез мой пациент и мой регистратор?

— Они в полном порядке. Скажем так, что они на своем первом свидании.

Пиппа качает головой...

— Ужасно. Ну что ж, как мне кажется, что тебе лучше пройти в кабинет, и мы обсудим все там. — Она совершенно не нервничает. С одной стороны мне нравится это, но с другой — раздражает. Я хотел застать ее врасплох своим неожиданным визитом, но она едва моргнула, когда увидела меня. Она указывает рукой, чтобы я прошел в ее офис. Я поднимаюсь на ноги и прохожу внутрь. Пиппа следует за мной, закрывая дверь за нами. Вместе в закрытом пространстве? Да, у этой женщины точно стальные яйца.

— Так ты здесь, чтобы поговорить о своем друге? — Она садится на стул и передвигает его к рабочему столу, скрещивает ноги в щиколотках, располагая переплетенные пальцы на животе. Эта поза мгновенно разжигает во мне злость. Поза тюремного надзирателя.

— Нет, я здесь, чтобы поговорить о тебе, — поправляю я ее. Я подхожу к окну, проходя мимо стула, который расположен перед столом Пиппы. Если мое присутствие ее заставляет нервничать, то она это не показывает.

— Что ты хочешь узнать?

— Ты занимаешь этой херней ради денег или же по-настоящему помогаешь людям?

Она пожимает плечами.

— Я думаю и то, и другое. У меня, как у всех, есть счета, которые необходимо оплачивать. Но я делаю деньги на том, что помогаю людям с их социальной реинтеграцией в общество, помогаю им отделять их

проблемные области жизни и учу менять их, добиваться позитивных изменений в своей жизни.

Я поднимаю руку, останавливая ее, так как услышал достаточно бреда до конца моей жизни. Такое ощущение, что она читает это из какой-то статьи. И на данный момент я еще не ушел только из-за первой части сказанного ею. Она признала, что делает это ради денег.

— Пациенты уже признавались тебе в преступной деятельности? — спрашиваю я довольно требовательно.

— Да.

— И какие меры ты приняла?

— Соответственные.

Она оповестила полицейских. Это не сработает. Я точно не знаю, что было в прошлом Лейси, но думаю, было что-то ненормальное и из ряда вон выходящее, перед тем как она появилась на моем пороге. И, скорее всего, было связано с незаконной деятельностью.

— Что я должен сделать, чтобы ты приняла ее вне записей в журнале учета пациентов. Чтобы ты сохранила все втайне, несмотря на то, что она тебе расскажет.

Пиппа смотрит на меня оценивающим взглядом, раздумывая над моими словами.

— Я доктор, мистер Мейфэйр. Я давала клятву Гиппократа, как и Слоан. Мы обе связаны клятвой, чтобы помогать людям, которые нуждаются в этом. При чрезвычайной ситуации я хотела бы принять вашу подругу, не заводя на нее файла, но не забывайте, что я также связана законом. Если она признается мне в том, что сделала что-то намеренно, чтобы причинить вред другому человеку, в этом случае я не смогу закрыть глаза на подобное.

— Так получается, клятва Гиппократа, которую ты дала, будет принуждать тебя помочь человеку, но чувство гражданского долга возьмет вверх в любом случае.

Ее стального цвета глаза смотрят на меня. Отстранено и хладнокровно.

— Именно так обычно и происходит. Это то, как все работает.

— А денежная сумма не изменит твоего решения?

— Простите, но нет, мистер Мейфэйр.

— Тогда, я полагаю, что мы закончили тут. — Гребаная трата времени. Меня не должно волновать ее мнение. Я направляюсь к

выходу, не желая тратить даже своего вдоха на диалог, от которого не будет толку. Пустой разговор. Есть миллионы врачей, психологов, полицейских, которые могут сделать свою работу за определенную сумму. Просто мне нужно подкупить одного из них.

— Мистер Мейфэйр? — Ньюан все еще сидит за своим рабочим столом. Она даже не меняет своей позы. — Но есть одна причина, ради которой я могу пойти наперекор своим принципиальным суждениям, закрыть глаза на ее рассказ, который мог бы привести к ее тюремному заключению.

— Да? И что же это?

Она смотрит на меня, и я вижу неподдельное волнение в ее глазах. Это трудно скрыть.

— Ты должен оставить мою подругу. Навсегда. Ты должен держаться от нее подальше.

Так-так-так. Коварная сука. Теперь она точно мне не нравится.

— А если Слоан не согласна с этим? Если она сама хочет продолжать со мной видеться?

Пиппа смотрит в окно, наблюдая пределы своего безопасного королевства.

— Ну, тогда, если она хочет продолжать встречаться с тобой, я не могу ее остановить. Но что касается сеансов, что ты ждешь от меня... Ты будешь платить в двойном размере — за свою подругу и себя, потому что я не желаю, чтобы рядом с моей подругой находился неуравновешенный человек.

4 глава

Зет

Я и ультиматумы? Да, вы все правильно поняли, мы чертовски несовместимы. Дайте мне два варианта и скажите выбрать среди них один, так вот я найду третий, просто показав вам средний палец. Хотя

подруга Слоан совершила обманный маневр. Попытаться найти третий вариант не представляется возможным. Ньюан хочет, чтобы я прекратил видеться с ее подругой и держался от нее подальше, чего я не могу сделать. А гребаная альтернатива в том, что мне придется посещать занятия по терапии вместе с Лейси. Чего я тоже не могу сделать.

Прежний я просто бы послал все на хрен и сказал ей, что буду держаться подальше от Слоан, все-таки намереваясь видеться с ней и дальше, но если я так сделаю, и про это узнает эта мозгоправша, то заплатить цену придется Лейси, а не мне. А девушке очень нужна помочь специалиста. Она нуждается в помощи больше, чем я нуждаюсь в Слоан Ромера в моей жизни.

Ну, по крайней мере, я пытаюсь убедить в этом себя.

Как бы там ни было, кем себя возомнила эта гребаная женщина? Я так чертовски зол на нее. Обычно я бы решил это проблему очень просто. Я бы ударил в лицо человека, который был причиной моего гнева. Но я не мог сделать этого. Она самоуверенная в том плане, что уменя-есть-степень-по-психологии-а-ты-человек-который-совершенно-не-дружит-с-головой. Она действительно манипулирует жизнью Слоан очень расчетливым способом. Может, стерва просто ревнует, что Слоан может получать что-то. Я смеюсь: ну это вряд ли. Потому что эта женщина излучает собственный вид сексуальности, что может подтвердить, что у нее нет проблем, чтобы позволить себе то, чего она хочет. Она, скорее всего, просто приглядывает за своей подругой, но я сделаю все, чтобы избежать выполнения ее просьбы.

Я еду на своем «Камаро» через весь город, направляясь в особняк Чарли, который находится на другом конце полуострова Хант-Пойнт. Это одно из самых благоприятных мест для здоровья в Сиэтле. Банкиры, профессиональные игроки в гольф, бизнесмены и все остальные уважаемые члены общества живут здесь. Они приветствуют Чарли, когда выгуливают своих собак, подстригают газоны, улыбаются ему, когда едут на своих «Лексусах» по покрытым листвой пригородным улицам. Они даже и не подозревают что он гребаный убийца. Он живет тут примерно двадцать пять лет, и это место свято для него. Он явно не гадит там, где ест, и, определенно, не любит, когда его «мальчики» приносят на своих ботинках дермо, оставшееся от грязных делишек. Это значит, что он не поощряет никакого оружия, никаких сделок, никакого проявления недовольства и разговоров на

профессиональные темы у его парадной двери. Следуй правилам и этот мужчина будет обращаться с тобой как с чертовым королем. Не будешь следовать простым правилам, и он заставит тебя пожалеть, что ты появился на свет.

Разговор по делам бизнеса — это причина, по которой Чарли вызвал меня сегодня вечером к себе. Этот проныра никогда так и не был женат, но его любовницы, Софи, сегодня нет в городе, потому что она поехала навестить свою мать, поэтому весь дом сегодня в его распоряжении — никаких лишних ушей, которые могут услышать информацию, которую слышать не следует. Я веду «Камаро» по длинной подъездной дорожке, которая ведет к особняку Чарли и жду, чтобы ворота с шумом открылись. Громкий треск раздается парой секунд позже. Охранники уже привыкли к моим визитам. Знают, что меня нельзя заставлять ждать.

Я ставлю машину и захожу внутрь, даже не думая звонить в звонок. Стучать в дверь Чарли — это для таких парней как Рик или О'Шэннеси, которые общаются с Чарли на более низком уровне и знакомы с ним всего пару лет. Я, бл*дь, вырос в этом доме. Я потерял девственность с одной из мексиканских горничных, которые привыкли убирать за мной, когда я был еще сопливым подростком. Я впервые сломал там ребра, когда у нас была тренировка с моим тренером по боевым искусствам на теннисном корте, который находится позади дома. Мое жилье на данный момент очень скромное по сравнению с этим огромным особняком, но я никогда не чувствовал, что тут мой дом. Я привык считать домом вонючую дыру, где растил меня мой дядя первую жалкую часть моей жизни. Совершенно нищенскую. Такой тип бедности пробирается в самую суть твоей души. И неважно насколько высокая крыша над твоей головой, или скольких горничных ты перетрахаешь, и сколько автомобилей за сотни тысяч долларов будут припаркованы на твоей подъездной дорожке, готовые к тому, чтобы ты ими воспользовался, ты никогда не сможешь по-настоящему убежать от этого.

Яркий свет внутри дома Чарли освещает все. Хрустальные люстры, персидские ковры, старинная мебель — все из этого является его работой. Может, он как босс преступного синдиката и живет в этой стране, но в душе он все еще мальчишка, который наивно полагает, что застрял в девятнадцатом веке в Англии.

— Чарли! — кричу я, проходя через большой холл первого этажа, направляясь туда, где я точно могу найти этого мужчину: его кабинет. Как я и предполагал, когда я открываю дверь седой ублюдок сидит, согнувшись пополам за до омерзения шикарным столом, вдыхая дорожку кокаина. Он выпрямляется, его зрачки увеличены до размера железного доллара, когда он держит пальцы прижатыми к ноздре покрытой кокаиновой пылью.

— Так-так, не это ли мой самый проверенный работник. — Он откидывается назад на спинку кресла, отряхивая свои ладони, затем вытирает их о синюю жилетку в белую полоску, оставляя белые разводы поверх ее. — Так рад, что ты присоединился ко мне. Ты закрыл за собой дверь?

— Конечно, я сделал это. — Самое первое, что я понял о Чарли, — он ценит больше всего безопасность, особенно своего собственного дома. Несчастье случалось с тем человеком, который оставлял чертово окно открытым.

Чарли пожимает одним плечом, кивая. Он указывает мне рукой на кресло, которое стоит прямо напротив его стола. Я усаживаюсь, устраиваясь поудобнее.

— У меня есть для тебя важная работа, сынок.

— Ага. — Не могло быть другой причины, почему он захотел видеть меня здесь. Чарли старался быть милым, притворялся изо всех сил, что мы грабаная семья, но правда была в том, что я его темное и зловещее оружие. Держал бы он меня рядом с собой, если бы я больше лез в его управление бизнесом, задействовал бы он меня в отмывании своих денег или налаживании рабочих контактов, как он мне говорил в последний раз? Возможно. Но я знаю, что я более полезен ему в виде дикого опасного монстра.

— Все дело в Рике. — Мужчина достает острое лезвие бритвы из деревянного стола и начинает выравнивать еще одну кокаиновую дорожку для себя. Этот старый проныра просто профессионал в этом, он быстро справляется. Меня удивляет, как у этого мудака вообще осталась носовая перегородка. Когда он заканчивает, то указывает острым концом бритвы на меня, подаваясь всем телом вперед.

— Этот маленький гавнюк сливает информацию байкерским бандам.

Сливает информацию байкерским бандам? Я не могу сдержаться и

смеюсь с его слов.

— Его отец глава мотоклуба. А чего ты ожидал? Я же предупреждал тебя, что твой товар рано или поздно окажется в его борделе, если ты подпустишь к нему.

— Пушки, наркота — мне совершенно похеру на это. — Он делает в воздухе жест рукой. — Он может продавать это кому угодно, мне абсолютно наплевать.

— Тогда что именно он продает?

Чарли откидывается на спинку кресла, его зрачки все еще слегка больше, чем должны быть. В данный момент его одолевает десятибалльное состояние паранойи; кокаин всегда оказывает на него такое влияние.

— Информацию, Зет. — Он все еще смотрит на меня немигающим взглядом. — Информацию! Этот гавнюк сливал нашу информацию какой-то небольшой банде на юге Калифорнии, каким-то неизвестным отморозкам, на которых всем наплевать. Рассказывал им, что находится на наших складах. Когда и в какое время приходят поставки груза. Это очень ценная информация.

— Так на наши склады подверглись нападению? Их обчистили?

Чарли яростно качает головой.

— Нет, они в полном порядке. Не было ни звука, ни гребаного движения в нашу сторону.

Скорее всего, я сейчас рисую тем, чтобы мои яйца не оторвали к чертовой матери за тот вопрос, что планирую задать.

— Тогда ты уверен, что парень просто не рассказывает все это своей семье? Ну, ты знаешь, как это бывает. От одной чапты к другой, все они связанны. Все они замешаны в делах друг друга, все трахают одних и тех же женщин.

— Нет! Я слышал его! Я слышал, как он говорил им о девушках в контейнерах. И это уже не семейные толки, речь идет о наличке, о большой сумме денег.

Если Чарли хотел снискать мое расположение к себе, то ему, вероятно, не нужно было поднимать опять тему забытого контейнера для перевозок. Это было камнем преткновения между нами, с того момента как я узнал что старик был причастен к продаже девушек. Я все еще, не решил смогу ли посмотреть на это сквозь пальцы без ответной реакции на это. Старый придурок, скорее всего, не стал бы

упоминать об этом, если бы не был в таком состоянии.

— А как ты его мог слышать?

— Через его телефон, болван! Ты думаешь, что хоть кто-то из моих сотрудников не прослушивается? Я не настолько доверчивый. Я должен быть твердо уверен в том, что мои интересы хорошо защищены.

По телефону? Что, бл*дь, это может значить? Прослушивающее устройство? Жучок в сотовом телефоне Рика? И не только в телефоне Рика. Чарли только что сам сказал: «Думаешь, что хоть кто-то из моих сотрудников не прослушивается?»

Холодный пот покрывает мое тело.

Моя кровь в одно мгновение превращается в бушующую лаву. Мое видение слегка мутнеет, что никогда не является хорошим предзнаменованием — ударю ли я его, если выяснится что он и правда это сделал.

— Ты что прослушиваешь и мой телефон, Чарли? — я спрашиваю его спокойно. Аккуратно. У старика жесткий и агрессивный характер, как у льва, но и у меня такой же. Но я все равно не хочу выводить его из себя, тем более, когда нахожусь на его территории, не зная всех фактов, но просто невозможно держать себя под контролем. Гнев Чарли слегка утихает, как будто до него доходит, что он только, что мне сказал. Как будто до него доходит, какой великой глупостью было признаваться мне этом.

— Нет, нет, нет, естественно, не тебя. Конечно же, что тебя нет. Ты же семья, только не тебя, Зет. — И теперь он опять завел свою про то, какая мы семья. Что и доказывает мои подозрения. Чарли предлагает мне тонкую дорожку кокаина, которая ровно располагается на его столе.

— Мне нужно, чтобы ты проследил за Риком, хорошо? Он планирует встретиться с ними завтра на верфи. Они чем-то планируют обменяться. Я хочу знать чем. Я хочу, чтобы ты забрал у него это что-то и затем убил мерзкого гавнюка. Ты слышишь меня Зет?

Я отказываюсь от кокса, качая головой. Я не куплюсь на его уклончивый ответ, на мой вопрос; это все только подтверждает насколько все хреново. Ублюдок. Информации про девчонок уже было вполне достаточно, чтобы убить, но он оказывается еще и следит за мной. Я пытаюсь ослабить мышцы в моем теле, расслабить их достаточно, чтобы избавиться от всепоглощающего меня гнева.

— Во сколько встреча? — выдыхаю я.

— В семь тридцать. И ты должен удостовериться, что заставишь этого мелкого ублюдка страдать, перед тем как убьешь его. — Чарли кажется, совершенно не волнует, что я отказался от предложенных мне наркотиков. Он вдыхает их сам, затем выдыхает протяжный стон. Только самому богу известно, сколько дорожек кокса он уже вдохнул перед моим приездом. Но за последние пять минут уже три. Стариk откидывается в своем кресле, голова откидывается назад, его грудь размежено приподнимается и опускается, и он издает стон удовольствия. Я поднимаюсь на ноги и иду на выход, все еще одержимый потребностью сжать пальцы в кулак и впечатывать его в лицо Чарли, много раз.

— Я дам тебе знать, как все пройдет, — говорю я ему через плечо, когда выхожу. Хотя, скорее всего, мне не обязательно делать это. Чарли все равно будет следить за мной. Он, скорее всего, будет наблюдать за мной через всю эту гребаную спутниковую систему, как мне кажется. Я стремительно покидаю его дом, прежде чем могу совершить что-то опрометчивое. У него все равно есть группа личной охраны на территории. Если я даже просто пошевелю чертовым пальцем или разобью его вазу, поцарапаю, одно из его старинных кресел с высокой спинкой, или же дыхну не в том направлении, в котором должен, я покойник.

Вместо этого, я быстро запрыгиваю в свой «Камаро» и выжимаю все, что можно из своей машины, сжигая целый дюйм хорошей резины. Я быстро выезжаю через ворота, направляясь, прочь от этого места, которое Чарли называет домом. Я почти пересекаю Клайд Хилл, когда останавливаюсь на обочине и выуживаю свой сотовый из кармана.

У меня смартфон, и это не тот телефон, в котором вы сможете с легкостью удалить заднюю крышку телефона. Как, бл*дь, Чарли сумел поместить туда маленький жучок, я не представляю, но если кто-то и мог сделать это, то это, несомненно, он. Я нажимаю разблокировку телефона и затем предусмотрительно нажимаю кнопку доступа к контактам телефона, чтобы записать единственный номер, который я просто еще не успел запомнить: номер Слоан. Я быстро записываю ручкой цифры на тыльной стороне ладони, и затем со всей силы ударяю смартфон о приборную панель машины. Крошечные кусочки стекла разлетаются повсюду, они полностью усыпают поверхность пола под

моими ногами, а так же виднеются повсюду на кожаных сидениях. Я отделяю от телефона металлический корпус, и мое дыхание практически останавливается, в тот же чертов момент. Там находится крошечный, квадратный чип, это и есть подслушивающее устройство, который припаян на плату главного процессора. И абсолютно ясно, что этот чип совершенно не принадлежит к деталям телефона. Другая деталь просто произведение искусства, искусно сделанное и кропотливо собранное. Этот чип абсолютно точно является подслушивающим устройством, этот акт предательства, очевидно, был установлен туда очень талантливым хакером. Но, как бы то ни было, они не смогли сделать это настолько, же искусно, чтобы этот чип смотрелся как часть телефона. Я открываю окно с водительской стороны и выбрасываю телефон, издавая гневный рык.

Я не могу поверить, что он сделал это.

Я на самом деле был таким идиотом, что не ожидал этого от него. Ну и кто тут теперь дурак, я или он?

Бог знает, что старик мог услышать из моих разговоров. Я даже не способен думать об этом прямо сейчас. Мотор «Камаро» ревет, когда я завожу его, направляясь, домой.

Я сделаю эту последнюю услугу для Чарли, но больше я не буду ничего делать для него. Я выясню, что за дела крутит Рик. Я сделаю это для того, чтобы узнать, что за дерньмо происходит вокруг меня, и затем приму соответствующие меры.

5 глава

Зет

Сделка происходит именно там, где и сказал Чарли: на верфи. Рик, который сложен как танк, и каждый миллиметр его кожи покрыт переплетениями татуировок, начиная от шеи и ниже, встречается с тремя байкерами с другой банды, совершенно не известной мне. На нашивках их жилетах написано «Разрушители». Я прибыл сюда немного раньше, чем они и расположился на втором этаже сгоревшего

склада, иногда Чарли использует его для встреч подобно этой. Я не думал, что Рик настолько тупой, чтобы явиться сюда, но кажется, я просчитался, потому что парень приходит ровно в назначенное время, как гребаные часы. Рев мотоциклов раздается десятью минутами позже, байкеры подъехали, проклиная полицейское преследование, от которого им пришлось постараться избавиться. Эти «Разрушители», скорее всего конченые мудаки, потому что влезают в сделку по типу этой. Рик подружески обнимает первого парня громилу, который даже будет выше меня, и стукается кулаками с другими двумя парнями.

— Ты о чем, Калеб? Сколько еще? — спрашивает Рик, обращаясь к первому парню, которого приветственно обнимал.

Громила прислоняется к своему байку, засовывая свои большие пальцы в карманы потертых джинсов.

— Три-четыре дня максимум. Наши парни готовы действовать дальше.

— Ты получил то, о чем мы говорили?

— Да, четверых. Хотя ты мог бы вместить шестерых в контейнер. Не понимаю, почему ты не хочешь увеличить свою выгоду.

Рик качает покачал головой.

— Когда становишься жадным, тогда можешь попасться. Четверо это идеальное количество. Кстати все из них девственницы?

Калеб отвечает кивком головы.

— Именно так сказал наш доктор.

— Хорошо.

— Лучше, чем просто хорошо, брат. Ты должен сам трахнуть эти киски, поверь мне. А также у этих крошек отличные задницы.

Рик усмехается, потирая подбородок.

— Ага, если бы я засунул в них свой член, то они бы уже не стоили столько, как сейчас. В кисках у меня нет недостатка. Лучше сохранить этих шлюх для Бунтаря. У парня денег больше чем у господа Бога.

Бунтарь.

Я совершенно не удивлен. Я не слышал имя этого парня некоторое время, с того самого момента, как гребаный частный детектив продал девственность Слоан этому мудаку. Бывший частный детектив, которого нет давно в живых за то, что он сделал это. И, кажется, сейчас этот мудак решил объявиться вновь. Рик абсолютно прав, что у гребаного придурка денег больше, чем вообще можно представить... и

еще у мудака есть отвратительная привычка покупать красивых девушек и использовать их до того момента, пока от них совершенного ничего не останется.

— Хорошо, но пришло время выложиться по полной, Холмс, — Калеб адресует свои слова к Рику. — На этот раз нам нужно что-то большее, чем просто время и даты поставок контейнеров. Нам необходимо что-то особенное. Что-то, что сделает счастливым старика.

Я делаю мысленную пометку разузнать, кто такой этот старик, скорее всего это президент байкерского клуба. Я знаю каждый клуб в Сиэтле — они не похожи на представителей ни одного из них, тем более они все платят дань Чарли, или наличными или же работой, требующей применения силы. Так что я могу абсолютно точно сказать, что «Разрушители» проблема, которая явно не принадлежит этому городу.

— Сто двадцать первая улица южной части города, — говорит Рик.
— Шлифовальный цех. Только недавно открылся. Через этот цех в следующем месяце пройдет товар на сумму полмиллиона долларов. Итоговая стоимость, которого будет составлять два миллиона к тому моменту, когда его расфасуют и упакуют по пакетам в виде порошка талька.

— Сколько человек работает на месте расфасовки товара? — спрашивает один из друзей Калеба. Калеб мгновенно бросает на него резкий взгляд через плечо; предельно ясно, что парни тут для того, чтобы расплатиться и ничего больше. И ясно, как белый день, что парням не позволено болтать. Парень сжимает челюсти и резко выдыхает.

Но Рик несмотря ни на что, все равно отвечает, выбирая проигнорировать тихое напряжение, которое повисло в воздухе между парнями.

— Четверо парней. Они отлично вооружены. Но в большинстве своем там парни из местных банд. Наёмные парни. Чарли не хочет, чтобы там были его постоянные работники.

Я не слышал об этом шлифовальном цехе. Чарли грязный вор, конечно, но он всегда клянется, что продает качественное сырье, оружие которое работает без осечек, наркотики, которые не выжигают внутренности. Чарли мне всегда говорил: «За каким хреном, мне мертвый клиент? Если я их убью, то они больше не будут, носить мне свои денежки, не так ли Зет, а мой мальчик?» Я так понимаю, что его

девиз немного изменился. Чтобы увеличить количество и вес продукта, скорее всего к коксу подмешивают какое-то дермо. С каждый новым кусочком информации я узнаю о Чарли все больше и больше: девушки в контейнерах, прослушивающее устройство в телефоне, а теперь еще и это, я начинаю все больше и больше разочаровываться. Я не питал иллюзий по поводу того, что он мне говорит обо всем, но я был уверен, что знаю об общем положении дел. А теперь выходит, что ни хрена я не знал.

— Так, все будет проходить пятнадцатого? — спрашивает Калеб.

— Да, — отвечает Рик.

— Отличненько. Встретимся в «Кул Хауз». Передай своему старику Пити привет, ты понял? — Калеб крепко обнимает Рика, хлопая его по спине, перед тем как перекинуть свою ногу через байк и сжать широкий руль. Рев мотоциклов наполняет склад. С оглушающим ревом двигателей, трое мужчин делают круг вокруг Рика и затем выезжают со здания, оставляя парня стоять там в одиночестве.

И в этот момент я хочу объявиться. Сейчас подходящий момент, чтобы заставить его чертовки страдать, а затем чуть позже убить. Но я не делаю этого. Я пытаюсь собрать свои мысли воедино, когда смотрю, как он снимает свою кожаную куртку с ржавых перил, куда повесил ее чуть ранее, и надевает ее. Какого хрена эти парни хотят знать о делах Чарли? Если они не напали ни на один из складов еще? В этом не было никакого смысла, но судя по всему, они намеревались, напасть на склад, где будет кокаин. Хотя им даже не было интересно, сколько человек будет охранять место. И вообще, какого хрена Чарли нанимает на такую работу членов уличных банд?

В моей голове кружатся миллионы вопросов, когда я позволяю Рику выйти на улицу. К тому времени, как я решаю, что хочу задать ему вопросы, мудак уже подошел к своей машине, роскошной «Мицубиси Эво» с тонированными стеклами. Его тело согнуто, наполовину находясь в машине, наполовину оставаясь снаружи.

— Как дела, Рик?

Парень охренел от страха. Его тело дергается, руки автоматически тянуться за спину: к пистолету. Но он замечает «Дезерт Игл». Я не направляю его на него, просто держу в своей руке. Парень прекрасно знает меня. Я не играю со своей игрушкой, пока у меня нет намерения, воспользоваться ею. Наши взгляды встречаются.

— Зет, мужик! А что ты делаешь здесь? — Но вопрос подразумевает под собой совершенно другое. *Как много ты видел? Как много слышал?*

— О, ну знаешь, тоже, что и ты, как мне кажется. Просто дышу свежим воздухом. Я слышал достаточно мудак.

Рик выдыхает, присаживаясь на край водительского сидения. Он прекрасно понимает, что облажался.

— Чарли послал тебя передать сообщение, так? — говорит он, хотя по его голосу уже понятно, что он полностью осознает тот факт, что с данной минуты его судьба предрешена. Чарли не из тех людей, которые будут ходить вокруг да около — ему нравится преподавать урок провинившемуся, но еще больше, он любит, когда люди знают об этом. Рик прекрасно слышал о тех парнях, которые были настолько глупы, что проворачивали делишки за спиной Чарли; он прекрасно понимает, что за этим следует.

— Да, — отвечаю я. — У меня есть для тебя послание. Но знаешь, я заинтересован сначала перекинуться с тобой парой слов, прежде чем передать его.

Рик поднимает на меня взгляд, вспышка надежды светится в его глазах, хотя всего секунду назад там присутствовало смирение.

— Что именно ты хочешь узнать, почему ты больше не числишься в его любимцах, так?

Что? Я впериваюсь нетерпеливым взглядом в его лицо. Он сейчас не просто так ляпнул первую попавшуюся вещь.

— Почему я больше не в его любимцах? Подобная херня не приходила мне в голову, но это имеет смысл, когда Рик произносит это. Когда Чарли больше не доверяет человеку, когда он намеревается его убить, он исключает его. Отстраняет от всех дел, держит его на расстоянии и наблюдает за ним как ястреб. Теперь все становится на свои места.

— Чарли что-то нарыл о тебе, мужик, — говорит Рик. — Что-то, что ему не пришлось по душе. Сказал, что ты скомпрометировал его, что ему совершенно это не нужно. Он хочет, чтобы ты исчез. Сказал парням быть наготове — что ему понадобится правая рука. Потому что от предыдущей он собирается избавиться. Это то, что я слышал.

Рик очень полезен мне сейчас, как и большинство парней, которые стоят одной ногой в могиле, лелея напрасные надежды, что его

полезность принесет ему немного выигрыша в данной ситуации. Он даже не предполагает, что я совершенно не собираюсь его убивать. Но я использую выгодное преимущество от сложившейся ситуации.

— А что он такого узнал про меня?

Рик качает головой, пожимая плечами.

— Конкретно не сказал. Что-то о твоем прошлом.

Ну, это вряд ли полезная информация. Все до настоящего момента, когда я говорю с Риком, является моим гребаным прошлым. Возможно, это могло быть что-то, что произошло на прошлой неделе или, возможно, десять лет назад. Мне верится с большим трудом, что благосклонность Чарли ко мне иссякла. С прогрессирующей паранойей Чарли, мужик бы меня просто убил в тот же самый момент, когда заподозрил в чем-то. Он знает все, что известно мне. Обо всех вещах, которые он просил меня сделать для него.

— Я отсидел в Чино ради Чарли, — неумолимо заключаю я. — Он не отстранит меня от всего без чертовски колоссальной причины. Никто не будет гнить в Чино, если с ним впоследствии не будут обращаться подобающим образом. Сделать подобное для кого-то эта больше чем проявление просто преданности — это жертва выше всякого понимания.

Рик смотрит на меня изумленно, с открытым ртом.

— О, Зи, чувак! Ты хочешь сказать, что ты не знаешь? Никто из нас не знал точно, но мы думали, что ты все узнал... — на его губах растягивается коварная улыбка. — Мы же все были там. Я же видел, как Чарли перерезал горло Мерфи, как и все остальные, кто наблюдал за этим, и ты единственный кто поплатился за это. Ты никогда не задумывался, а почему именно ты?

Вспоминая о той ночи проносятся в моей голове как серия покадровых вспышек, кровь брызгает, и пузыриться как в старых фильмах. Мёрфи О'Шаннесси стоит на коленях, лицо Чарли искажает маска безумия, потому что он провел своей острой бритвой по горлу человека. Все это началось практически не из-за чего — Мёрфи отпустил колкий комментарий про длину платья Софии. Комментарий прошел мимо всех, вызвав только недовольный прищур глаз у нашего босса, но когда спустя пару часов, он вынюхал охренительную дозу кокса, все предстало в ином свете. Даже на данный момент я стараюсь сильно не думать о той ночи. Пытаюсь. Да, я убивал, но всегда быстро. Быстрым ударом ножа в сердце, легкие. Пуля в голову. Чарли же

разрезал горло Мёрфи от уха до уха и наблюдал, не позволяя никому помочь закончить его мучения, пока он истекал кровью.

— Я прекрасно знаю почему, — говорю я Рику. — Копы обнаружили в моей машине нож. Кровь на моей футболке. И волосы Мёрфи на моей одежде.

Рик кивает в ответ на мои слова нетерпеливо, поспешно, как будто информация, которую он хочет мне поведать, очень важна.

— Да, Зи, это все ясно. Но как они пришли к выводу, что нужно искать перво-наперво в твоей машине, м? Как, бл*дь до них дошло прийти именно к тебе, постучать в твою дверь? Подумай, мужик.

Конечно же, я думал насчет этого. Бесконечное количество времени в тюрьме, где мало чем можно заняться, кроме как дроить, качать мышцы и прокручивать в голове прошлое.

— Потому что именно я забрал Мёрфи из квартиры, перед тем как мы направились в особняк Чарли. Его отец видел нас вместе, и в последний раз видел живым Мёрфи.

— Это бред, мужик. — Он подается вперед, его лицо появляется из тени и на нем маска отвращения. — Это Чарли подставил тебя, чтобы выгородить себя, мужик. Я удивлен, как ты не допер до этого сам!

Злобный и резкий смех раздается в моей голове. «Естественно, — говорит голос. — Отец О'Шаннесси никогда в жизни бы не тронул тебя пальцем, даже за убийство его сына, потому что ты ему сам как сын, вас связывала такая давняя дружба. Никогда он бы так с тобой не поступил, вы были лучшими друзьями на протяжении долгих лет».

И затем в голове гремит другой голос.

«Избавься от этого беспорядка, Зет. Меня тошнит только от одного взгляда на это дермо». Разбитые кусочки головоломки начали вставать на свои места, я вспоминаю разъяренное, дикое выражение лица Чарли, его улыбку, отсутствие нервозности, насчет того, что он убил передо мной человека, которого я называл братом. Ни разу так и не сказал мне слов извинения за это убийство, или же слов благодарности за то все время, что гнил в камере из-за жесточайшего преступления, которое даже не совершал.

— Он бы не поступил так со мной. — Из меня вырываются слова похожие больше на рык, но даже когда я это говорю, чувствуя себя непроходимым идиотом. Затопляющее меня понимание того, что Чарли скинул это преступление на меня, заставляет меня чувствовать тошноту.

Я буквально хочу наклониться и выблевать все содержимое моего желудка на асфальт.

— Он бы так и сделал, не обманывай себе, Зи. И он именно так и поступил, — настаивает на своем Рик. — И все мы это знаем. Он даже не скрывает этого. Когда ты освободился, он пригрозил каждому, кто посмеет сказать тебе хоть единое слово. Он убил Мёрфи. Тем самым избавившись от тебя. Он убрал тебя.

Черт возьми. Я не могу поверить в это. Я сохраняю свое выражение лица безучастным — никакого намека, что Рику удалось вывести меня из себя.

— Но это не объясняет, почему ты продаешь информацию байкерам.

— Мужик, я нахожусь в такой же заднице, как и ты, — говорит он, сплевывая на землю. — Полицейские взяли меня в прошлом месяце, нашли наркотики, которые я перевозил для Чарли. Поставили меня перед фактом: или я помогаю им упрятать старика за решетку, или же они меня засадят на двадцатку. Они мне сказали сливать все деръмо «Разрушителям».

— И ты согласился? — Возможно, в данный момент я испытываю ненависть к Чарли — это чувство нечто живое, холодящее мои внутренности, и с каждым следующим кусочком информации это чувство усиливается, готовясь взорваться в разветвленную молнию мести — но копов я ненавижу намного больше. Назовите это последствием проведения такого огромного времени с этими ублюдками, после того, как было обнаружено тело Мёрфи.

Было обнаружено не погребенное тело.

И это после того, как я похоронил его в месте, про которое знал только Чарли.

Бл*дь.

— А ты что, захотел бы отмотать двадцатку ради Чарли, зная то, что ты сейчас знаешь? Пошевели мозгами мужик. Ну что? — Рик так задает вопрос, будто ответ на него является очевидным. И да, в данный момент все очевидно. Ни за что. Я приподнимаю бровь на его справедливый комментарий.

— Ты кое-что делаешь для меня, — говорю я ему так, будто это уже решено.

Он откидывается на сидение, удивление искачет его лицо. Он

действительно чертовки поверил тому, что я собираюсь его убивать. А возможно, он все таки полагал, что его откровения о Чарли не найдут никакого отклика. Ну, так и было бы, если бы он мне сказал это шесть недель назад. Но только не после признания Чарли, что он сделал что-то с сестрой Слоан. Только не после прослушивающего устройства, что было в моем смартфоне.

— Что тебе нужно, мужик? — спрашивает он в равной степени ошеломленно, облегченно и с толикой сомнения.

— Забирайся в свою гребаную тачку. Закрывай двери. Едь в Анахайм и жди меня там. (прим. пер. шт. Калифорния, США)

Его брови одновременно приподнимаются, выражая крайне озадаченное выражение лица.

— Анахайм? За каким хреном, ты хочешь, чтобы я ехал в ЛА?

— Может, потому что я так сказал. И скажи мне имя офицера, которому отходит вся сливающаяся тобой информация. — Будет залогом некоторой безопасности — знать имя гребаного ублюдка, который сует нос в дела Чарли, и в мои тоже, особенно перед тем, как Рик исчезнет на ближайшее время.

— Не просто какой-то коп, — предостерегает меня Рик. — А детектив Дениз Лоуэлл. Она из УБН (прим. пер. Сотрудница управления по борьбе с наркотики.)

Эта гребаная аббревиатура просто самая худшая из возможных худших новостей. УБН интересуется грязными делишками Чарли? Это, то же самое, как если бы я написал собственное досье всех совершенных преступлений и вручил им его лично в руки, если, конечно, то, что мне говорит Рик правда. Если старик сдал меня, чтобы сохранить свою собственную шкуру, то он точно сделает это еще раз. Особенно с отделом УБН, которые так жестко ведут расследования. Все они всемогущие сукины дети. Крупные кражи с взломом, преступные махинации — если удастся закрыть Чарли, это обеспечит им неминуемое повышение по карьерной лестнице. Быстрое продвижение по службе. Мне нужно выяснить все, что касается этой Дениз Лоуэлл.

— Дай мне свой сотовый телефон, — рычу я. Парень скалится, вытаскивая его. Я выхватываю его и бросаю на землю, и сильно ударяю по нему ботинком. Рик просто кивает, смотря с сожалением на разбитые кусочки телефона, что валяются на асфальте. — Когда придешь в Анахайм, Майкл сам найдет тебя. Лучше спрячь свою голову как можно

глубже, не высовывайся. А то ты лишишься ее по-настоящему.

Я разворачиваюсь и ухожу. Рик и я никогда не ладили, даже наши мнения никогда не совпадали, но в этой ситуации я отлично знаю, что он послушается меня. Даже если он не понимает, что именно я задумал. Борьба за положение главенствующей позиции, которая существовала между нами ранее — на которую у него не было и малейшего шанса — закончена.

Его жизнь в моих руках, и я отпускаю его.

Когда Рик собирается выехать на автомагистраль, я понимаю, что пришло время возвращаться в город. Пришло время, чтобы решить множество накопившихся дел. Пришло время, чтобы освободить Алексис из картеля; пришло время им воссоединиться со Слоан и остальными членами семьи. И, возможно, я и попал каким-то образом в список людей, которых ненавидит Чарли, но стариk допустил тоже огромную ошибку. Я собираюсь ему показать, как сильно он облажался. Он будет жалеть о том, что не оставил меня гнить в кладовке заполненного дерьямом дома моего дяди много лет назад.

6 глава

Слоан

Прошло пятнадцать дней. Пятнадцать дней я не слышала даже звука от Зета. Я не знаю, чего именно я ожидала: чтобы он разбил лагерь и ночевал на моем газоне, преследовал меня от моего дома до больницы и обратно и так каждый день — я, наверное, ждала многоного, но только не такого: полного молчания. Самое ужасное в этом всем, что я чувствую себя буквально на грани и пребываю в постоянном состоянии поиска этого мужчины. Я продолжаю играть роль несчастной жертвы в наших странных отношениях уже на протяжении некоторого времени, но реальность такова, что я... я очень хочу знать, где он. Что он делает. И почему не приходит ко мне. Официально заявляю, что я выжила из ума. Я прекрасно знаю, почему он полностью исчез, словно его и не было в моей жизни, и это моя собственная глупая ошибка. Поцелуй. Теперь я понимаю, что это более личное, когда ты целуешь кого-то, когда он внутри тебя. И насколько мне удалось понять, более личное — это самое последнее в списке вещей, которые желает Зет

между нами.

— Ах... Сегодня опять мясной рулет. Почему мне кажется, что у нас в столовой каждый день это день мясного рулета? — Двое молодых специалистов, обсуждают это, прижимая свои подносы к груди, жалуясь на еду в столовой, пока я посматриваю, список своих пациентов по электронному планшету, которые были куплены для ОЭП (прим. пер отделения экстренной помощи) в прошлом году. Так, один перелом таза, какая-то загадочная сыпь и жар, одно огнестрельное ранение в грудную клетку. Последнего парня доставили в травмпункт в сопровождении сирен и мигалок, едва дышавшего, с нитевидным пульсом и близкого к полному его отсутствию. Он итальянец, какой-то парнишка, чей брат является владельцем сети супермаркетов в пригороде или, по крайней мере, был владельцем до того момента, пока его голову не размозжил выстрелом. Они сказали, что эти парни связаны с уличными бандами. Опасными главарями, как они сказали. Хотя у меня были сомнения. Сиэтл едва известен своими преступными бандами. Хотя с другой стороны, факт есть факт, его брат убит, а парень почти при смерти. Прямо сейчас он находится под действием сильных обезболивающих в ОИТ (прим. пер. отделение интенсивной терапии) под присмотром огромной группы полицейских, которые стоят с двух сторон коридора. Или они боятся, что он сбежит или же переживают, что кто-то придет закончить то, что начал. Так или иначе, из-за полицейских я чувствую беспокойство. Всегда было так. Их форма. Я ассоциирую ее с Алексис. Когда она пропала, дом моих родителей был заполнен полицейскими в форме на протяжении многих дней. Поначалу они были решительно настроенными, заверяя наших родителей, что Алексис появится, что они, во что бы то ни стало, найдут ее. Но дни неумолимо пролетали, а полицейские все реже и реже стали приходить к нам.

Их слова отдаются в моей голове до сих пор.

«Мы должны сократить рабочую силу, которая брошена на поиски, чтобы быть уверенными, что офицеры задействованы в каждом из открытых дел на данный момент».

«У нас все еще есть отличные зацепки, нет причин терять надежду, что мы не раскроем дело».

«Такие вещи требуют определенного времени, миссис Ромера».

«Уже прошло больше месяца, мистер и миссис Ромера. Дело

Алексис будет открыто, но до того момента, пока мы не найдем новых зацепок, мы не можем ничего сделать. Держите нас в курсе, если вы узнаете или услышите что-нибудь о своей дочери».

— Это что у тебя ванильный пудинг? О, сестренка, только не говори, что ты забрала последний ванильный пудинг.

Голос прорезается сквозь мои невеселые мысли. Я резко разворачиваюсь и вижу молодого нового специалиста, который сердито смотрит на чашечку в моей руке. Я только что взяла ее из охлаждаемой витрины, которая находится передо мной. Она поднимает на меня взгляд, и я в свою очередь упиваюсь извращенным чувством удовольствия, когда замечаю, как воцаряется понимание на ее лице — аахх, черт. Старший ординатор. Я буквально слышу, как в ее голове звучат эти слова. Я узнаю девушку, это Джейфери. Она болтушка; полагает, что она претендентка на место в хирургии. Но много тех, кто ходит, распутает сплетни, что они претенденты на месте в хирургическом отделении.

— Какие-то проблемы, Джейфери?

Она качает головой.

— Нет, доктор Ромера. Определенно никаких проблем. — Она сжимается, пробегая мимо меня, на ее лице воцаряется выражение презрения, она убегает прочь от меня, прежде чем я успеваю дать ей дежурство в морге вместе с Бочовиц до конца недели. Они все ненавидят это наказание. Бочовиц работает в морге на протяжении тридцати восьми лет. Он невыносимо забавный большее количество времени, точнее, все время, но у него есть довольно пугающая привычка разговаривать со своими пациентами. Естественно, они все мертвы, и никто из них не отвечает вам, но Бочовиц в ходе разговора отвечает за них. Это жутковато, да, но, несмотря на все его особенности характера, нет ни одной такой вещи, которую бы он не знал о человеческом теле. Когда я была молодым специалистом, то проводила довольно много времени в подвале под оживленным центром больницы Святого Петра, составляя ему компанию, стараясь не высываться. Это было наилучшим решением не влезть в распри затеваемые другими такими же интернами, как и я. Но что важнее всего, я училась у него.

Краем глаза я замечаю на противоположной стороне столовой доктора Патэла, обедающего в одиночестве. Я не видела его с того самой ночи, когда Зет привез Лейси. Он поднимает взгляд, замечает, что

я подхожу и улыбается.

— Привет, Слоан! Как дела? — Он пинает стул ногой одетой в тапочки и выталкивает его из-под стола с противоположной стороны. — Слышал, что ты прикреплена к тому парню бандиту с огнестрельным ранением.

Было время, когда огнестрельное ранение было захватывающим случаем для моей практики, мы боролись за них, но сейчас, повидав множество таких, мы все прекрасно осознаем, что все дело лишь в стечении обстоятельств, которое рано или поздно сложится в твою сторону, и ты попадешь на такой случай. Результаты исходов таких повреждений такие изменчивые, неблагонадежные, что большинство врачей-ординаторов делают все возможное, чтобы скинуть таких пациентов на того, кто ближе всех стоит в этот момент.

— Ага, знаю. Парень был на грани смерти, но вы вытащили его с того света.

Суреш кивает, проглатывая полный рот еды.

— У этого паренька список приводов длиннее, чем твоя рука... Моя мама покупала у них продукты в том магазине. Я столько раз ей говорил, чтобы не делала этого. Но она привыкла общаться с девушкой, которая там постоянно находится. Как там ее имя?! Не могу вспомнить. Как бы там ни было, ее мужа Фрэнки застрелили пару недель назад. И она, и его брат, паренек что наверху, оба они прекрасно знают, кто застрелил Фрэнки, но никто из них не скажет и слова копам. Скорее всего, они охренительно напуганы.

Это все звучит, как будто произошло в Нью-Йорке или Чикаго; я начинаю кушать свой пудинг, засовывая ложку в рот.

— Если честно, у меня нет никакого желания даже думать обо всем этом. Я хочу думать, о чем-нибудь более позитивном, — говорю ему с усмешкой. — Когда твоя свадьба? Я получила пригласительный месяц назад и предположила, что она будет не скоро, судя по заголовку. Но теперь, когда дата стала известна, половина больницы обсуждают это.

— Через две недели, — говорит мне Суреш, подмигивая. — Я буду женатым мужчиной. Это и, правда, нечестно, потому что я нахожусь в самом расцвете сил. И женщины не должны отказывать себе в возможности воспользоваться моим телом... — Он показывает вилкой на себя, играя бровями. Не сказать, что он подходит под описания классического, привлекательного мужчины, но в нем что-то есть, то от

чего девушки просто сходят с ума. Я смеюсь над его глупой шуткой и пожимаю плечами

— Я уверена, что тебе понравится. И Ребекка очень счастлива.

— Я знаю, — проговаривает он, и его голос становится серьезным.

— Она сказала мне передать тебе, чтобы ты привела с собой парня, с которым встречаешься или планируешь. Обязательное требование, к сожалению.

Я даже не задумывалась о паре. Я вжимаюсь в свой стул, опуская глаза на пудинг. Возможно, я могу привести с собой Пиппу, как мою пару. Ведь люди так делают, приводят своих друзей, так? Я спрашиваю Суреша об этом, и он только серьезно смотрит на меня в ответ.

— Нет. Это должен быть тот, с кем ты спишишь.

Ха! Точно. Да, как например, Зет Мейфэйр, с которым определенно можно начать отношения. Это просто смехотворно.

— Или тот, с кем ты планируешь переспать после того, как напьешься на моей свадьбе, — продолжает говорить Суреш, подмигивая, и в этот самый момент в столовую торопливо входит один из моих коллег, еще один врач, Оливер Мэйси. Он выглядит обеспокоенным. Мужчина находит меня взглядом, и мой желудок ухает вниз, когда он торопливо следует к нам.

— Слоан, тебе зовут наверх. Копы требуют провести детальный опрос докторов, которые работали с парнем Монторелло.

Бл*дь. Просто замечательно. Я бросаю пластиковую ложку обратно в тарелочку с пудингом. Ланч закончен.

— Помни, Слоан, — Суреш кричит мне вслед. — Нужно прийти с тем, с кем ты спишишь!

Целая столовая, забитая людьми, поворачивается на меня, чтобы наблюдать, как я пытаюсь побыстрей улизнуть, полностью смущенная произошедшим.

***

— Этот пациент свидетель убийства. Он находится под стражей для обеспечения его безопасности. Это невероятно важно, чтобы этот парень не был застрелен в этой больнице, пока он тут находится, вы понимаете, что это значит? — Толстый детектив в ужасном костюме обращается к нам, как будто мы непроходимые идиоты. Он маленького

роста и лысый и передвигается по комнате, словно злобный ротвейлер. Стойная девушка детектив — скорее всего его напарник, как мне кажется — терпеливо ожидает, пока он заткнется, чтобы начать говорить самой. Наконец, у нее появляется шанс вставить пару слов:

— Я детектив Куппер, я буду находиться тут на протяжении ночи, если нужно будет связаться со мной. Если вы заметите кого-то незнакомого в коридоре, тогда вам нужно прийти ко мне или же к любому офицеру, которые находятся на месте и рассказать, что вы видели. Это очень большая больница, и многие люди приходят и уходят, поэтому мы понимаем, что может быть неизвестно трудно попытаться оценить незнакомый ли это человек, или же вы его видели ранее. Особенно, когда вы стараетесь делать свою работу.

Команда медсестер, которая стоит со сложенными руками на груди, смотрят на толстого детектива, кивая головами в ответ на его слова. Трое докторов, которые прикреплены наблюдать за Арчи Монторелло — я, Хендри, и Оливер — стоим в дальней части просторной палаты интенсивной терапии, слушая, о чем нам говорят.

— Что именно вы здесь ищите, детектив? Я имею в виду какого-то итальянского мафиози или что? — слова Оливера звучат так же недоверчиво, как и я ощущала себя внизу в столовой. Просто это не то, что может происходить здесь.

— Нет, не итальянского. Мы расследуем дело лидера преступного клана уже на протяжении некоторого времени. Он заправляет множеством рэкетирских организаций в нашем городе. Там замешены наркотики, оружие, азартные игры и фальшивые деньги. Информация гласит, что Фрэнки Монторелло облажался с крупной сделкой, в которой был замешен этот парень, и он в итоге заплатил за это своей жизнью. У нас есть ориентировка на того, кто заказал убийство; нам просто нужно повесить его на него. Брат Фрэнки, ключ к этому. У нас фотографии в профиль и анфас людей, которые подпадают под эту ориентировку. Но на листах всего пару людей, которых вам следует осторегаться. Хотя, мне кажется, вряд ли кто-то среди них будет настолько глуп, чтобы явиться сюда. — Детектив Куппер кивает вооруженному офицеру, одетому в форму, которые начинает раздавать листы с серией фотографий на них команде медсестер.

— Вы не могли бы нам объяснить более подробно, настолько данная ситуация опасна, детектив? — спрашивает Хендри. — Я имею в

виду возможно ли такое, что нас застрелят, когда мы будем пытаться исполнять свою работу.

— Нет. Мы тут как раз для того, чтобы заверить вас, что такого не случится. На данном этапе расследования мы надеемся на то, что исполнитель преступления не догадывается о том, что идет расследование. Он считает себя неуязвимым, но это не так. Мы гарантируем вам, что он сядет на долгое время.

Хендри кивает, забирая листок у Оливера, изучая одно мгновение лица на нем, и затем передает мне.

— Разрешатся ли нам воспользоваться навыками самообороны? Если, к примеру, один из этих придурков придет сюда и нападет на нас... можно ли нам вколоть ему успокоительное? Или, возможно, воспользоваться дефибриллятором?

Медсестры хихикают. Я мельком бросаю взгляд на бумагу, готовая уже передать ее дальше, когда мое дыхание буквально останавливается.

О боже.

О боже.

Мой разум продолжает произносить это. Мое горло и грудь увеличиваются от притока кислорода с каждым разом, как мой разум повторяет это.

О...

На бумаге представлены разные фотографии, выполненные крупным планом в профиль и анфас, первые восемь на первой странице и остальные на обратной стороне листа. Чуть ниже располагаются их номера, и под номером один, на почетном месте, находится фото Зета Мейфэйра, который смотрит на меня с фотографии хмурым взглядом.

У меня такое ощущение, что прямо сейчас меня вырвет.

7 глава

Слоан

Я стою на крыше больницы Святого Петра посреди ночи, и все те вещи, что я наблюдаю отсюда, могут показаться вам в полной мере непостижимыми. Давным-давно, когда мы с Алексис были детьми, наш отец, когда у него не было особо много работы иногда приводил нас сюда. Доктора на эти приходы закрывали глаза, потому как Джейкоб Ромера был один из любимейших врачей больницы, он работал тут рентгенологом на протяжении тридцати пяти лет. А затем он уволился и занялся частной практикой в ЛА задолго до того, как я пришла сюда работать.

Он любил нас приводить сюда, когда на улице прошел снег, но это было достаточно редкое событие, поэтому каждый раз, когда это происходило, мы практически выпрыгивали из кожи вон от волнения. Мягкие белые хлопья снега кружились, устремляясь к нам с белого одеяла небес, что простиравшись над нашими головами, создавая ни с чем несравнимый мир, на который мы могли смотреть. Мы так стояли на протяжении долгих часов, задрав шеи кверху, пока наши тела не цепенели от холода, а отцу не приходилось силком утаскивать нас оттуда, чтобы мы не заболели. Эти воспоминания каждый раз врывались в мое сознание, выбивая весь воздух из моих легких, когда я приходила сюда.

Но сегодня я сделаю все возможное, чтобы оттеснить их подальше, в самый дальний уголок моей памяти. Сегодня нет мягких снежных хлопьев, сегодня беспрестанно идет дождь, в то время как мы ждем, пока доставят раненного больного. Это заставляет меня чувствовать подступающую тошноту — ожидание. Адреналин, что быстро струится по моему телу, помогает мне думать, просчитывать свои будущие действия, еще до того момента, как прибудет пострадавший. Завывающий ветер уносит капли дождя в сторону. Наши тела, облаченные в хирургические халаты, уже полностью промочил дождь, но мы все также терпеливо продолжаем ждать. Оливер стоит вместе со

мной, он мой хороший друг, но важнее всего то, что он хороший человек. Забавный, милый, симпатичный и ужасный любитель построить глазки девушкам. Просто невероятно, что он одинок.

На расстоянии раздается механический шум, что отражается гулким эхом от высотных зданий.

— Слышишь это? Вертолет, — говорит мне Оливер, подталкивая локтем. — Он, скорее всего, на расстоянии мили от нас. Так что можешь нажать на кнопку вызова лифта.

Мне не трудно стоять и придерживать двери лифта, тем более что он стоит на этаже в течение последних десяти минут, а команда медсестер с каталкой и системой жизнеобеспечения ждет внутри в тепле и сухости. Пришло время этим неженкам тоже немного намокнуть.

Я бегу к металлическим дверям лифта и нажимаю кнопку вызова, как раз в тот момент, когда сильный порыв ветра ударяет меня в спину, обрушивая поток крупных капель на лица трех молоденьких медсестер, которые смеются и шутят. Майки, интерн, прекращает делать то, что он делал, замирая на месте. Его руки расположенные за головой, а бедра, что подавались вперед в танцевальном движении, замирают, с закусенной губой между его зубами.

— Хоксем, ты что проходишь, пробы на стриптизера? — кричу я в попытке перекричать завывание ветра и барабанящий дождь.

— Нет, нет! Простите меня, доктор Ромера, это...

— Больше не повторится?

— Нет! Нет, мэм. Никогда.

Я ненавижу, когда меня называют мэм. Мне всего-навсего двадцать шесть лет, а эти молодые интерны думают, что я какое-то древнее, всесильное существо.

— Ну, когда ты решишь вновь поиграть в доктора, почему бы тебе не шевелить своей задницей чуть проворнее. Вертолет на подходе.

Я могу сказать вам одну вещь о Майке Хоксаме — у него шило в одном месте большее количество времени, также парень любитель повалить дурачка, но чего у него не отнять, так это энтузиазма к работе, за который я могу дать ему десять из десяти. Он первым выскакивает из лифта, выкатывая за собой каталку. Когда колеса вертолета касаются взлетно-посадочной полосы, мы уже стоим около Оливера.

— Готовность на максимуме? — кричит он мне.

— Да, сэр! — кричит в ответ ему Майки. Оливер смотрит на него

таким взглядом, который запросто бы заставил сойти всю краску с мебели. Интерн понимает свою ошибку, и краска стыда заливает его щеки. Я не могу ничего поделать и ухмыляюсь.

— Да, я готова! Давай! — Мы синхронно двигаемся к дверям вертолета. Двое парамедиков выскакивают из него и аккуратно вытаскивают на длинных жестких носилках пострадавшего — маленькое и хрупкое тельце.

— Мэйси Ричардс, семь лет. Гипотермия, глубокая резаная рана на правом бедре. Найдена в судорожном состоянии, лицом вниз в ванне. Без сознания, все еще держится тахикардический пульс. Дыхательные пути чисты, дважды впадала в шоковое предсмертное состояние.

— Хорошо, давайте доставим ее вовнутрь!

Оlivер и аварийно-спасательная команда, уклоняясь от работающих лопастей вертолета, подхватывают пациента втроем и бегут к лифту. Я поворачиваюсь к парамедикам, которые убирают свое оборудование и инструменты обратно в медицинский вертолет.

— А где ее родители?

Первая женщина — парамедик, со свирепым выражением лица, нахмуренными бровями и пролегшей морщинкой между ними, раздраженно выдыхает.

— Да кто их знает? Соседка принесла девочке еду; вошла в квартиру, когда Мэйси не ответила на ее крики и нашла девочку в ванной.

— Что? Она была одна?

Врач качает головой, имея в виду, что сама не может поверить в это.

— Ромера! Давай! — Оlivер держит двери лифта приоткрытыми. Я забегаю в практически в движущийся лифт, когда двери закрываются.

***

— Состояние стабильное. Это чудо, что она выжила. — Говорю я, вздыхая, пока заполняю необходимые бумаги на поступление Мэйси. Я так сильно разгневана, что с силой вдавливаю ручку в бумагу, отмечая, что у девочки аллергия на латекс, пенициллин и анестезию. По большому счету у нее аллергия почти на все. Она была практически при смерти четыре раза, пока лежала на операционном столе, когда мы

сражались изо всех сил, чтобы спасти ее маленькую ножку. Рана была очень глубокой. И это просто чудовищно, потому что, если бы мама и папа Мэйси были тут, мы бы были оповещены заранее, что к девочке нельзя прикасаться стерильными латексными перчатками. Мы бы знали, что девочке ни в коем случае нельзя вводить обычный анестетик, а также и пенициллин после того, как мы с таким трудом вытащили ее с того света. Я до сих пор пребываю в полной растерянности, как ее небольшое сердечко смогло справиться с таким объемом шока.

Оlivер смотрит на меня с ошеломленным выражением, когда я ставлю свою подпись под анамнезом и кладу его к большой куче медкарт пациентов, которые лежат тут для того, чтобы интерны внеси их в архив.

— Язываю органы опеки, — заявляю ему.

— Воу, постой-ка, ты не считаешь, что сначала нужно дождаться ее родителей, прежде чем звонить в органы опеки?

У меня нет слов.

— Ты разве сейчас... не вместе со мной боролся за жизнь семилетней девочки? Потому что малышка только что чуть не умерла. Никогда не следует оставлять детей одних.

— Я согласен с тобой, не пойми меня неправильно. Просто я к тому, что мы не можем знать всех обстоятельств.

Я направляюсь к раздевалке для работников, Оlivер следует за мной. Я резко отрываю дверь, стягивая через голову свою медформу. Кровь полностью пропитала форму, а также кофточку с длинным рукавом, что я ношу под ней. Замечательно. Я открываю дверь шкафчика, чтобы обеспечить себе немного личного пространства, когда стягиваю и ее, чтобы натянуть чистую кофту. Когда я разворачиваюсь, Оlivер стоит, обнаженный по пояс, его медицинская рубашка, заправлена за резинку штанов, и он усмехается, как он всегда делает, когда что-то набирает на телефоне.

— Я не могу поверить, что ты еще можешь улыбаться прямо сейчас, — ворчу я, проходя мимо него. Многие работники больницы были бы поражены видом его рельефных кубиков пресса, но только не я. Это зрелище меня не впечатляет, особенно после того как я видела идеальный пресс Зета. Оlivер хватает меня за руку, когда я стараюсь пройти мимо него.

— Ты бы тоже улыбалась, если бы тебя пригласили на вечеринку

интернов.

— У интернов бывают вечеринки?

— Естественно, у интернов бывают вечеринки. Как часто мы сами устраивали всякую фигню, когда были на их месте?

Я закатываю глаза.

— Ага, понятно, только я не хочу тратить вечер на то, чтобы напиваться в компании этих ходячих недомерков. И не могу понять, почему ты хочешь этого.

— Ты только подумай об этом, — говорит он, усмехаясь. — Насколько паршиво они будут себя чувствовать в присутствии своих старших товарищей попивающих их пиво и разгуливающих по их дому. Это будет классической издевкой.

— О, да ладно, признавайся! — я издаю смешок. — Кого из них ты трахаешь, Олли?

Он выглядит немного озадаченным моими словами.

— Никого! — Он не может скрыть от меня свой испуганный взгляд.

— Я никого... — он качает головой, отпуская мою руку, и внезапно я осознаю, насколько близко мы стояли. — Не обращай внимания, Слоан. Эм, хорошего вечера. — Он делает шаг назад, быстро хватает черную футболку со скамейки и натягивает ее через голову. Так. Каким-то образом мне удалось не на шутку разозлить его. Мне стоит сейчас сказать что-нибудь? Может, извиниться? Сказать ему, что это была неудачная шутка? Дать ему знать, что мне не безразлична его обида, но это точно провальная идея. Он все еще переодевается спиной ко мне, затем стремительно выходит из комнаты.

Я прислоняюсь спиной к стене, прикрывая глаза. Мне нужна минутка. Я не так хороша в этом. В этом всем. В том, чтобы заводить друзей, в том, чтобы говорить что-то без намерения обидеть. Ведь, когда мы разговаривали с Оливером, я только шутила, а он, вероятно, воспринял это так, что я подозреваю его в неэтичном поведении, а именно, что он нарушает субординацию, трахая своих подчиненных. С этого момента мне нужно держать себя под контролем. Сосредоточиться на спасении жизней. Это будет самой умной вещью. И когда я распахиваю глаза, я ужасно пугаюсь.

Зет.

Он стоит, прислонившись к стене напротив меня.

Внимательно изучая меня.

— Какого хрена, Зет!

— Ты расстроена. Почему ты расстроена, Слоан?

В этот момент дверь в раздевалку распахивается, и в комнату вновь проходит Оливер. Он замирает на месте, когда видит меня и Зета вместе.

— Привет, — произносит он с натянутой улыбкой и кратко кивает в мою сторону, проходя мимо, когда его взгляд устремляется и задерживается дольше положенного на темноволосом парне, который находится в раздевалке персонала. Вдруг он узнал его? Чувство страха и дрожь пронзает меня, но Оливер просто проходит мимо. Он бы не оставил меня с ним наедине, если бы узнал в Зете парня с фото разыскиваемых преступников.

Зет не говорит ничего. Он даже не двигается. Ничего в нем не изменилось за прошедшее время, но что могу сказать определенно точно, что он разгневан.

— У меня был просто ужасный день, — отвечаю я ему.

— Почему? — выдавливает он из себя.

— Потому что маленькая девочка, что поступила к нам, чуть не умерла, а мы не можем найти ее родителей. А я разрываюсь между желанием позвонить в службу опеки или же дождаться родителей, когда они придут чтобы навестить ее. Если они конечно придут. А теперь, мне ужасно хочется пойти домой, принять душ и лечь спать, все понятно? Мне не нужно...

— Позвони им.

— Прости?

— Ну, то о чём ты думаешь, позвони в органы опеки, — просто говорит он. Его голос напряженный и резкий, он выдает его гнев. — Некоторые люди, — говорит он, двигаясь вперед, — не заслуживают иметь детей. На самом деле, некоторые люди должны подвергаться химической кастрации, чтобы они никогда не удостаивались такой чести, как иметь ребенка.

Зет тянется ко мне, и мне кажется, что он хочет заправить выбившуюся прядку волос из хвоста мне за ухо. Но он этого не делает. Вместо этого захватывает локон и потирает его между большим и указательным пальцем.

— У тебя кровь в волосах, — хрипло бормочет он.

— Я уже привыкла к этому. — Я закидываю сумку на плечо, делая

что угодно, лишь бы двигаться.

— У тебя очень жестокая работа, — заявляет он. С моих губ срывается истерический смешок, отражаясь эхом от стен коридора.

— Ты издеваешься надо мной, Зет? Ты не должен быть здесь. Тебе нужно уйти прямо сейчас. Немедленно.

— Почему? Что такого происходит?

Я резко разворачиваюсь к нему и указываю ему в грудь указательным пальцем.

— Твой портрет расклеен по всему третьему этажу больницы, вот что происходит! Арчи Монторелло, какой-то там итальянский мафиози, подвергся обстрелу, и копы считают, что к этому имеет отношение какой-то глава преступного клана. А ты, очевидно, один из его «парней», что делает для него грязную работу. Они практически ожидают схватить тебя, и вуаля! — говорю я хмуро. — Вот он ты, собственной персоной!

Выражение лица Зет становится немного озадаченным. Он выглядит, словно ни капли не обеспокоен тем, что я сказала ему.

— В Арчи стреляли?

— Именно. И он был включен в программу по защите свидетелей или что-то в этом роде.

— Если бы он был в программе по защите свидетелей, его бы уже и след простыл. Другое имя, биография, другая жизнь.

— Ммм... Звучит заманчиво, может, и мне следует обратиться, чтобы меня включили в программу по защите свидетелей.

— Не будь такой драматичной.

— ДРАМАТИЧНОЙ? Драматичной? Ты что сейчас серьезно это сказал? — Мой голос становится громче и в нем проскакивают истерические нотки. А он просто стоит, наблюдает за мной, изучая мое выражение лица и мой язык тела, словно может сказать поnim, что происходит со мной на самом деле. Мы яростно сверлим друг друга взглядом, ни один из нас не собирается сдавать свои позиции. И затем, молниеносным движением, Зет подается вперед и хватает мои обе руки, заводя их мне за спину. Он делает это настолько уверенно и решительно, что у меня даже не возникает мысли о том, чтобы оказать ему сопротивление.

— Какого хрена тытворишь, Зет?

— Это не касается Арчи Монторелло. И не касается маленькой

девочки, чьи родители не заботились о ней.

— И, черт возьми, откуда тебе известно, почему это не из-за этого?
— огрываюсь я в ответ. Наши тела прижаты друг к другу, я могу ощущать весь жар, что исходит от его тела, вижу, как трепещет жилка на его шее. Я пытаюсь отстраниться от него, но он качает головой, его выражение лица представляет собой маску абсолютного контроля.

— Ты ведешь себя так, потому что ты поцеловала меня, а я разозлился на тебя. И поэтому ты зла на меня. И, — он добавляет низким и хриплым голосом, невыносимо спокойно, — затем я исчез на две недели и не звонил, и не приходил навестить тебя.

Я стараюсь изо всех сил вырвать свои руки из его неумолимой хватки, извиваясь у его твердого тела, но это приводит только к тому, что он еще сильнее прижимается ко мне своей грудью. Я остервенело выдыхаю, затем шиплю:

— Как будто меня это как-то волнует, что ты не приходил ко мне, Зет! Как будто мне есть до этого дела!

Низкий звук, отчасти напоминающий хмыканье, раздается в его горле.

— Естественно, тебе есть до этого дело!

Я издаю смешок, но мне кажется, он совершенно не возымел действия, чтобы убедить его в неправоте.

— Так, этими словами ты хочешь сказать, что признаешь, что вел себя как полный мудак, так?

— Я прекрасно знаю, что ты расстроена.

Я хочу закрыть лицо ладонями, но не могу. Тогда я делаю наиболее подходящую вещь в данной ситуации, я прикрываю глаза. Когда втягиваю в себя еще один вдох, я открываю глаза, смотря на него пристальным взглядом.

— Отпусти меня, Зет.

— Нет.

Я не могу доверять этому парню.

— Какого хрена ты хочешь от меня? Ты мне дал недвусмысленно понять, что не желаешь видеть меня рядом с собой, так почему...

Он иронично хмыкает. Звук сопровождается приподнятой бровью.

— Ну и как это я тебе дал недвусмысленно понять?

— Мне кажется, вся эта «не смей больше целовать меня» хрень и то, что ты исчез на две недели, говорят сами за себя. Понимаешь,

отношение говорит само за себя.

Кажется, что весь наш разговор безумно забавляет его. Он старается подавить улыбку, когда заявляет в ответ на мои слова:

— У меня нет никакого отношения. Это просто я. Я тот, кто я есть.

— Но эти слова не исправляют ситуацию. И мне уже хочется ударить его по лицу сумкой за надменность. — Спроси меня, где я был эти две недели, — продолжает Зет.

Ох, черт его дери, гром его разрази. Невыносимый мужчина. Я медленно выдыхаю, стараясь сдержать свой гнев под контролем.

— Ну, так и где же ты был?

— Я делал необходимые приготовления, чтобы забрать твою сестру.

О. Я немного прекращаю сопротивляться.

Алексис.

Бесконечная волна горя накрывает меня. Словно крошечная часть меня автоматически считает ее мертвой, каждый раз, когда он произносит ее имя. И, к сожалению, интуитивно я уже стараюсь подготовить себя к его возвращению без Алексис. К тому неизбежному мгновению, когда он мне проговорит те решающие слова, что он ошибался. Что та девушка, которую он нашел, не является Алексис, а моя сестра уже мертва. Я позволяю горю укорениться во мне, в моем теле, в душе, моих костях, и затем выдыхаю единственные слова, на которые способна с того момента, как он начал мне помогать:

— Эм. Спасибо тебе. Полагаю так.

— Всегда пожалуйста. А теперь спроси меня, почему я держался на расстоянии и не приходил к тебе.

Я больше на самом деле не хочу играть в эти игры. Я не хочу ощущать себя настолько брезвальной, такой влюбленной и глупой рядом с ним, неспособной отстраниться, неспособной уйти, не оборачиваясь. Я также не могу понять, почему от него исходит аромат роз. Это ненормально.

— Ладно. — Я впериваюсь в него взглядом. — Ну и почему ты держался на расстоянии от меня?

— Я не приходил к тебе, потому что тебе было необходимо время, чтобы не чувствовать себя глупо после того, как я отверг тебя.

Ого! Что. За. Херня? Он... просто невыносим.

— Ты не отвергал меня. Ты просто трахнул меня, мудак.

— Я прекрасно это знаю. Но ты ведь чувствовала себя отвергнутой, так? Если бы я пришел к тебе две недели назад, то ты бы еще чувствовала себя таким образом.

— Так вместо этого ты подождал, пока пройдет две недели, чтобы вместо этого я была на тебя разгневана?

Он пожимает плечами.

— С гневом легче справиться.

О, милостивый Иисус. Я так хочу кастрировать этого негодяя сейчас. Я буквально испытываю охренительное желание пинать его по яйцам до того момента, пока он не станет бесплодным. По крайней мере, этим действием я могла бы оказать услугу более молодому поколению, предостеречь их от появления Зета-младшего, который мог быть таким же мудаковатым и умным засранцем.

Он, мать вашу, прав. Я ненавижу признавать это, но он прав. Я чувствовала себя отвергнутой, и две недели назад я бы не захотела его видеть. Бл*дь. Тыфу. Внезапно на меня накатывает жуткая усталость, и мои руки становятся слабыми.

— Мне нужно домой, Зет. Я не могу разбираться с тобой сейчас.

Он не говорит больше ни слова. Выпускает мои руки из своей хватки, удерживая лишь одну руку, таким образом он может вести меня по лабиринтам больничных коридоров с такой непринужденной легкостью, что это наталкивает меня на мысль, что он прекрасно знает это место. Даже, возможно, чуточку лучше, чем его знаю я. Он держит голову опущенной, глаза сосредоточенными на полу, по крайней мере, пока мы не достигаем выхода. Грейси, главная медсестра, машет мне рукой, потому как мы выходим из здания, но за исключением этого, нас никто не останавливает.

Снаружи Зет ведет меня прочь от освещенной фонарем территории, где я припарковала свой «Вольво», по направлению к самому темному месту паковки, где совершенно не работают камеры слежения.

— Что ты, черт побери, делаешь? — Я пытаюсь вырвать свою руку из его крепкой хватки. — Зет! Зет! — Он останавливается. Разворачивается. Когда сосредотачивает свое внимание на мне, я задаю ему вопрос, на который я нуждаюсь знать ответ, чтобы пойти с ним дальше. — Это ты стрелял в парня?

— Нет.

— Но ведь ты работаешь на мафиози, разве не так?! Разве не так!

Зет не отвечает мне. Он смотрит на меня предостерегающим взглядом.

— Мне необходимо, чтобы ты присмотрела за Лейси. — Мы в течение долгого времени смотрим друг на друга, и я пытаюсь разобраться, стоит ли мне выполнять его просьбу или лучше позвать на помощь. Кажется, будто прямо сейчас настал поворотный момент. Хотя он отрицает, что стрелял в кого-то, он не отрицает, что работает на мафиози. Я прекрасно понимаю, что это значит. Кем бы ни был этот парень, что стоит передо мной, — убийцей, вором — я могу сказать наверняка, он честен со мной. Потому что странный диалог, что произошел в коридоре, только подтверждает это. Но то, что он выбирает позицию не отвечать на некоторые из моих вопросов, в то же самое время может быть расценено мною, что он мне лжет. Он смотрит на меня умоляющим взглядом. А затем делает то, что я никогда не ожидала от Зета... он умоляет:

— Просто... пожалуйста. Пожалуйста, Слоан. Я собираюсь освободить твою сестру. Ты же можешь в ответ сделать это для меня.

— Да. Кстати. Где она? Мне нужно пойти с тобой. Она застенчивая, Зет, она просто так не пойдет с тобой.

Он отрицательно качает головой.

— Она находится в таком месте, куда тебе нельзя. В очень опасном месте. Я просто хочу, чтобы вы с Лейси были тут, где я могу присматривать за вами.

— Зет! Она моя сестра!

— Если ты собираешься спорить со мной на этот счет, тогда я не пойду вообще, — рычит он. — Или я поеду туда один, или ты будешь продолжать оплакивать пропажу твоей сестры и дальше.

О боже. Он знает. Он знает, как сильно я хочу, чтобы она вернулась, и использует это как мощный аргумент против меня.

Зет быстро отводит взгляд в сторону. На его лице нет выражения освобождения. Он даже не пытается казаться благодарным мне. Никакой гребаной благодарности. Он направляется в сторону, увлекая меня за собой к блестящему, черно-матовому «Камаро», которое припарковано, пожалуй, в самом темном месте стоянки. Через окно с заднего сидения, я вижу, что Лейси смотрит на нас обеспокоенно, подтянув колени к подбородку.

— Ты возьмешь ее с собой?

— Я уезжаю прямо сейчас, Слоан. Если копы полагают, что я как-то замешен в нападении на Арчи, значит, я должен исчезнуть на некоторое время из Сиэтла.

Прямо сейчас я хочу его придушить. Я так и вижу, как сжимаю свои руки вокруг его шеи — мои пальцы, вероятно, не смогут полностью обхватить его шею, но какая на хрен разница? — и душу его до смерти.

— Ты знаешь, что ты форменный кусок дерьяма?

Зет резким движением открывает тюнингованную дверь машины, наклоняясь, чтобы помочь выбраться оттуда Лейси. Она выглядит еще бледнее, чем в последнюю нашу встречу, но, тем не менее, ее глаза выглядят более яркими, быстрыми, более откликающимися на ту или иную реакцию. Зет выпрямляется, держа ее на руках, ее руки быстро обхватывают его за шею, на мгновение его выражение лица становится невероятно мучительным. Он заботится об этой девушке. Любит ее по-своему. И в миллионный раз мне остается только гадать, кем она приходится ему. Но сейчас неподходящее время спрашивать.

— Я устала, Зет, — бормочет вымученно Лейси. — Просто отвези меня домой.

— Я не могу, малышка. Я оставлю тебя с доктором на некоторое время, хорошо?

Лейси смотрит на меня подозрительно и затем прячет лицо на груди Зета. Он смотрит на меня пристальным взглядом.

— Где стоит твоя машина?

Я испытываю желание быть стервой по отношению ко всему этому. Он спрашивает у меня, где моя машина. Он гребаный психопат! Он наблюдает за мной и не знает, где моя чертова машина. Какую цель он преследовал, следя за мной? Конечно же, его цель была трахнуть меня. Но как бы то ни было, я разворачиваюсь и указываю ему, где припаркована моя машина. Когда он подходит к ней. Я открываю пассажирскую дверь, но Зет качает головой.

— Она не сможет сидеть на переднем сидении, и никогда там не сидит.

Так. Хорошо. Мне кажется, мне необходимо это запомнить. Он бережно укладывает ее на заднее сидение и туда же кладет маленький рюкзак, я даже не видела, что он его достал с машины. Как только Зет захлопывает дверь, кладет ладони на мои плечи.

— Ей просто необходимо увидеться с Пиппой.

Я киваю ему, потому что не вижу смысла спорить на этот счет.

— Я устрою это. — Я открываю дверь машины, намереваясь забраться в нее и убраться отсюда как можно быстрее. Я даже лелею тайную надежду, что если карма на моей стороне, мне удастся забрызгать грязью его лицо, но прежде чем успеваю забраться в салон автомобиля, он с силой хватает меня за руку, останавливая. Дверь начинает издавать нетерпеливые динь, динь, динь звуки, в то время как Зет пристально смотрит мне в лицо.

— Мне так жаль, Слоан.

Я моргаю, стараясь понять его выражение лица. Оно таит в себе множество эмоций, которые не так просто распознать.

— Тебе жаль?

Это извинение? Оно и, правда, слетело с его губ? Я настолько ошарашена, что не могу поверить своим ушам. Просто мне кажется, что он не делает этого часто.

Зет отводит глаза в сторону, смотря на остальное пространство парковки, стискивая свои зубы.

— Я никого не прошу о помощи. Но я знаю, что могу тебе доверять, — громко заключает он.

— Конечно, ты знаешь, что можешь доверять мне. Ты держишь меня эмоциональной заложницей благодаря моей сестре. Ты прекрасно знаешь, что я сделаю все что угодно, лишь бы ты только помог вернуть ее обратно. Но вопрос в том, могу ли я доверять тебе?

Таинственная, медленная улыбка растягивается на его губах, приподнимая уголки вверх, в то время как его глаза вспыхивают веселыми искорками.

— Стоит ли тебе доверять мне? Естественно, нет. Можешь ли ты доверять мне? — выдыхает он, выжидая пару мгновений, смотря на меня все еще веселым взглядом. Дверь машины продолжает издавать нетерпеливое позвякивание, сигнализируя о том, что она открыта. Зет делает шаг вперед, бережно накрывая мою щеку своей теплой большой ладонью. Он ласково проводит пальцами по моему виску, слегка притягивая меня к себе. Он склоняет голову таким образом, что может вдохнуть аромат моих волос. — Да, — проговаривает он четко с легким придыханием. — Ты можешь доверять мне. Ты отдала мне себя на той квартире. Я никогда не делал этого прежде, но также отдал тебе себя.

Возможно, я не хотел этого, но у меня не было гребаного выбора. Это означает, что сейчас мы принадлежим друг другу. И что я вернусь за тобой совсем скоро. Я сделаю все возможное, чтобы отыскать твою сестру, и я сделаю все что смогу, чтобы те ублюдки заплатили за то, что сотворили с ней.

8 глава

Слоан

Слова Зета терзали меня до тех пор, пока у меня не разыгралась мигрень оттого, что я так усиленно думала над ними. Я проснулась задолго до рассвета и просто лежала, прокручивая их снова и снова в своей голове. Какого хрена значили его слова: «Ты отдала мне себя на той квартире. Я никогда не делал этого прежде, но также отдал тебе себя. Возможно, я не хотел этого, но у меня не было гребаного выбора». Эти слова были бы простыми и понятными, если бы они исходили от кого угодно на этой планете. Но слова были сказаны Зетом Мейфэйром, а значит, они могли означать все что угодно и ничего одновременно. Я так хочу спросить его о них. Хочу взять телефон, набрать номер и потребовать объяснений, спросить его какого хрена он думал, когда говорил мне эти слова? Но я не могу сделать этого; моя гордость не позволит. Мне не следует даже желать знать это. Я представляю, как в ушах раздается звук долгого гудка, а я сижу, сгорая от желания, чтобы он взял трубку. Вся эта ситуация напоминает ту, в которой я сижу с запечатанным конвертом в руках. Внутри находятся результаты анализа крови, которые должны мне дать ответ на вопрос: смогу ли я выжить или же умру. Потому что для меня вся эта ситуация ощущается странной — нахождение Зета в моей жизни и то, как он там оказался. А я ведь почти ничего и не знаю про него.

Бл*дь, мне нужно прекратить думать о Зете. Как только первые

солнечные лучи пробиваются из-за горизонта и хитро пробираются в мою комнату через жалюзи, я поднимаюсь и принимаю душ, мысленно избавляясь от всего хаоса, что царит у меня в голове. С этим я могу разобраться немного позже, я хороша в этом.

Вместо того чтобы зациклиться на проблемах, у меня есть гостья, на которой нужно сосредоточиться. Лейси загадка. Она поднялась раньше меня, и в данный момент сидит за столом и ест ложкой «Лаки Чармс» — хотя у меня в доме нет никаких хлопьев, — когда я спускаюсь по лестнице вниз. Она заворожено смотрит в огромные панорамные окна на то, как просыпается весь город. Издающий грохочущие звуки серый холодильник запустил систему авторазмораживания, наконец-то вспоминая о своей прямой обязанности. Когда Лейси замечает мое осторожное приближение, ее худенькое тельце напрягается, ложка падает и со звякающим звуком ударяется о чашку.

— Прости меня. Я взяла твоё молоко. Я была сильно голодна. Но я купила свои собственные хлопья, — говорит она мне тихо.

— Все в порядке. Ты можешь чувствовать себя, как дома, Лейси. Можешь брать все, что тебе нужно. — Я улыбаюсь, когда произношу эти слова. И я, правда, так думаю. Я не знаю через что она прошла, но знаю, что этого было достаточно, чтобы вызвать в ней отчаянное желание покончить с собой. Шрамы от ее предыдущих попыток я могу наблюдать на ее запястьях. Она вновь неспешно берет ложку в руку, словно я дала ей свое разрешение на то, чтобы она могла продолжить есть.

— Ты наемный работник, в смысле просто работаешь на больницу, не так ли? — спрашивает она.

Я замираю на полпути к шкафу, стараясь дотянуться до моей собственной тарелки, в которой я ем хлопья. Наемный работник — странный выбор слов. Выучиться и устроиться на работу — это, возможно, самая сложная вещь, к которой идет человек, и в то же время Лейси произносит это так, словно я неудачница.

— Ну да, думаю, так и есть, — отвечаю я ей.

— Сколько денег ты зарабатываешь в год? — Она отправляет в рот ложку хлопьев, ее зубы ударяются об нее, издавая глухой звук.

— Чуть больше сорока семи тысяч в год, — отвечаю ей. Я бы, вероятнее всего, надрала задницу любому, кто бы спросил у меня таким

тоном данный вопрос, но когда вы морально ранены, сломлены вы получаете особые права. Лейси, по-видимому, отлично понимает, как действует эта привилегия, поэтому продолжает гнуть свою грубую линию вопросов.

— Так как тогда ты можешь позволить себе такой дом? На холме, за городом. Потрясающий вид.

— Моя бабушка оставила мне наследство. Много денег. И я вложила их в этот дом.

Лейси обдумывает сказанное мной. Затем отправляет в рот еще порцию «Лаки Чармс».

— Ты сегодня работаешь?

— Нет. Мы собираемся навестить мою подругу Пиппу. Ты помнишь, я тебе про нее говорила?

— Психолога?

— Ага. Она хорошая. Она тебе понравится, Лейси, я обещаю. — Она не выглядит слишком уверенной на этот счет. Мрачно смотрит в свои хлопья, в то время как я стараюсь изо всех сил найти, что сказать ей. Я стараюсь быть с ней деликатней. Мне нужна какая-то общая тема для разговора с этой девушкой. Я бросаю взгляд на ее коробку с хлопьями, и идея приходит в ту же секунду. Да, я жалкая, но что прикажете мне еще делать.

— Ты не против, если я возьму немного твоих хлопьев? — Если благодаря этой мелочи она будет чувствовать себя менее обязанной мне, оказывая тем самым мне одолжение, то это может полностью изменить динамику наших отношений. Она смотрит на меня из-под опущенных бровей, и я могу сказать, что оценивает меня, пытается понять.

Наконец, отвечает мне шепотом:

— Конечно, — неспешно подталкивая коробу с хлопьями локтем ко мне.

Я насыпаю себе немного хлопьев, убеждаясь заранее, что не взяла слишком много.

— Твои любимые?

— Ага.

— А почему? — Я наливаю молока, затем пробую, стараясь изо всех сил не скривиться от приторной сладости.

— Из-за силы, которой они могут наделять, — просто отвечает мне она.

Я выпрямляюсь.

— Что ты имеешь в виду?

— Талисманы. Каждый из которых наделяет определенной силой.

Это вызывает у меня отдаленные детские воспоминания, нечеткие и пыльные от старости. — Я смотрю на ее завтрак и замечаю, что она отодвигает все маршмэллоу в одну сторону чашки, отделяя их от хлопьев (прим.перев. Это детский сухой завтрак в виде глазированных фигурок-тalismanов: подковки, сердечки, кленовые листочки и пр.).

— Все талисманы должны приносить вам определенную удачу, если вы съедите тех или иных достаточное количество, — продолжает она. Она тянется ко мне через барную стойку, что разделяет нас, и забирает одну «луна» из моей чашки и закидывает к себе в рот. Это ощущается как своеобразный шаг вперед в нашем общении. Я улыбаюсь в ответ на ее действия.

— Так, хорошо, Лейси, теперь ты должна мне объяснить. Что они значат?

Ее губы немного подрагивают, растягиваясь в улыбке. Она не смотрит мне в глаза, а продолжает удерживать взгляд на столе, что разделяет нас.

— Листочки клевера... ну, мне кажется, все и так знают, что они обозначают. Они приносят удачу, но они очень коварные, потому что ты не сможешь предугадать, какого плана они могут принести тебе удачу.

— Она пожимает плечами. — Подковы могут ускорить происходящие вещи. Падающие звезды дают тебе силу летать. Песочные часы помогут контролировать время, радуга сможет переместить тебя с места на место. — Она прижимает указательные пальцы вместе и затем неспешно разводит их в стороны, показывая тем самым, как действует радуга. — Шарики могу помочь тебе удержаться на плаву. С помощью сердечек ты можешь вернуть или оживить то, что умерло, или чего больше нет.

Я смотрю в ее тарелку и вижу, что все те талисманы, про которые она мне рассказывала, лежат не тронутыми чуть поодаль от хлопьев в ее чашке. И только про один из талисманов она мне не рассказала, именно про тот, что она ела со своей чашки.

— А что насчет талисманов в виде луны? Что они обозначают? — Я мгновенно чувствую сожаление из-за того, что спросила. Ее выражение лица меняется, плечи склоняются вперед, словно становясь преградой

между ней и мною.

— Да, я уже точно и не помню. Забыла. — Она делает глубокий вдох, отталкивается от барной поверхности. — Ты не против, если я приму у тебя душ? Я чувствую себя отвратительно.

— Конечно. Без проблем. Чувствуй себя как дома.

Она избегает смотреть мне в глаза, когда быстро ополаскивает чашку и торопится, как можно быстрее, покинуть кухню. Как только она уходит, я не могу ничего поделать, смотрю в свой телефон:

Талисманы в форме голубой луны наделяют вас силой невидимости.

9 глава

Зет

*Четыре года назад
Чино*

Доктор Уолкотт, бейсбольный поклонник «Янки», человек, страдающий обильным потоотделением, выдающий диазепам и огромное множество других замечательных наркотических препаратов, а также ко всему прочему, гордый обладатель нервного расстройства. Я, мать его, чертовки уверен, что так оно и есть. В течение каждой нашей встречи этот мозгоправ, как минимум, сгрязает по три ручки. Только представьте, три ручки в течение часа. Это обойдется штату примерно в десять баксов в год. Я полагаю, что навряд ли я самый опасный ублюдок в этих стенах, и с теми парнями он, наверное, сгрязает по пять гребаных ручек в час. Он ведет себя расслабленно, но я знаю, если сделаю резкое движение, скорее всего, он наложит в штаны и позовет охранников. Он жалок. Я имею в виду, зачем ты идешь работать в тюрьму, если так боишься своих пациентов.

За исключением того незначительного факта, что тут мы не зовемся пациентами. Мы заключенные. Если бы мы находились за пределами тюрьмы, сидя в кабинете с хорошо знакомым доктором Уолкоттом, потягивая неспешно кофе, возможно, в этом случае он мог бы быть неплохим доктором. Но с принудительным лечением, как это, люди обычно ведут себя немного сдержанно. Замкнуто. Не желая сотрудничать. Я обычно отношусь к последней категории, но сегодня меня заставили вести себя по-другому.

— Кхм, как вам может быть известно, апелляционный совет рассмотрел ваше дело... — Доктор Уолкотт листает бумаги в моем деле, его глаза пробегаются по материалам дела, каким-то образом умудряясь при этом все еще наблюдать за мной. — Вам известно, что первоначально они отклонили прошение вашего адвоката о досрочном

освобождении?

— Ага. — Адвокат Чарли, скользкий, городской тип с идеально уложенными волосами, одетый с иголочки в идеальный костюм и блестящие ботинки и правда говорил мне эту фигню. Не то чтобы я сильно и надеялся, что прошение удовлетворят, но как бы то ни было попытка — не пытка. Если честно, то я был удивлен, что судья дал мне только десять лет в вышеуказанном деле.

— Учитывая насильственный характер вашего преступления и отсутствие раскаяния за содеянное, они не чувствовали, что поступили бы правильно, если бы удовлетворили прошение, прежде чем вы хотя бы не отсидите половину из положенного срока. Сколько вы отсидели на данный момент?

— Два года.

— Ну что ж, судя по всему впереди у вас еще долгой путь, мистер Мейфэйр. По крайней мере, еще три года, прежде чем станет возможно повторить попытку повторного прошения на досрочное освобождение.

— Три года... Не так уж и хреново обстоят дела, — отвечаю я ему, усмехаясь. Но на самом деле, это очень дерзковато. Потому как эти три года могли с легкостью обернуться в тридцать. Любой, кто скажет вам, что был упрятан сюда и без напряга отсидел в Чино, может быть в то же мгновение смело заклеймен грязным лгуном. Это место сущий ад на земле.

— Но что если бы я вам сказал, что вы могли бы выйти через шесть месяцев, мистер Мейфэйр?

— Я бы сказал, что это звучит отлично.

Уолкотт качает головой, вздыхая, вновь просматривая мои бумаги.

— Я, правда, не могу понять, как ему удалось сделать это. Это вообще не должно было быть предметом обсуждений, мистер Мейфэйр. Ваш адвокат, скорее всего, играет в гольф с нужными людьми.

Ага, как же, мой адвокат играет в гольф с нужными людьми. Бред. Дела с комиссией по условно-досрочному освобождению были больше на совести парней Чарли, которые нанесли визиты к паре судей домой. Никакого насилия, конечно же. Только солидные чеки на кругленькую сумму, пару бутылок односолодового виски и правильные слова, которые были сказаны в нужные уши.

— Такова наша реальность на данный момент времени, мистер Мейфэйр. Если вы будете охотно сотрудничать со мной, значит, мы оба

выигрываем. Я помогу вам с некоторыми проблемами, и вы выйдете отсюда. Ну что, по рукам?

Я чувствую, словно собираюсь проститься с чем-то важным, когда выдавливаю:

— Конечно.

Он мог видеть, что я пребываю в восторге по этому поводу.

— Замечательно. Так. Обычно я начинаю с вопросов, за что вы попали сюда, но сегодня мне кажется лучше начать с самого начала. Давайте будем отталкиваться от вашего детства. — Он откидывается на спинку стула, кончик черной шариковой ручки, которую он крутит в руках снова и снова, немедленно отправляется к нему в рот. Он, бл*дь, смотрит на меня, таким образом, будто ждет, что я поведаю ему какой-то конкретный факт и что-то настолько леденящее кровь в венах, что он сразу объяснит мне, почему я такой, какой есть.

— Простите, вы что, уже задали вопрос? — бормочу я.

— Ваше детство, расскажите мне о нем.

— Что именно вы хотите знать?

— Счастливое ли оно было? Было ли у вас много друзей? Хорошо ли вы ладили со своими родителями? Ну, вы понимаете, примерно такие факты.

Типичная ерунда, которую спрашивают психологи. Мой стул скрипит, когда я откидываюсь на его спинку — я набрал примерно сто фунтов чистых мышц с того момента, как меня притащили, закованного в наручниках, в эту дыру.

— Оно было чертовски несчастным. Когда мне исполнилось четыре года, меня отправили жить с моим дядей в Калифорнию. Он был заядлым пьяницей, и ему нравилось причинять маленьким мальчикам боль. — Я подозреваю, что не каждый, кого опрашивает Уолкотт, настолько прямолинейный, как я. Мужчина бледнеет.

— И когда вы говорите, что он причинял вам боль, то вы имеете в виду, что он вас... — Он неловко замолкает, начиная грызть свою ручку вновь.

— Нет, нет, конечно, я не имею в виду в сексуальном плане. Я имею в виду, что ему нравилось делать это баскетбольной битой или металлическим носком его туфель. Его кулаки.

Уолкотт записывает это. Я могу практически видеть, что он записывает: *Подвергался насилию, когда был ребенком. Что объясняет*

применения насилия в его взрослой жизни. Пытается предпринимать попытку понять, контролировать то, что произошло с ним в его детские годы. Пытается вернуть себе утраченную власть.

Но даже когда я был ребенком, в то время, когда дядя орал на меня, и мои все еще формирующиеся кости ломались, как щепки, никогда не чувствовал, что я терял власть. Я только лишь выжидал. Ожидал дня, когда стану старше и сильнее, чем он. Ожидал, когда придет мое время.

— А что насчет ваших родителей? Почему они оставили вас на попечение вашего дядюшки?

— Оставили, потому что погибли. У моего отца были головные боли. В тот день они поехали на фильм, оставив меня с няней. Моя мама сказала, что она поведет, но она была беременна, вот-вот должна была родить, поэтому отец не позволил ей сесть за руль. Позже доктора сказали, что у него произошел разрыв аневризмы за рулем, и они влетели на своем «Шевроле» в уличный фонарь.

Разговаривать о своих родителях мне не по душе, но с документом, по которому я могу выйти из тюрьмы через шесть месяцев, у меня не то чтобы есть какой-то выбор. Хотя я не рассказываю Уолкотту много важных моментов. Я лишь делаюсь с ним несколькими туманными, желанными воспоминаниями, которые все еще поддерживают образ моей матери внутри меня — аромат духов моей матери, сладковатый, легкий и цветочный; ее темные, волнистые волосы, которые щекотали мое лицо, когда она целовала меня на ночь; заразительный, наполненный радостью смех моего отца; бум, бум, бум стук сердцебиения ребенка, который был в круглом, большом животе моей матери. Я сидел часами, слушая, как малыш внутри нее переворачивался и пинался, пока она ласково поглаживала мои волосы и рассказывала разные истории.

— Мне очень жаль слышать это, — произносит Уолкотт. Он говорит настолько взволнованным голосом, наполненным сочувствием, что я практически верю ему. — И что произошло дальше? После того, как вы ушли от вашего дяди?

Вот теперь он ступает на опасную территорию. Я не желаю говорить о Чарли. Я не могу. Или я умру здесь быстрее, чем выйду за стены тюрьмы.

— Я жил на улице. Я делал все, для того, чтобы выжить. Воровал, работал на временках, в общем, крутился, как мог. Всевозможными

способами обходил систему. Мой дядя жил на пособия, которые выделяло правительство, что предположительно должны были тратиться на уход за мной, до того дня, пока мне не исполнилось восемнадцать, и они не прекратили их высылать. — Ни у кого из них не было доказательств, что я на самом деле знал Чарли. Упомянуть его сейчас в нашей беседе, как навлечь на себя неотвратимые неприятности: чрезвычайно опасные для здоровья.

— Понимаю. — Он продолжает записывать. Хотя нет никакого смысла записывать это. Историю, которую я ему только что рассказал, как две капли воды похожа на то, что рассказывает каждый заключенный, который сидит тут. — Так, отлично, не могли бы вы теперь припомнить хоть одно счастливое воспоминание из вашего детства? — Он замирает с ручкой в его руке, опуская ее к бумаге, готовый записать мое далекое воспоминание, которое я готов рассказать.

— Нет.

Тишина.

— Послушайте, если вы решили вновь вернуться к нежеланию сотрудничества, то...

Я резко прерываю его. Я терпеть не могу угрозы от администрации; просто хочу, чтобы этот сеанс закончился.

— Я не такой идиот, мистер Уолкотт. Я не могу рассказать вам ни об одном счастливом воспоминании, связанным с моим детством. Я просто-напросто не помню ни одного.

— Вообще ни одного? — Он выглядит озадаченным.

Я говорю ему чистую правду.

— Нет. Абсолютно ни одного.

Потому что даже воспоминания о моих родителях: аромат духов, волосы, смех, и бум, бум, бум, сердцебиение ребенка — это вероятно самые печальные из них.

10 глава

Слоан

Лейси становится еще более тихой, когда мы приближаемся к квартире Пиппы. Вся эта затея с консультацией психолога начала казаться мне неудачной. Несомненно, квартира Пиппы — место для приема пациентов, и теперь у меня складывается ощущение, что это последнее место, где должна находиться Лейси. Особенно, учитывая ее реакцию на недавний опыт в больнице. Я паркую свой «Вольво» на подземной стоянке, и мы поднимаемся на лифте на шестнадцатый этаж многоквартирного дома. Открывающийся вид, что предстает перед нами, когда мы выходим из кабины лифта, невероятно захватывающий. Башня Спейс-Нидл предстает перед нами сероватым образом на горизонте, практически затмевая собой остальные высотные сооружения города. Зеленые парковые насаждения растягиваются на многие мили в отдаленных районах, испещренные красновато-коричневыми, увядающими красками осени.

Когда Лейси видит вид из окна, она вжимает голову в плечи, кутаясь в толстовку, которая одета на ней, и к слову, что на два размера больше нее и определено точно не принадлежит ей. Мне невероятно не комфортно от мысли, что Лейси носит одежду Зета. Только одному Господу Богу известно, почему она это делает.

«Ты просто ненормальная, вот почему. Он не принадлежит тебе. А ты одержима невероятным желанием сделать его своим» — резкий голос в моей голове констатирует факты. Этот голос приобретает невероятное сходство с голосом Пиппы, отчего мне хочется заехать своей лучшей подруге в челюсть. Я прекрасно знаю, что она защищает и оберегает меня. Мне все это известно, но, несмотря на это, я просто не могу не злиться на ее слова. Перед Зетом я могу сколько угодно притворяться в своей сдержанности, но вся правда в том, что я просто не могу перестать думать о нем. Не могу прекратить думать о его ладонях, что скользят по моему телу. Его жарком рте, что поддразнивает мою кожу. О его руках, которые обладают мной самым требовательным образом.

— Нам на самом деле необходимо делать это? — тихий голосок

Лейси раздается в тишине коридора. Она выглядит такой крошечной, такой уязвимой. Такой же невероятно хрупкой, как и ее имя. Как кружево. И в дополнение ко всему, она выглядит ужасно напуганной. (прим. пер. с англ. имя героиниозвучно со словом Lace «кружево».)

— Все будет хорошо, — заверяю ее. — Подумай об этом в таком ключе — как будто ты находишься здесь по своему собственному желанию. Также, знай, что мы можем уйти в любой момент, как только ты захочешь этого. Тебе не нужно принимать никакие таблетки или же рассказывать Пиппе то, чем ты не желаешь делиться. Не будет никакой записи или отметки о том, что ты вообще когда-либо приходила сюда, и, кстати, это бесплатный прием. Ты ничего не потеряешь. Но можешь многое приобрести, так ведь, Лейси? — Я заботливо располагаю ладонь на ее плече и слегка сжимаю. До настоящего момента, я вообще к ней не прикасалась. Мне кажется, что она могла быть немного застигнута врасплох или смущена тактильным контактом. Но она не проявляет никаких из предполагаемых мною чувств. Она неуверенно кивает головой, закусывая свою нижнюю губу.

— Хорошо. И мы можем уйти, когда я захочу?

Она определенно нуждается в большем заверение того, что все будет в порядке. Я даю ей это, улыбаясь, и сопровождаю до квартиры Пиппы.

Я резко стучу — стук выходит на полицейский манер, — Пиппа оставляет нас стоять и ждать на пороге не больше десяти секунд. Дверь спокойно открывается, и вот она, стоит в своих прямых голубых джинсах и свежевыглаженной рубашке, заправленной в штаны. Повседневная одежда Пиппы представляет из себя то, что я наделяла бы на собеседование на работу. Ее волосы распущены, рассыпаясь по плечам, что делает ее внешний вид менее серьезным. Менее соответствующий образу доктора и более походящий на мамашу-насадку.

— Привет, девочки, — произносит она, широко улыбаясь. Ее беззаботный голос звучит так, словно мы собрались посмотреть фильмы, выпить вина и поболтать о парнях. Несмотря на абсурдность ситуации, очень целесообразное действие. На лице Лейси воцаряется выражение, которое может сойти за улыбку — вымученную, — и мы вдвоем проходим в квартиру Пиппы. В квартире витает мягкий аромат лилий и жасмина. Великолепно обставленная комната создает

впечатление демонстрационного зала, но в то же время некоторые моменты интерьера придают комнате уют. Ее диван — это единственная причина, по которой я здесь бываю: он огромный и потертый, кожа с течением времени стала мягкой и приятной на ощупь. Я сразу же плюхаюсь на него, показывая жестом, чтобы Лейси сделала то же самое. Она присаживается на диван рядом со мной, стягивая сложенный плед, который находится на спинке стула, что расположен позади нее, плотно оборачивая вокруг себя и своих ног. От ее действий создается такое впечатление, что она желает скрыться из виду.

Талисманы в форме голубой луны — сила невидимости.

Пиппа указывает большим пальцем через плечо в сторону кухни открытой планировки.

— Я как раз заварила себе чай. Может, вы тоже будете?

— Будет круто. А то тут так холодно, — отвечаю я.

Лейси отвечает одним кивком головы. Пиппа направляется на кухню, чтобы заварить еще чаю, чайник кипит в своей раздражающей манере, раздается стук ложек, громкий звон сервиса о сервис, и Лейси в этот момент, опускает свой подборок в теплый материал пледа, пляясь в пол. Только я собираюсь поинтересоваться у нее в порядке ли она, как в этот самый момент раздается телефонный звонок в моем кармане. На экране высвечивается номер, который я не узнаю. Я отвечаю на звонок, поднимаясь на ноги и направляясь к окну.

— Да?

— Это я.

Этот гребаный голос.

— Почему не звонишь со своего номера? И где тебя, мать твою, черти носят?

На другом конце трубки воцаряется тишина. Вероятно, Зет Мейфэйр совершенно не привык к такому враждебному отношению, когда он звонит, но знаете что, пошел он в задницу. Если он думает, что может скинуть на меня свои обязанности и свалить в ...

— Это одноразовый телефон. Пришлось избавиться от прошлого, — сообщает он мне своим хриплым голосом. — И я за рулем. Держу путь в Калифорнию, хочу попытаться вернуть твою сестру. Уже забыла?

Бл*дь, что ж. Я не могу толком наорать на него, когда он выставляет все таким образом.

— Нет, я ничего не забыла, — резко парирую я. — Просто хотелось

бы, чтобы это происходило при других обстоятельствах.

— Ты имеешь в виду, чтобы я заскочил к тебе, и ты бы поехала со мной? — в его голосе отчетливо слышна усмешка, такая, которая приподнимает его уголки губ. Я тряси головой, всеми силами стараясь избавиться от образа этих пухлых губ, которые прямо сейчас, вероятно, изогнулись в знакомой ухмылке.

— Да, это именно то, что я имею в виду. — Позади меня Пиппа входит в комнату с тремя кружками, две из которых она опасно держит в одной руке, и в другой несет одну. Я вновь поворачиваюсь к окну, издавая шипение. — Когда ты вернешься?

Заботиться о Лейси — это невероятно сложна работа, выполнять которую едва ли я бы вызвалась по собственному желанию, но отчаянная необходимость, чтобы Зет вернулся как можно быстрее, еще заключается в скорейшем возвращении сестры. Два года такое долгое время. Кажется невыносимым, что она будет находиться вдалеке от своей семьи еще на протяжении какого-то времени.

— Уже соскучилась по мне? — рычит Зет. — Не волнуйся. Я приеду так скоро, как только смогу, чтобы позаботиться о тебе.

Мои щеки вспыхивают румянцем.

— Мне не нужно, чтобы ты заботился обо мне!

— Уверена? Я могу поклясться, что ты будешь умолять меня использовать тот ключ во второй раз, как только я пересеку черту города.

Я ненавижу высокомерие в его голосе. В равной степени я ненавижу, что лгу сама себе и пытаюсь убедить себя, что это совершенно не заводит меня. Каждая темная, опасная черта его характера заводит меня. И прямо сейчас я погружаюсь все глубже в его мрачный, бархатный тембр голоса, моя кожа покрывается мурашками от невероятной сексуальности, что исходит от него. Черт побери, возьми себя в руки, Слоан!

— Просто верни мою сестру домой, приятель. — О господи, что серьезно? Какой в задницу, приятель! Откуда это, мать вашу, взялось? Зета можно назвать по-разному, но он явно не является приятелем. Глубокое гортанное хихиканье достигает моего слуха.

— Как раз этим и занимаюсь. Просто... — Он делает глубокий вдох, который говорит мне о том, что он думает над следующими словами. — Просто будь аккуратна. Есть вероятность того, что кто-то может

следить за тобой.

Что. Мать. Вашу? Кто-то может следить за мной? Мое тело реагирует, как камертон, по которому ударили.

— Почему? Почему кто-то, ради всего святого, может захотеть следить за мной? Кто этот кто-то?

— Мой босс немного нервничает. Он мог приставить людей следить за мной. Они могли видеть, что я привез Лейси к тебе, — констатирует он. Ледяной страх обрушивается на мою грудь, обосновываясь внизу моего живота.

— Что серьезно? — я стараюсь понизить голос. Но Пиппа и Лейси устремляют свои любопытные взгляды на меня, отвлекаясь от своего тихого разговора. Я резко разворачиваюсь к ним спиной, шепча: — Насколько могут быть опасны эти парни? Мне нужно обратиться к копам?

— Бл*дь, да нет же. Просто сиди ровно на своей заднице и никуда не дергайся. Я приставил присматривать за тобой кое-кого.

Насчет этого я даже не задаю вопросов. «Приставил присматривать за тобой кое-кого» может только означать еще больше подозрительных типов, которые будут следовать за мной по улицам Сиэтла, прячась в тени.

— Ладно, Зет, — вздыхаю я. — Просто возвращайся сразу же, как только разберешься с делами. Я не подписывалась на это. — Что звучит, как гребаное преуменьшение века. Я не подписывалась на то, чтобы ждать. Я не подписывалась на то, чтобы опекать ее. Для многих это может показаться чем-то невероятно ответственным, все то, что у меня есть: больница, огромное количество пациентов, которых я вижу каждый день. Ответственность и груз от всего этого давят на меня, но в то же время в реальности я веду очень замкнутый образ жизни. Ничего за пределами этого больничного мира не отвлекает меня, ничего из проходящего не требует моего участия, кроме как подъем по утрам со звуками будильника и четкая необходимость быть там, где я должна быть. Пребывание в больнице занимает большее количество моего дня. Быть полезным человеком, когда необходима пара рук в грудной полости раненного человека. Быть полезной, когда необходимо остановить артериальное кровотечение. Но это все физические, логические и управленческие моменты. Я могу с этим справиться. Я достаточно хладнокровная для этого. Но с другой стороны, нервы не

позволяют мне здраво мыслить, когда я думаю о возвращении домой Алексис. Необходимость быть здесь для Лейси в эмоциональном плане... это то, с чем я не знаю, как справиться.

Зет издает напряженный звук на том конце трубки.

— Ты справишься, Слоан, — говорит он мне, его голос становится немного мягче, чем был до этого. И затем он нажимает сброс.

***

История, рассказываемая Лейси, заставляет меня испытывать подступающую тошноту. Я предпринимаю попытку незаметно улизнуть, чтобы оставить Пиппу и девушку наедине, чтобы они могли провести встречу только вдвоем, но она протягивает руку и хватает меня с пугающе отчаянной хваткой. Складывается впечатление, что она не любит незнакомых людей, а из нашей компании, меня и Пиппы, я для нее являюсь более знакомым лицом. Я усаживаюсь на противоположном конце дивана, решительно настроенная оставаться непроницаемой к тому, что бы я ни услышала, но это становится совершенно невозможным, когда Пиппа продолжает задавать один за другим вопросы Лейси, а девушка продолжает отвечать напряженным, безэмоциональным голосом.

— Ты воспитывалась в детском доме. Что случилось с твоими родителями?

— Они умерли прежде, чем я родилась

— Но... как твоя мама могла умереть прежде, чем ты появилась на свет?

— Она была в коме. Технически, она умерла за три недели до начала родов. Как только ее тело дало мне жизнь, они отключили ее от аппарата жизнеобеспечения.

— А что последовало после этого?

— Приемные семьи.

— Сколько примерно их было?

— Семнадцать в общей сложности. В некоторых я находилась всего пару месяцев. В некоторых — лишь пару дней. В последней приемной семье я находилась целый год.

— Почему ты задержалась так надолго в последней?

— Грегори нравилось, когда я находилась под рукой... Я был ему

полезна.

— В каком смысле полезна?

— Готовка и уборка. Секс в любой момент, когда он этого захочет.

— Таким образом, исходя из твоих слов, у тебя были отношения по взаимному согласию?

— Не совсем.

— Не совсем?

— Нет. Они не были по взаимному согласию.

— Он насиловал тебя?

Молчание.

Иногда разум просто не может принять какое-то слово. Так вот слово «насилие» совершенно парализует разум Лейси. Она закрывается. Просто плятится в окно, медленно моргая.

— Он был первым? — спрашивает Пиппа.

Светлые волосы Лейси касаются ее плеч, когда она качает головой.

— Нет, Грегори не был первым.

После этого Пиппа отступает, чувствуя, что пересекла невидимую грань, которая отделяет девушку от того, чтобы погрузиться в состояние полного отрицания. Она начинает задавать ей другие вопросы: почему она боится находиться одна? Может ли она рассказать, почему так привязана к Зету? Но Лейси уходит от ответа, просто пожимая плечами и отвечая, что не имеет понятия почему. После мучительного сорокапятиминутного сеанса, Пиппа наконец кивает и поднимается на ноги с кресла, в котором сидит.

— Отлично, дамы. Думаю, что на сегодня достаточно, вам так не кажется? Я устала.

Глаза Лейси вновь возвращаются к жизни, наполняясь блеском, когда она переводит взгляд на Пиппу.

— Что это и все? Вы не хотите, чтобы я рассказала что-то еще?

Пиппа дружелюбно улыбается ей.

— Нет, если ты этого не хочешь. Но ты мне можешь рассказать все, что ты пожелаешь.

— Нет, все... все нормально. — Лейси ослабляет свою хватку на крае пледа, который все еще наброшен на ее ноги. — Мне кажется, сейчас я хочу уйти.

— Без проблем. — Пиппа протягивает руку Лейси, предлагая ей тем самым пожать ее. Лейси же смотрит на нее, таким образом, словно

это какая-то уловка. Рукопожатие было придумано сотни лет тому назад, чтобы продемонстрировать дружественный настрой и отсутствие наличия оружия; тот же трюк сейчас происходит на моих глазах между Пиппой и Лейси, действие в данный момент подразумевает под собой — « не причиню тебе вреда». Робкая блондинка все-таки протягивает руку, чтобы принять рукопожатие терпеливой ладони Пиппы. Кажется, лед трескается внутри Лейси, и ее глаза наполняются слезами. Она не произносит ни слова, просто поднимается на ноги, аккуратно складывает плед, убирая его в сторону, и направляется к выходу из квартиры, останавливаясь с другой стороны входной двери, терпеливо ожидая меня.

— У нее впереди еще долгая дорога, — едва слышно бормочет Пиппа, обращаясь ко мне. — Ей предстоит много работы. У меня складывается такое впечатление, что она блокирует половину информации.

— Что? Так насилие не самое худшее из этого?

Печальный, взгляд полный боли воцаряется на ее лице.

— Вероятно, нет. Не забывай присматривать за ней, хорошо? Было бы вообще идеально, если бы ее поместили в больницу, где бы за ней некоторое время присматривали, чтобы она вновь не попыталась совершить попытку суицида.

Я в ту же секунду отрицательно качаю головой.

— Он не стане...

— Я прекрасно знаю это, — прерывает подруга меня. — Но сейчас дело не в нем. Сейчас это напрямую касается ее и того, что ей необходимо. В данный момент она умудрилась каким-то образом связать себя с этим парнем, что, вероятно, самая нездоровая вещь, которую она может только делать. Сейчас, когда он не находится рядом с ней, у нас есть отличная возможность попытаться и разорвать их связь. — Она смотрит на меня нерешительным взглядом. — А также и для тебя это является хорошей возможностью сделать то же самое.

Я задыхаюсь, смотря на нее.

— Я не привязана к нему.

Ее губы сжимаются в тонкую напряженную линию, которая выражает беспокойство.

— Может быть, сейчас этого еще не произошло, но я думаю, что произойдет, детка. Это проще, чем тебе может показаться. Не забывай,

— говорит она, замолкая, — я встречалась с этим мужчиной.

11 глава

Зет

Я подъезжаю к борделю Хулио с наступлением ночи, где-то в городе Рик нетерпеливо ждет координатов от меня. Майкл, парень, которому я доверяю больше всех, наблюдает за борделем для меня с того самого времени, как я обнаружил информацию о существование Алексис. Место располагается, хрен знает где, окруженное десятиметровой бетонной стеной, за исключением главного входа, на месте которого возвышается жуткие на вид кованые железные ворота, с внушительными пиками вверху. Ни одному мудаку просто так не пробраться туда или не выскользнутъ незамеченным без прямого приказа Хулио, или на крайний случай, без его ведома. Два толстых охранника, стоящие за воротами, курят косяки, хмуро посматривая на меня, когда я подъезжаю к главному входу на своей «Камаро». Их ладони ложатся на виднеющиеся из-под поясов пушки, когда я выбираюсь из машины.

— Вали отсюда, hombre. Это тебе не пригород. У тебя нет здесь никаких дел, — бросает мне пренебрежительно толстый коротышка. Я приподнимаю бровь.

— Естественно, есть. У меня встреча с Хулио. — Другой парень сплевывает на землю, и делает глубокую затяжку. Запах марихуаны наполняет ночной воздух. — У нас не значится никаких белых парней в

списке гостей на сегодня, брат. Так что проваливай домой.

Я направляюсь напрямую к ограде и приближаю свое лицо, как можно ближе к решеткам.

— Тебе лучше бы проверить свой список гостей еще раз, брат.

Они переглядываются. Я не езжу на «Мерсе», поэтому я определенно точно не выгляжу, как их постоянные клиенты. А мое телосложение должно говорить им, что мне не следует делать какие-либо одолжения. Проходит напряженная минута — они пялятся на меня, а я в ответ не свожу своего взгляда с них — прежде чем самый высокий из них выражает свое недовольство и неуважение, разворачиваясь ко мне спиной, бормоча на испанском в свою маленькую рацию. Затем он быстро разворачивается ко мне лицом и кивком указывает вверх на камеру.

— Улыбнись на камеру, pendejo.(прим. пер. с исп. Pendejo — «придурок»)

Я вижу камеру, которая установлена на стене, справа от меня на кронштейне под углом, что позволяет ей захватывать весь обзор, полностью охватывая мое изображение. Я улыбаюсь фальшивой улыбкой, широкой и дерзкой, и затем показываю средний палец.

Беглый испанский говор доносится из рации, что держит в руке высокий парень; голос определенно слышится злым. На выражениях лиц обоих парней запечатлевается злоба — простите ублюдки! — когда они, наконец, открывают ворота для меня. Я забираюсь обратно в «Камаро» и убеждаюсь, что пускаю облако пустынной пыли им в лица, когда проношусь мимо них. Снаружи огромного одноэтажного задания, которое находится внутри внешних стен, виднеется темная, гибкая фигурка, что спускается по ступенькам, чтобы встретить меня. Это явно фигура женщины. Я паркуюсь и использую мгновение, чтобы восстановить историю в своей голове: я просто проезжал мимо, в поисках места, где мог бы остановиться. Чарли обо всем известно.

На самом деле Чарли не имеет представления, что я, черт побери, нахожусь тут. Еще Чарли совершенно не догадывается, что я покинул Сиэтл, или же о том, что я решил ослушаться его приказа, и не убивать Рика, как должен был сделать. Мое настроение все еще хуже некуда от перспективы, что этот старый мудак мог донести полиции, что это я убил Мёрфи. Если бы я имел возможность увидеть его до того, как покинул город, я бы избивал его до тех пор, пока бы не пробил ему

череп.

Женщина в обтягивающем, крошечном платье, что направляется навстречу ко мне — Аляска. Я помню ее с прошлого раза, когда был здесь с Чарли. Или, точнее сказать, я помню ее сиськи. Она танцевала для меня; Хулио настоял на этом. Девушка обладает экзотической красотой, она должна была бы быть олимпийской гимнасткой. Она улыбается мне широкой улыбкой, когда я направляюсь к зданию.

— Так ты, наконец, приехал навестить меня, м? — смеется она. — Только это заняло у тебя четыре года.

Четыре года это не такой уж большой срок вдали от этого места. Она располагает свои ладони на моей груди, когда прижимается к моему телу, чтобы поцеловать меня в щеку. Я терплю это столько, сколько могу. Женщина — шлюха, а я не позволяю шлюхам прикасаться ко мне. Только в том случае, если они хотят опуститься передо мной на колени и отсосать мне, так или иначе, она прикасается ко мне. Я хватаю ее за запястья и убираю прочь ее руки.

— Просто заехал выказать уважение твоему боссу, — резко отвечаю я. Она надувает губы, притворяясь, что обиделась моим отказом.

— Я намного дружелюбнее, чем Хулио сегодня. Пойдем во внутрь, и я уделю тебе часик прежде, чем ты пойдешь говорить о скучных делах. — Я просто смотрю на нее. Ее застенчивая ухмылочка исчезает, когда она точно видит отражение того, что я думаю о ее предложении на моем лице. — Понятно, — произносит она. Вскидывая брови и склоняя голову чуть к плечу, она указывает на вход в хорошо освещенное здание. — Он находится у бассейна. Надеюсь, не заблудишься. — Она разворачивается и направляется обратно в здание, виляя бедрами, источая гнев.

Я нахожу Хулио именно там, где она мне сказала — сидящим на шезлонге около бассейна. Он потягивает алкоголь из пузатого хрустального бокала, усмехаясь, когда видит меня. Он набрал довольно прилично веса с последнего раза, когда я видел его, еще в то время толстый ублюдок страдал ожирением. Вероятно, к настоящему времени он находится на грани острой коронарной недостаточности.

— Зет! Мой хороший друг! — у него сильный акцент, который полностью дает отсылку к его национальным корням. — Почему у тебя заняло так много времени, чтобы проводить меня? — Он не

поднимается с шезлонга, а лишь приподнимает руку, чтобы я пожал ее в некотором подобии рукопожатия. Он указывает на шезлонг, который находится рядом со мной, издавая стон, когда тянеться в противоположную сторону к бутылке с янтарной жидкостью, у которой специфический запах виски. Он спокойно наливает в другой стакан виски на три пальца и передает его мне. Я беру его: иначе я поведу себя невежественно к его гостеприимству. А это будет плохим началом для несколько сомнительной встречи.

— А где этот английский ублюдок? Он приехал сюда с тобой? — хрипло говорит Хулио.

— Нет, я приехал один. Мне предстоит долгая поездка до Лас Флорес. Подумал, что, может, ты предложишь мне переночевать, — бросаю я ему небрежно. — Возможно, я мог бы рассчитывать на твоё гостеприимство на пару тройку ночей, если, конечно, ты настолько расщедришься. У меня есть парочка друзей, с кем бы я хотел пересечься, пока нахожусь здесь.

Хулио делает большой глоток из бокала, его карие глаза задумчиво изучают меня поверх кромки. Вероятно, он думает о том, что, скорее всего Чарли послал меня сюда, чтобы я шпионил за его делами. Эти ублюдки делают вид, что они друзья не разлей вода по отношению друг к другу, но реальность такова, что они не доверяют друг другу ни на йоту. Что, автоматически, означает, что Хулио не доверяет и мне.

— Конечно, мой друг. Мой дом — твой дом, как говорят испанцы, — произносит он, посмеиваясь, что он сказал это на английском вместо своего родного языка. Я вижу, что за его улыбкой скрывается именно то, что я ожидал: подозрение.

— Ты очень добр. — Я делаю глоток с бокала — в бокале определенно виски — поглощая обжигающую жидкость.

— Ты выбрал удачный момент, мой друг, — произносит мягко Хулио. — Если ты останешься до вторника, то ты, несомненно, посетишь наше небольшое «мероприятие». — Его акцент на последнее слово дает мне безошибочно понять, о каком именно «мероприятии» идет речь. О тех, которые я до недавнего времени организовывал сам. До Слоан. — У меня есть приличное количество новых девочек, которых нужно немного «обучить», — смеется он. Его живот трясется, как полуспущеный водяной матрас. — Хотя это немного другое. Ты должен привести кого-то, если ты понимаешь, о чем я. Если не для того,

чтобы прикасаться, то хотя бы для того, чтобы просто посмотреть. — Он подмигивает мне с намеком, его обвисшие щеки покачиваются, как у бассет-хаунда. — Я сомневаюсь, что для тебя будет проблемой найти кого-то, кто мог бы прийти с тобой.

Вторник. Если Алексис находится здесь, то она обязательно будет присутствовать на вечеринке по типу этой. Но сегодня только пятница. Я не планировал оставаться так надолго. Мне просто нужно уповать на то, что я встречу ее раньше вечеринки. Я киваю, делая приличный глоток виски.

— Ага, сомневаюсь, что у меня будут какие-то проблемы.

***

Слоан

Гладкий черный автомобиль следует за мной всю дорогу до больницы Святого Петра. Лейси замечает машину преследователей первой — мне в буквальном смысле пришлось взять ее на работу со мной, что на самом деле какое-то сумасшествие — и показывает мне на нее, в то время как я веду машину. Автомобиль не следует за мной на парковку, вместо этого он останавливается у обочины рядом с кафе, которое располагается через дорогу от больницы, двигатель замолкает, когда мы выбираемся из «Вольво» и направляемся к главному входу. У ничем не выделяющейся машины затонированные стекла, поэтому рассмотреть тех, кто находится внутри просто невозможно, хотя Лейси кажется, знает тех, кто там.

— В машине точно парни Чарли, — произносит она. Она относится более легко к преследующему нас хвосту, чем я. Я нахожусь на грани, когда спешно захожу в больницу, готовая спрятаться в комнате уборочного инвентаря или же где-то еще. — Могу поспорить, что они будут там же, когда мы будем направляться домой, — добавляет она.

— Если они будут там, когда мы будем уезжать, то я позвоню копам.

Она фыркает.

— Удачи с этим.

— Что ты имеешь в виду?

Отводя плечо немного в сторону, она смотрит на меня, как на

идиотку, закатывая свои глаза.

— Все копы уже кем-то куплены. В большинстве своем Чарли. Они возможно даже не появятся, ты будешь разбираться с этим сама.

Ну что ж, это довольно-таки тревожные новости. У меня складывается ощущение, будто я попала в фильм о мафиози 1950 годов, за исключением того, что это все происходит на самом деле. Не иметь возможности позвонить копам? Замечательно. На самом деле. Просто, мать его, супер.

Я оставляю Лейси в ординаторской. Я и так уже практически опоздала на свою смену, потому у меня совершенно нет времени, чтобы опекать ее, когда я уйду, чтобы заступить на смену.

— Ни шагу с этой комнаты, — наказываю я. — Здесь огромное множество людей, которые могут с легкостью узнать тебя, а это последняя вещь, которая мне нужна. Зет прибывает меня, если тебя поместят на лечение в психиатрическую клинику, пока я буду на работе.

— Долбаный Зет. Этот парень не сделал ничего, кроме как обеспечил меня проблемами. Если бы он не убил Эли, то, возможно, я бы получила информацию, которая была мне так нужна, а Алексис была бы уже дома, в целости и сохранности, посещая церковь с родителями каждые выходные. Аккомпанируя на пианино церковному хору и поющим прихожанам. В течение мгновения я отчаянно пытаюсь сдержать свой гнев, но это все кончается неудачей, как потухший фейерверк, когда мой разум резко меняет свое направление мысли, вспоминая другие вещи связанные с ним. Например, его огромный член, который поддразнивает мои складочки, когда готов скользнуть внутрь меня. Его темно-карие глаза, наблюдающие вблизи за моим выражением лица, когда он погружается в меня так глубоко, как только возможно, издавая шепотом едва слышные стоны.

Черт.

Лейси сидит на кровати, выглядя в значительной степени взволнованной, в то время, как я спешно натягиваю на себя свою медицинскую форму, пока мое «почти опоздала» не превратилось «в точно опоздала». Все полагают, что именно интерны находятся под большим давлением, но это не совсем верное представление. В такой же степени можно испытывать трудности, когда ты переходишь в ординатуру, если ты не успеваешь в своей работе. И опоздания тут совершенно не приветствуются. Особенно, когда это исходит от

двадцатишестилетней женщины, которая нуждается в том, чтобы присматривать за кем-то на своей работе.

Я успеваю на смену, к счастью вовремя, и осматриваю пациентов, которых приняли во время моего выходного дня. Проколотое легкое, врожденный порок сердца, сепсис. Сегодня все случаи достаточно серьезные. Настолько серьезные, что я провожу с каждым из пациентов приличное количество времени, оценивая прогресс в их состоянии и заполняя необходимые бумаги для их карточек и назначения лекарств. В полдень, я, наконец, получаю шанс, уединится в кабинке уборной и написать Зету.

Я: «Твои дружки преследовали меня до работы этим утром».

Проходит минута прежде, чем телефон издает вибрирующий звук в моей руке.

Зет: «Что произошло?»

Получено 12:38

Я: «Ничего. Они просто ехали за нами. Припарковались снаружи. Что ты имеешь в виду под своим «что произошло». Что что-то может произойти?»

Зет: «Сомневаюсь»

Сообщение получено 12:51.

И затем...

Зет: «Ты в порядке?»

Сообщение получено 12:51.

Я должна написать ему правду: «нет, я не в порядке!» Но это бы не помогло мне добиться конкретной цели. Плюс, по какой-то причине, я не хочу казаться слабой перед ним. Если я признаю, что я напугана его дружками-головорезами, тогда признаю, что я боюсь и его. А я никогда не признаюсь в этом. Он прекрасно знает, что я боюсь, но я никогда не признаю этого лично. В то время как я нахожусь в процессе набора длинного, грубого сообщения, которое адресовано ему, мой телефон начинает звонить в моей руке. Я отвечаю, хмурясь.

— Что?!

— Ты не ответила. Когда кто-то спрашивает у тебя в порядке ли ты после того, как ты сказала им, что за тобой следят, обычно хорошим тоном считается подтвердить, что ты все еще жива, — отчитывает он меня своим низким, хриплым голосом.

— Я как раз отвеч... ах! — Я даже не утружаюсь договорить до конца. — Ты можешь сделать что-то с этими парнями, которые сидят снаружи больницы и едят пончики?

— Ничего. — Его голос звучит ровно и безразлично

— Что? Это парни твоего босса, ведь так? Разве ты не должен ладить с ними?

Это смешит его — хриплый звук, который поддразнивает мой слух и заставляет меня испытывать дрожь по всему телу.

— Мы предпочитаем не путаться друг у друга под ногами. Чарли больше по душе такое положение вещей.

— И что ты мне прикажешь делать, когда они последуют за мной, после смены в больнице? — спрашиваю я. Мысль о том, чтобы направиться домой и сидеть в большом доме на холме только с Лейси в качестве защитника не очень-то и обнадеживает.

— Ты будешь в полном порядке, — говорит он мне. — Парни присматривают за тобой. И, кроме того, они просто наблюдают. А если они ворвутся в твой дом, просто пырни их ножом.

— Пырнуть ножом? — Я открываю рот, пребывая в состоянии шока.

— Я не собираюсь бросаться с ножом на людей!

— У тебя есть пушка?

— НЕТ!

— Значит, ты не сможешь вместо этого их просто пристрелить, так?

Я потираю переносицу между указательным и большим пальцами, опускаясь, чтобы присесть на закрытую крышку унитаза.

— Зет, ты можешь, пожалуйста, вернуться так скоро, как только у тебя получится. Пожалуйста.

— Кто угодно мог бы подумать, что ты нуждаешься во мне, — говорит он низким, пропитанным нежностью голосом. Я вновь ощущаю мурашки. По всему телу.

— Нет, не нуждаюсь!

— Ну, зато я нуждаюсь в тебе. — Тембр его голоса отражает такой

звукание, которое я никогда не слышала прежде, он низкий и грубый, что все мое тело в один миг начинает пылать. — В следующий раз, когда увижу тебя, я познакомлю тебя с несколькими вещами из сумки. Я становлюсь чертовски твердым только об одной мысли об этом. Бл*дь. В сумке есть одна «игрушка», которая, как мне кажется, придется тебе по вкусу так же, как и мне.

Он говорит о ноже; я знаю, что именно его он имеет в виду. Я тяжело сглатываю, качая головой, стараясь прогнать образы нашего последнего раза, когда он использовал его на мне. Но он делает это практически невозможным продолжая говорить.

— Я хочу скользнуть своими ладонями по твоим бедрам, Слоан. Я чертовски хочу сорвать твою одежду и заставить тебя дрожать всем телом. Я хочу впиться пальцами и зубами в твою кожу, и заставить тебя выкрикивать мое имя. Ты хочешь этого тоже, ведь так?

Холодный пот выступает на моем теле, заставляя мою кожу покрыться мурашками. Я визуал. Вам достаточно только сказать мне, и я уже представляю это в своей голове — и в этот самый момент, я представляю, как огромный член Зета напряженно вжимается в его джинсы, умоляя о том, чтобы ему позволили вырваться на свободу, чтобы пошалить. Я прочищаю горло, кашляя и прикрывая глаза.

— Абсолютно невыполнимо желать этого прямо сейчас.

— А что если я сейчас устрою для тебя кое-что, от чего ты будешь кричать? — Его голос становится еще ниже, практически переходя на шепот. Это оказывает волнующее ощущение на меня. — Где ты сейчас находишься? — спрашивает он.

— В туалете.

— Кто-нибудь есть рядом с тобой?

Заданный им вопрос кажется совершенно разумным. Вопрос, который бы вы задали, если бы обсуждали главарей мафии, преследования и возможный вариант нападения на людей с ножом. Я опускаю голову, смотря под смежные кабинки. Нет никаких ног. Никто не стоит у раковин.

— Нет. Никого нет рядом, — подтверждаю я.

Но с его следующими словами становится абсолютно очевидно, что он совершенно не волнуется о том, что люди подслушают информацию о его боссе или же о его убийцах.

— Отлично. Опусти свою руку к себе в штаны для меня, злая

девчонка.

— Что?

— Сделай это. Опусти свою правую руку в свои штаны для меня. Я хочу слышать, как ты кончаешь.

— Я не собираюсь мастурбировать в общественном туалете, приятель! И ты слетел с катушек, если думаешь, что я буду делать это.

— И вот я опять называю его приятелем. Так глупо. Зет издает приятный рык в трубку.

— Я не прошу тебя, Слоан. Я тебе, черт побери, приказываю. Потрогай. Себя. Сейчас. Же.

— Нет!

Зет, кажется, совершенно не готов к моему отказу.

— А сказала бы ты мне нет, если бы я стоял перед тобой?

Я задумываюсь об этом на мгновение, проигрывая в своей голове. Если бы он стоял передо мной в этой небольшой кабинке, я бы сделала все, что он бы велел мне. Я ненавижу признавать это. Я не произношу ни слова, что заставляет его рассмеяться.

— Давай заключим сделку, — говорит он, тяжело дыша в телефонную трубку. — Если ты скользнешь рукой в твои не соблазнительные медицинские штаны, и ты не окажешься влажной для меня, тогда ты можешь смело положить трубку.

Он просто любит делать это — настраивать мое тело против меня. Но не в этот раз. Я издаю раздраженный звук в телефонную трубку, самодовольно ухмыляясь, потому что собираюсь доказать ему, что он не прав. Я могла бы просто сказать ему, что с меня хватит и надменно рассмеяться, когда положу трубку, но я знаю, что в каком-то смысле это не сработает. Ему известно это. И мне тоже.

— Ладно! — Моя рука скользит под резинку штанов, но не проскальзывает в трусики — нет нужды заходить так далеко. Улыбка сходит с моего лица, когда я понимаю, что я не только влажная для него, как он и догадывался, а мое влажное желание насквозь пропитало хлопковый материал моего нижнего белья.

— Сначала средний палец, Слоан, — произносит Зет резким голосом в телефонную трубку. Он даже не спрашивает у меня, выиграл ли он сделку. Он просто знает это. Ублюдок. Я крепко зажмуриваюсь, мысленно отвешивая себе пинок.

— У меня нет на это времени. Мне нужно идти на обход к

пациентам.

— Ты прямо сейчас испытываешь мое терпение, — комментирует он мрачно. — Я хочу слышать наслаждение в твоем голосе. Желаю слышать каждое мучительное мгновение, когда ты будешь ласкать себя. Как же я хочу, чтобы твои пальцы касались моего члена.

— Ты такой чертовски самоуверенный гавнюк, тебе известно это? — говорю я. Мое напряженное дыхание не позволяет мне звучать уверенно. И он просто цокает языком в ответ на мои слова.

— Используй свой средний палец, Слоан. Скользни им внутрь своей киски и только попробуй сказать, что не думаешь об этом. Не желаешь этого. Не жаждешь моего члена. Чтобы он жестко вошел в твою киску, проникая дюйм за дюймом. Сделай это прямо сейчас.

Я хочу рассмеяться. Я отчаянно хочу положить трубку и убрать телефон в карман, затем вернуться к обходу и позабыть о его глупых требованиях. Но в то же самое время я хочу сделать это. Зет больше не произносит ни слова, но я могу слышать его прерывистое, тяжелое дыхание, которое все еще раздается в телефоне. Он хочет, чтобы я сделала то же самое, что и в его шикарно обставленной квартире, он пытается заставить меня прийти к этому решению самостоятельно. Пытается продемонстрировать мне, чего я на самом деле желаю. Но мне уже известно, что я отчаянно хочу именно этого, так почему, ради всего святого, я борюсь с этим?

Но в моем разуме вновь раздается голос, который так подозрительно похож на голос Пиппы. «Потому что ты совершенно не знаешь его. А неизвестное пугает». Но пугающими были последние два года моей жизни. По крайней мере, теперь я точно знаю... кто он такой. Я принимаю решение. Я сдвигаю в сторону хлопковый материал трусиков и прижимаю средний палец к моему лону, тихо задыхаясь от сумасшедшего ощущения. Я такая влажная, настолько возбужденная. Я даже не могу вспомнить, что бы я себя чувствовала, таким образом, когда делала это в прошлом. Но технически, я сейчас не одна — Зет образно направляет мою руку своей.

— Хорошая девочка, — говорит он мне. Он, скорее всего, слышал, как у меня перехватило дыхание, или же обладает чем-то вроде телепатических способностей, которые просто скрывал до этого момента. — Твой клитор набухший?

Я крепко зажмуриваюсь, стараясь из-за вех сил полностью не

растеряться и не смутиться.

— Потри его подушечками пальцев для меня. — Я делаю так, как он говорит. Провожу пальцами вверх и вниз по влажной, скользкой плоти между моими ногами, скользя между складочками киски, делая все возможное, чтобы держать под контролем дыхание. — Тебе приятно?

— Д-да. — Я захватываю ртом воздух, когда жар от дрожи устремляется вверх по моему позвоночнику, охватывая уши и распространяясь на мое лицо. Мои губы отчаянно покалывает. Я прикусываю нижнюю губу и стараюсь совладать с нахлынувшими ощущениями, но это только еще сильнее распалаляет меня. Я не могу сдержаться и глубоко вздыхаю.

— Вот так. Не сдерживай свои стоны, злая девочка. — Хриплый голос Зета сейчас звучит полностью гипнотически, воздействуя на мое подсознание. Это ощущается так, словно он физически находится рядом со мной, заставляя распространяться импульсы удовольствия по всему моему телу. — Сними свою рубашку.

Я смаргиваю от его требования и прекращаю делать то, что делала, чтобы выполнить его приказ, выбрасывая все мысли о неповиновении из своей головы. Теперь это уже не вариант. Я быстро стягиваю верхнюю часть медицинской формы и футболку, которая одета под ней, позволяя одежде упасть на пол между моими ногами. В кабинке не холодно, но я чувству дрожь, когда стягиваю лямки бюстгальтера. Мои соски к этому времени уже ощущаются жесткими камушками, такие чувствительные, что даже воздух, который ласкает их, причиняет практически боль.

— Сожми в ладонях свою грудь. Представь, что это мои руки сжимают ее, — приказывает мне Зет. — Представь, что мой рот накрывает твои соски.

Я не делаю этого часто, когда я нахожусь наедине с собой. На самом деле, я никогда не делала такого. Я всегда считала, что это не будет ощущаться так, как когда парень делает это, но сейчас, когда я легко скользжу подушечками пальцев по коже груди, которая покрыта мурашками, я представляю, что это делает он. Я даже могу практически ощущать жар его дыхания, когда он вбирает один из сосков, а затем другой в свой рот. У меня вновь перехватывает дыхание.

— Хорошо. Вот так, — подбадривает он меня. — Включи громкую

связь. Для этого тебе понадобятся две руки.

Я вожусь с телефоном, нажимая кнопку динамика, и укладываю его сверху на груду одежды у моих ног. Я слишком растворилась в происходящем, чтобы задумываться над тем, что делаю. Теперь я решаю сама, прикасаясь и поглаживая себя там, где считаю нужным. Я тяжело дышу. Но я бы не смогла остановить себя, если бы даже попыталась.

— Сейчас. Проскользни своими пальцами в свою киску, — голос Зета звучит так же протяжно, как и мой. Боле хриплый, чем обычно, и это уже говорит о чем-то. Мой палец дотрагивается до клитора раз другой, и мое лоно сжимается. Я немедленно подчиняюсь ему, проскальзывая в свою киску сначала средним пальцем, и затем добавляю к нему указательный. Я делаю резкий вдох, давление от проникновения ощущается теплым и необыкновенно приятным. Грязный выбор его слов оказывает на меня волшебное влияние, когда он произносит следующий свой приказ: — А теперь оттрахай себя своими пальцами для меня, Слоан. Сделай это. Трахни себя жестко.

Я подчиняюсь его приказу, наконец, не в силах больше сдерживать стоны, тихие вздохи, которые срываются с моих губ, когда я проскальзываю внутрь и наружу своими пальцами. Представляя вес его тела на моем, его твердый пульсирующий член, что проникает в мое тело раз за разом, приятное жжение от его жесткой щетины на моей чувствительной коже. Он выдыхает слова в трубку, издавая рык и шипя в знак одобрения, когда я становлюсь все громче и громче. Я могу едва разбирать слова, что он говорит, и вскоре меня охватывает напряженное, обжигающее ощущение. Это происходит внезапно. И скоро мощная стена жара накрывает с головой.

— Черт... Побери! — Слова вырываются из меня, словно мольба о помощи. Моя грудь приподнимается, когда я пытаюсь восстановить дыхание, вздыхаясь вверх и опадая, вздыхаясь и опадая.

Ленивый, довольный смех Зета раздается в узкой небольшой кабинке.

— Все говорит о том, что ты наслаждаешься тем, что делаешь, злая девчонка.

— Пошел к черту, — говорю я ему, только наполовину имея это в виду.

И затем, я слышу что-то, что заставляет меня замереть на месте:

звук слива туалетного бачка. Зет сохраняет молчание и затем произносит:

— Позволь догадаться. Это была не ты.

Я присаживаюсь, наклоняясь вперед, прикрывая ладонями рот. Зет начинает хохотать. Я хватаю телефон и нажимаю большую кнопку окончания вызова, чувствуя, как вся моя кровь приливает к щекам.

Святое. Дерьмо.

Дверь кабинки открывается, не та, что находится рядом с моей, а та, что находится в самом конце, и звук включенного крана заполняет уборную. Кто бы это ни был, он торопливо сполоскивает руки и спешно покидает уборную. Я хватаю свою одежду и быстро натягиваю ее на себя. Мне нужно срочно узнать, кто это был. Нет, нет, нет, нет, НЕТ! Бл*дь. Бл*дь!

Я спешно мою руки и выбегаю из уборной с вздывающейся грудью, в большинстве своем от ужаса и шока, чем от полученного оргазма, который можно оценить, как девять целых и две десятых по шкале Рихтера. Больничный коридор заполнен медсестрами, докторами и простыми посетителями. Гребаными посетителями. Я даже и не знаю, что хуже, мысль о том, что меня могли услышать коллеги или же простые, ничего не подозревающие, посетители и родственники, тех, кто находится у нас на лечении. Но мой ужас становится всепоглощающим, когда Оливер Мэйси направляется навстречу ко мне по коридору, ухмыляясь. Он поднимает вверх свою ладонь, улыбаясь мне. Я, не задумываясь, делаю то же самое, поднимая ладонь в качестве приветствия, когда он проходит мимо. Он приподнимает бровь, когда идет дальше.

— Брюки надеты на изнанку, Ромера, — он указывает мне на них, подмигивая. — Чем ты занималась все это время?

12 глава

Слоан

Это просто не мог быть Оливер. Нет никакого гребаного шанса, что это был он. Это была женская уборная, ради всего святого. Остаток дня проходит с чувством стыда и явственным ощущением, будто меня поймали со спущенными штанами. И без футболки. В то время как мне

отдавали приказы, как мне совершать с собой довольно-таки извращенные вещи.

Я так отчаянно хочу ударить Зета, что мои ладони буквально зудят от этого ощущения всю оставшуюся смену. Когда наступает момент, я заканчиваю смену, находя Лейси спящей в ординаторской, где я и оставила ее, укутанный в одеяла. Она выглядит так, словно совершенно не двигалась с самого утра. Она сонно моргает, смотря на меня, когда я бужу ее, и мы покидаем больницу Святого Петра через задний выход. Во-первых, для того чтобы избежать любопытных взглядов медсестер, во-вторых, я просто не желаю больше сталкиваться с Оливером, ну и в-третьих, для того, чтобы я могла попытаться и выскоцить со стоянки на своем «Вольво» незамеченной разными подозрительными типами, сидящими в машине с тонированными стеклами.

Все проходит успешно. Никакого медсестринского персонала, Оливера, а также никаких подозрительных черных автомобилей. Он больше даже не припаркован снаружи кафе, что заставляет меня чувствовать себя немного по-идиотски. Возможно, кто-то просто ехал одной дорогой с нами этим утром, когда почувствовал, что должен быстро остановиться перед кафе по дороге на работу. И я и Лейси пристально наблюдаем за дорогой, когда держим путь домой, мы делаем это, чтобы просто убедиться, что за нами нет хвоста.

Я паркую машину, и мы направляемся вовнутрь. Я убеждаюсь, чтобы двери и окна были закрыты наглухо в мерах предосторожности. Это действие оживляет в памяти образ Зета, который ходит по дому, проверяя каждый уголок, чтобы удостовериться в его безопасности. Он, вероятно, уже в тот момент знал, что приведет Лейси и оставит ее на моем пороге, и поэтому желал убедиться, что она будет в безопасности. Эта мысль резко погружает меня в отвратительное настроение.

— Я слишком устала, чтобы готовить. Я собираюсь заказать еду, — произношу резко слова, бросая их через плечо девушке, которая послушно следует за мной, но в то же мгновение, я жалею о них. Вспышка отстраненности мелькает на ее взволнованном лице.

— Все в порядке, — произносит она машинально. — Я могу приготовить.

— Нет. Черт, нет, я не... Прости меня, Лейси. У меня и, правда, был длинный день. — Я издаю протяжный вдох, потирая лоб. У меня не было соседа по комнате со времен колледжа, и даже в то время я не

могла ужиться с остальными людьми. Но эта ситуации особенно полна неловкости из-за неустойчивого состояния Лейси в психологическом плане. Я чувствую себя ужасно, потому что груба с ней из-за него. Потому как, если говорить начистоту, я ужасно ревную к их странным отношениям.

— Я не хочу, чтобы ты готовила. На самом деле я хочу заказать еду. Ты не против?

Она кивает, понурив голову и направляясь к барной стойке, где она, кажется, нашла место для себя, в котором могла ощущать себя полностью незаметной. Я достаю огромную стопку меню еды доставки на дом — я ем подобное дермо большинство вечеров — и позволяю ей выбрать. Она останавливает выбор на китайской кухне, выбирая из списка блюда, которые она будет, и к моему удивлению заказывает еду для нас обеих, диктуя мой адрес, даже не спрашивая его у меня. Я открываю бутылку вина, в котором отчаянно нуждаюсь, и предлагаю ей бокал. Она пожимает плечами, с «черт побери, почему бы и нет» видом, и мы усаживаемся на диван, телевизор тихо работает на заднем фоне, пока мы ожидаем доставку еды.

Я все еще сражаюсь с неприятным привкусом разочарования во рту, несмотря на то, каким бы ни было вкусным вино. Я решаю, что, черт побери, пора разобраться раз и навсегда, какого хрена между ними происходит.

— Так... — начинаю я. Это самое лучшее начало разговора, чтобы плавно перейти к важной теме. — Я знаю, что ты сказала Пиппе, что не имеешь понятия, почему тебе нравится быть вместе с Зетом, но я подумала...

Лейси спешно поднимает бокал таким образом, чтобы скрыть большую часть лица, держа его в своих руках. Она торопливо выпивает вино. Ее глаза очень сильно увлажняются, когда она опускает бокал. С опаской во взгляде, она искоса поглядывает на меня. Судя по ее реакции, я решаю опустить этот вопрос, но она принимает решение говорить:

— Я нашла его, — просто произносит она. — Я искала его на протяжении долгого времени, и наконец, нашла.

Это самое противоречивое заявление, которое я когда-либо слышала.

— «Нашла его», в смысле «того самого, единственного?» —

произношу я неловко, практически закатывая глаза на свои слова. У меня такое ощущение, что я говорю, как одна из тех дамочек, что «сидят» на сайтах знакомств. Черт. Может, они и правда познакомились на сайте знакомств.

Выражение лица Лейси отражает замешательство.

— Что? Нет. Господи нет. — Она яростно качает головой. — Мне рассказали о нем в моей первой приемной семье. Говорили, что он живет на севере ЛА со своим дядей. Они сказали мне, что когда я повзрослею, я могу пойти и жить с ним.

— Почему, черт побери, они это сказали тебе?

Лейси кривит губы, определенно точно размышляя, что именно говорить мне. Насколько ей следует открыться мне. Ее бледные глаза сощуриваются, скользя взглядом к моему рту, затем носу и затем вновь впериваясь в мои глаза. Она крепко обнимает руками свое тело, вероятно, наконец, принимая решение.

— Он старше меня. Мой старший брат. Я искалечила весь Лос-Анджелес в попытке отыскать его, и нашла... когда я окончательно ушла от Грегори... — Она растерянно грызет свой ноготь на большом пальце, смотря в никуда. В то время как я сижу, ошарашено прикрывая ладонью рот, стараясь сделать все возможное, чтобы информация уложилась в моей голове. Сестра. Она его сестра? — Я нашла его дядю, — продолжает говорить она, совершенно не обращая внимания на изумленный взгляд в моих глазах. — Который соответственно является и моим дядей, как я полагаю. Он сказал мне, что Зет переехал в Нью-Йорк, поэтому я отправилась туда. В итоге выяснилось, что Зет не совсем перебрался в Нью-Йорк, он просто был арестован и отбывал там наказание. Я не представляла, что мне делать, поэтому покинула Нью-Йорк и возвратилась сюда. Я выяснила, что босс Зета живет в Сиэтле, и Зет так или иначе вернется сюда, поэтому я приняла единственное верное решение — ждать. И затем в один из дней он возвратился.

Я не могу поверить в это все. Они как день и ночь, он такой мрачный и высокий, она же такая крошечная и бледная, словно легкое дуновение ветерка. Лейси пьет больше вина, в то время как я прослеживаю подушечкой большого пальца по ободку бокала, стараясь сложить все кусочки информации воедино.

— И ты пришла к нему и рассказала, что ты его сестра? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня с нескрываемым удивлением.

— Нет.

— Ему известно?

Она вновь качает головой.

— Ему не известно. Ему не известно, что мы связаны родственными узами.

— Как тогда ты стала жить с ним? — Это становится все более и более сбивающим с толку с каждой следующей секундой. Девушка одаривает меня настороженной улыбкой.

— В тот день было дождливо. Я пыталась придумать, как именно представить себя на протяжении многих часов, сидя снаружи его дома. Лил дождь, и я промокла насеквоздь. Я думала, что он, вероятно, впустит меня к себе, где я смогу обсохнуть, по крайней мере до того момента, пока он не узнает, что мы брат и сестра, но я просто не могла подобрать нужных слов. И я отключилась от холода снаружи его дома. Он нашел меня на своем пороге, практически чуть ли не споткнувшись о мое тело, когда о выходил, намереваясь направиться куда-то. Он был одет в стильный смокинг. Но, не смотря на это, все равно поднял меня на руки и занес меня в дом, полностью промокнув в процессе этого. Он спросил у меня, какого хрена я делаю снаружи его дома. Знаю ли я его? Я сказала «да». Конечно, я его знаю. Но затем я замялась вновь. Я до сих пор не знаю, как это сказать. Он спросил меня трахалась ли я с ним, я ответила «нет». Тогда он спросил, отвечу ли я ему, откуда, мать вашу, я знаю его, и вновь я ответила «да». В каком-то смысле. Когда я пойму, как лучше это все преподать. И затем, вот чем это все закончилось

— И чем это закончилось? — Я удивленно, передвигаюсь к ней поближе. — Ты просто сказала ему, что будешь жить с ним, пока не разберешься, как рассказать все?

Она кивает, словно это нормально, словно в этом нет ничего такого.

— И как давно это произошло?

— Шесть месяцев назад.

Я не имею понятия, как устроен разум этого парня, или же его сестры, потому как я сейчас знаю, кто она. Но они оба невероятно странные.

— Так, он получается, даже не подозревает ничего? Даже после того, как ты с ним прожила полгода?

— Вероятно, нет.

Ничего себе.

В этот момент раздается глухой стук дверь, который не дает мне задать остальные вопросы. Я открываю — наконец доставили нашу заказанную еду — и решаю опустить этот разговор. Мы едим в полной тишине, Лейси тихо посмеивается над романтической комедией, которая идет по телевизору, в то время как я сижу и перевариваю новости о том, что не только моя сестра находится в беде. И в то же время обдумываю ironию того, что я забочусь о сестре Зета, в то время как он пытается позаботиться о моей.

***

Зет

Я, черт возьми, не могу выкинуть из головы эту долбаную девчонку. Звуки, что она издавала по телефону, ласки, что я приказывал ей делать с собой, и то, как она кончила, словно сошедшая с гор лавина, когда достигла своего пика удовольствия. Не говоря об ужасающей тишине, которая воцарилась, когда раздался звук слива. Я до сих пор ощущаю злость от этого разговора. Каким-то образом произошедшее только сделало все более извращенным. То, что мы были пойманы во время секса по телефону, сделало меня тверже стали. Я провел огромное количество времени, поглаживая свой член, стараясь изо всех сил уничтожить чертовски сексуальный образ в моей голове.

После этого я провел остаток вчерашнего дня, разрабатывая планы с Майклом. У парня имелось больше фотографий, подтверждающих, что Алексис точно была где-то в этом месте. Девушка обладала более пышными формами, чем ее сестра, и была хорошо одета на большинстве фотографий, но под ее глазами виднелись тени, а также в них стоял загнанный взгляд, когда камере удавалось запечатлеть ее лицо. Она определенно точно находилась там, но я не мог сегодня просто так начать рыскать в ее поисках. Расспросы о конкретной девушке могли показаться подозрительным, в то время как я отшил Аляску, самую лучшую девушку Хулио, которая с того момента, как я отказал ей, вела себя обозлено, проносясь по комнате, как долбаный торнадо. Нет, сегодня я направлюсь в Анахайм, чтобы встретиться с Риком. Я возьму с собой досье на детектива из УБН, Лоуэлл, которое Майкл

достал для меня, чтобы я смог задать Рику парочку вопросов. Но больше всего я хочу узнать, что слышно на севере. (прим. пер. герой говорит о Сиэтле.) Разбить мой телефон было умным ходом — Чарли обязательно бы нашел способ связаться со мной через кого-либо, если я бы сохранил его, — но в то же время это обозначает, что, черт побери, я не имею ни малейшего понятия, что за чертовщина происходит в Сиэтле после того, как я уехал.

Рик ждет меня в закусочной, перед ним стоит нетронутая коробка холодной, жирной картошки фри. Я выбрал это место специально, чтобы позлить придура. Рик большой парень, но его физическое состояние никак не относится к генетике — это все стероиды. Он питается здоровой пищей. Как гребаные девчонки. Поэтому, вероятнее всего, даже сиденья в этих четырех стенах заставляют его покрыться холодным потом.

— Конечно, нахрен спешить, не стоит, — жалуется он, когда я присаживаюсь напротив него, опуская папку с досье на стол. Он открывает ее одним пальцем, кривя лицо от того, что он видит внутри, затем обратно прикрывает ее. — Объясни мне, какого хрена я нахожусь в гребаном Анахайме и сижу в чертовой закусочной?

— Потому что я тебе так сказал.

Он неспешно кивает, принимая мой ответ.

— Чарли слетел с катушек, — информирует он меня, смотря из-под бровей. — Поднял всех на твои поиски.

— Парни знают, что ты жив? — спрашиваю я.

— Нет. Слышал это от сучки из УБН. Она дала мне номер, по которому я могу связываться с ней. Она. Рвет. И. Мечет. — Он делает упор на каждое слово, специально, чтобы я понял насколько она зла. — Кричит, что отменит нашу договоренность о том, чтобы не арестовывать меня. Я пытался объяснить ей, что слинял из города, прежде чем меня бы убили. А мертвым от меня не будет никакой пользы.

— Точно подмечено

— Стерва хочет знать, где я нахожусь. Хочет, чтобы я работал с бандой байкеров.

— Ни хрена подобного. — Я качаю головой. — Байкерские банды, которые работают с Чарли, засекут тебя, они будут трепаться о твоем внезапном воскрешении. И Чарли сразу же станет известно, что я не

сделал того, что он мне приказал.

— Ты сбежал. — Рик потирает ладонью свой большой, дважды сломанный нос. — Полагаю, что Чарли, вероятно, уже подозревает о чем-то. Лоуэлл сказала, что ей донес другой парень о том, что старик находится в ярости, ища девушку, которая жила с тобой. Хочет задать ей парочку вопросов о твоем местонахождении. Стерва тоже хочет выщепить эту девку. Кажется, им на пару интересно, что за херня происходит с тобой.

Я ожидал, что УБН будут совать свои носы в мои дела, но я не ожидал того, что они начнут охоту за Лейси. Чарли знает все про Лейси. Он притворяется, что ему наплевать на мои личные дела, но он суёт свой кокаиновый нос во все. Скорее всего, он прослушивал тысячи разговоров, где Лейси спрашивала, где я, волновалась, боялась и умоляла меня вернуться домой. Только от одной мысли меня уже колотит от злости.

Но затем гораздо более ужасное осознание накрывает меня. Если Чарли говорит серьезно о том, чтобы найти Лейси, это значит... это значит, что в то же время он схватит и Слоан.

Нет ни единого шанса, что я позволю этому произойти. Мои мышцы сжимаются, пребывая в ожидании немедленного желания действия, кулаки пульсируют от отчаянного желания что-то ударить, разбить и уничтожить, сделать кому-то больно. Все остальное тело дергается от нерастраченного адреналина, разжигая дикий пожар в моих суставах, которые готовы к борьбе. Мне еще никогда не было так хреново только от одной мысли. НИКОГДА. Естественно, я переживаю за Лейси, но, когда я думаю, что Чарли посмеет прикоснуться своими руками к Слоан...

— Ты в порядке, мужик? — Рик смотрит на сжатую салфетку в моем кулаке. Я с такой силой сжимаю ее, что мои костяшки белеют. Эта женщина оказывает на меня чертовски ненормальное влияние. Я не могу позволить, чтобы она меня отвлекала таким образом. Она буквально поглощает каждую часть моего дня, именно тогда, когда мне нужно оставаться сконцентрированным на срочных вопросах. Поэтому мне кажется, нет причины париться из-за того, что вообще не случится. Я собрал всех моих парней по одной причине — чтобы они следили за Лейси и Слоан, чтобы они оберегали их.

— Я хочу, чтобы ты связался с этой сукой из УБН, — говорю я ему.

Спешно стряхивая с себя момент полного ужаса. — Я хочу, чтобы ты спросил у нее, в каких именно байкерах она заинтересована. А также я хочу знать, что у нее есть за компромат на меня, и еще, где она планирует схватить Лейси. — Я быстро пишу свой номер телефона на менее смятой, но все еще такой же пропитанной жиром салфетке, и грубо запихиваю ее в верхний карман футболки, в которую одет Рик.

Парень издает согласный стон, хотя видно, что он совершенно не доволен происходящим. Его песочного цвета брови сходятся вместе на переносице, когда он решает говорить. После непродолжительного количества времени, он подается вперед, говоря:

— Какого хрена тебя волнует эта *шлюха*? Она трахалась на протяжении многих месяцев с Джорджо Рамэрэзом. А тебе прекрасно известно, что он не отличается особой осторожностью в обращении со своими «вещами». Кстати, Франко Морелло тоже побывал у нее между ног. Ты никогда не казался парнем, который подбирает обедки, оставшиеся после других, Зи.

В сознание я проворачиваю ту херню, которую мне предлагали делать в Чино доктор Уолкотт — механизм психологической адаптации, которым я обыкновенно не пользуюсь. Я представляю, как тянусь через стол, прижимаясь своей грудью к липкому столу, впиваясь пальцами в затылок Рика, напрягая мышцы моей руки и с силой ударяя его лицо об стол. Его нос издает отвратительный хруст и в следующую секунду из него хлещет кровь. По непонятой причине это наполняет мое тело удовлетворением. Как я уже говорил, я не делаю этого часто, так как воображать определённое действие без воплощения этого в жизнь совершенно не продуктивно. Обычно передо мной стоит цель полностью избавить мое тело от злости. Но прямо сейчас я не могу привлекать к себе или к куску дермы, который сидит передо мной, внимание. Нет, сейчас настало время немного остыть. Рик прекрасно понимает, что его вопрос был гребаной ошибкой. Я просто впиваюсь в него своим взглядом, и он ерзает на месте.

— Просто поинтересовался, мужик, — добавляет он.

— Сыпал, что любопытство может негативно сказываться на здоровье.

— Ага, ну... — Рик осматривается вокруг, так, словно пытается найти предлог, чтобы поскорее свалить от меня. Но ему не нужно никакого оправдания. — Наша встреча уже окончена.

— Позвони по этому номеру завтра. Желательно с информацией. — Я поднимаюсь на ноги и опускаю на нос авиаторы, покидая закусочную, как можно более незаметно. Что в свою очередь приводит к совершенно противоположному результату, когда ты ростом шесть футов и три дюйма и сложен, как, мать его, танк.

13 глава

Слоан

Не могу сказать, что громкий звук стал причиной моего пробуждения. Это больше походит на чувство, от которого невозможно избавиться, то самое странное чувство страха, которое накрывает меня, словно удушающее одеяло, в то время, пока я лежу, не двигаясь в своей кровати. Дом погружен в тишину, слегка поскрипывая и издавая шум, ветер любопытствующе заглядывает в окна моей комнаты, пока я стараюсь восстановить дыхание, а мое сердце отчаянно захочется в грудной клетке. Лунный свет льется через огромные окна во всю стену, заливая золотисто-серебряным светом, покачивающиеся верхушки деревьев. Он освещает комнату, делая ближайшую дверь, компактный деревянный сундук для постельного белья из дерева каштана и остальные небольшие предметы мебели отчетливо различимыми.

Ничего необычного. Все на своих местах. Возможно, виной этому странному чувству присутствие Лейси в доме, само ее нахождение здесь, и то, что она спит в гостиной. Вероятно, этого вполне достаточно, чтобы заставить меня чувствовать себя на взводе и нервной. Но сегодня все ощущается по-другому. Неловко. Напряженно. Не позволяя себе вернуться ко сну, я откидываю одеяло и на цыпочках выхожу из комнаты. Покачиваясь, я замираю на месте, ошеломленная. Двое мужчин в черных штанах и футболках, у которых на лице отражается такое же выражение удивления, как и у меня, держат между собой

выгибающуюся и сопротивляющуюся Лейси. Тот парень, который находится ближе всего к верхней ступени лестницы, крепко держит ее за ноги, которыми она неистово брыкается. Другой парень удерживает ее вокруг верхней части туловища, одновременно с тем одной рукой закрывая ей рот. Хотя совершенно не создается впечатление, что она пытается кричать, поэтому все его усилия напрасны. Во взгляде Лейси читается полнейший ужас, который буквально сдавливает мое горло и заставляет мгновенно действовать.

— Какого хрена вы делаете? — выпаливаю. Довольно-таки тупой вопрос. Все и так ясно, что именно они делают — они похищают Лейси. Девушку, которую Зет оставил на меня, чтобы я присматривала за ней. Девушку, о которой я пообещала заботиться.

Парень, который борется, чтобы удержать ноги Лейси, резко поворачивает свою голову в мою сторону.

— Иди в кровать, малышка. Или же мы позаботимся о том, что вернемся сюда за тобой.

— Отпустите ее и проваливайте из моего дома! — Мой голос дрожит от гнева, что даже меня повергает в состояние удивления. Двое мужчин одновременно разочарованно выдыхают; они определенно не намерены разбираться со мной прямо сейчас.

— Тебе, мразь, жить надоело? — спрашивает другой. — Поверь мне на слово, тебе не стоит совать свой нос в то, что происходит здесь прямо сейчас. Поверь мне.

— К черту. Она и так нас уже видела. Нам все равно придется разобраться с ней прямо сейчас, — проговорил один из парней, со злым огоньком в глазах.

Лейси неожиданно наносит удар одной ногой, в попытке высвободить ее, и на мгновение двое мужчин становятся совершенно отвлечеными, пока борются с отчаянно молотящей ногами Лейси. И я делаю первое, что приходит мне в голову — бросаюсь обратно в комнату и захлопываю деверь, закрывая ее на замок. Глаза Лейси смотрят на меня с умоляющим взглядом, когда между нами закрывается барьер в виде захлопывающейся двери, а я в ответ молю ее своим взглядом не думать, что бросаю ее. На самом деле, я не бросаю ее. Просто мне никак не добраться до единственного оружия, которое можно использовать в целях самозащиты — бейсбольная бита, которую я держу у входной двери — без того, чтобы не проскользнуть мимо них,

поэтому я стараюсь добраться до еще одной вещи, которая годится для самозащиты. В моей медицинской сумке. Я нахожу ее там, где обычно и держу, в ванной, которая совмещена с комнатой, а именно на бачке унитаза.

— Открой гребаную дверь, сучка! — Громкие удары раздаются в дверь спальни. Мои руки отчаянно дрожат.

— Давай же, давай же, давай же! Быстрее! — бормочу себе под нос, пока мои руки стараются двигаться быстрее, возясь с застежкой замка, а затем стараются быстро перевернуть сумку вверх тормашками, вытряхивая все на пол ванной. Блистерные упаковки с наркотическим препаратом, маленькие стеклянные ампулы, бинты, шпатель — множество всего высывается на плиточный пол. Я хватаю первую попавшуюся ампулу и шприц и затем бегу по направлению к двери. Но не к двери в моей комнате, а к смежной двери, которая ведет к третьей спальне. Я задерживаю дыхание на мгновение, прислушиваясь.

—... вернемся за ней. А пока нам нужно запихнуть эту в машину первой.

— Да ни хрена подобного. Тогда эта мразь сбежит.

— Нет. — Парень с более хриплым голосом, тот который старался удержать ноги Лейси, звучит так, словно он очень зол. — Как она отсюда собирается выбраться? Она даже не может вызвать копов. Телефонная линия перерезана. Давай же. Давай позволим ей сходить с ума от ужаса.

Сходить с ума от ужаса? Едва ли возможно. Однажды кто-то давным-давно задал мне вопрос, как бы я вела себя в военное время. Была бы я готова бороться или же сдалась под гнетом всего происходящего. Ну что ж, кажется, сейчас был отличный повод показать того, как бы я вела себя. Я бы не сломалась. Я бы боролась.

Я выжидаю целую минуту, когда прислушиваюсь к стонам от борьбы, которые раздаются по дому. И затем начинаю действовать.

Боже благослови травматологию.

Вот что проносится у меня в голове, когда иду на ощупь по пустому коридору и затем спускаюсь вниз по лестнице. Если бы не травматология, то я бы не наловчилась быстро доставать шприц из стерильной паковки, вставлять иглу в ампулу и набирать правильное количество лекарства, чтобы вводить его моим пациентам, и все это в то время, пока вы двигаетесь с наибольшей возможной скоростью для

человека. Мужчины выходят с пинающейся Лейси на улицу, которая, наконец, издает отчаянные крики через руку, которая плотно зарывает ей рот. Я бросаю взгляд на ампулу, которую сжимаю в ладони, когда начинаю наполнять шприц прозрачным наркотиком, что находится внутри — Диклофенаком. Отлично. Двадцать пять миллилитров будет достаточно для снятия жутких болей, которые вас беспокоят в критические дни. А двести будет вполне достаточно для того, чтобы, нахрен, вырубить похитителя. Я опускаю ампулу, отмечая, что на улице идет дождь, пока мои босые ступни ступают по гравию. Парень, который удерживает ноги Лейси, замечает, что я приближаюсь к ним, когда я глубоко всаживаю шприц в основание шеи другого парня.

Он падает, как мешок, словно я ему выстрелила в голову, а не вколола полный шприц болеутоляющего, увлекая Лейси за собой. Ее спина тяжело ударяется о его грудь.

— Долбаная сука! Какого хрена ты сделала? — ревет другой парень, который пребывает в сознании. — Ты, мать вашу, убила его! — Я сомневаюсь в этом. Хотя сейчас нет времени, чтобы проверять его хренов пульс. Парень кидается на меня с внезапно возникшим пистолетом в его руке. — Забирайся в долбаную машину, мразь. — Он резким движением головы указывает на машину. Черный седан, который преследовал нас ранее, припаркован справа от него, задняя дверь уже подготовлена и открыта, по-видимому, в ожидании непокорного тела Лейси. Дождевая вода скапливается на коже сидений, полностью промочив их. Резкий укол паники пронзает меня, и на меня обрушивается безжалостное напоминание, что у меня был лишь один шприц, и теперь его больше нет, потому как он лежит под телом мужчины, безжизненно растянувшегося у моих ног. Не такая уж и умная. Если бы была хоть чуточку умнее, то, вероятно, позаботилась бы о том, чтобы схватить бейсбольную биту с ее постоянного места, когда у меня была возможность. Не то чтобы бейсбольная бита хорошо бы противостояла оружию, но все же. Я бы ощущала себя намного увереннее, если бы у меня было хоть какое-то средство самозащиты в руках.

— Ты что, мать его, глухая или чертовски тупая? — вооруженный бандит выплевывает слова. — Села. В. Долбаную. Машину. Сука!

Я всегда полагала, что жить вдали от всех было самым лучшим решением. Никто не докучает тебе; никаких машин, которые проезжают

мимо, создавая шум; никаких тебе громких соседей, которые наблюдают за тобой украдкой через шторы. Теперь все видится в другом свете. Никто не придет к тебе на помощь; никаких машин, которым бы ты могла сигнализировать о помощи; никаких надоедливых соседей, которые бы заметили огромного убийцу и вызвали бы полицию. Черт.

Я не такая уж и тупая, парень мог бы застрелить меня прямо сейчас и прямо здесь, и на протяжении, по крайней мере, двадцати четырех часов никто бы не заявил сюда, чтобы узнать, что со мной случилось. Несмотря на это, я прекрасно понимаю, что если заберусь в машину, то подпишу себе смертный приговор. Нет времени, чтобы жалеть себя, убиваться от страха или молить о пощаде. Никаких взаимовыгодных сделок или же попыток на таковые, чтобы выбраться отсюда. Я просто-напросто отказываюсь мириться с этим.

— Нет. Я не собираюсь садиться в машину.

— Нет? — Лицо убийцы искажается маской неверия. — Ты видишь пушку в моей руке, ведь так? — Он приподнимает ее, чтобы я могла получше разглядеть, его указательный палец все еще лежит на спусковом крючке. Он начинает двигаться вперед, его напряженное выражение лица может обозначать лишь одно: он намерен заставить меня забраться в машину любым способом, в сознании или без, мертвую или живую.

Я рассматриваю имеющиеся варианты, быстро приходя к выводу, что у меня нет таковых. Моя показная храбрость — это, конечно, хорошо, но когда он вытягивает руку и хватает меня, то она превращается в парализующую волну страха. И первая вещь, которую я хочу непроизвольно сделать — позвонить Зету, но он находится на расстоянии в тысячу миль от меня, когда я нуждаюсь в том, чтобы он находился передо мной, чтобы он вырубил этого парня ударом кулака в лицо.

С невероятной силой парень усиливает жесткую хватку на моем запястье. Он поднимает руку, в которой сжат пистолет, и уже готовится привести его в действие, как вдруг что-то странное заставляет его тело повалиться в мою сторону. Его глаза становятся стеклянными, когда он соскальзывает вниз по моему телу, все еще пытаясь удержаться своей рукой за меня, разве что в этот раз предпринимает попытки остаться в вертикальном положении, вместо того, чтобы с силой удержать меня.

Я издаю странный сдавленный звук удивления, когда он, наконец, отпускает меня и его тело начинает содрогаться в конвульсиях. Его ноги и руки отчаянно бьются в судорогах, голова откидывается назад. Когда я поднимаю взгляд, то Лейси стоит над его телом все еще бьющимся в конвульсиях, прижимая огромный камень к своей груди. Он такой огромный и тяжелый, что она держит его двумя руками, а его острый конец покрыт чем-то влажным и темным. Кровью.

— Ты что... — Я позволяю вопросу повиснуть в воздухе. Нет нужды переспрашивать, что она только что сделала.

Лейси бросает камень, словно на мгновение нападения на киллера Чарли она была одержима, и теперь вновь она стала сама собой, осознавая, что держит смертельное оружие.

— Я просто... он должен бы тебя отпустить. — стонет она. — Он... Он мертв?

Стоит ли мне вообще заморачиваться, чтобы проверять? У меня занимает пару секунд, чтобы дать ответ:

— Нет, с ним все будет в порядке, но нам нужно отсюда сваливать. Прямо сейчас. — Правда состоит в том, что на самом деле я не знаю, выживут ли парни после нашего покушения на их жизни, но прямо сейчас мне глубоко наплевать на это. Мы только что чуть не схлопотали пулю. Возможно, в буквальном смысле чуть не схлопотали пулю. Поэтому у нас прямо сейчас нет времени проверять их пульсы и интересоваться, будет ли все в порядке с нашими жертвами.

— Забирайся в машину, Лейси. — Я говорю про седан, указывая в какую именно машину нужно сесть.

Она быстро подчиняется, обнимая свое тело руками и забираясь на заднее сиденье черной машины. Я практически спрашиваю ее, какого хрена она творит, усаживаясь на заднее сидение, когда вспоминаю слова Зета: «Она не сможет сидеть на переднем сидении, и никогда там не сидит». Но эти рассуждения нужно оставить для следующего раза. Прямо сейчас, у меня тонна проблем, о которых мне стоит волноваться.

Я замираю на секунду, заставляя себя избавиться от состояния паники и трезво подумать. Думай, Слоан! Думай! Травма от удара тупым предметом по голове. Диклофенак. Сколько времени у меня есть в запасе? Может быть, пять минут. Но в то же время, возможно, и пять секунд. У меня нет времени, чтобы подняться наверх за одеждой, но у меня есть достаточно времени забежать домой и захватить мою

сумочку, которая лежит на столике перед входной дверью. Как только ее хватаю, я мчусь к припаркованной «Вольво» сбоку дома, достаю ключ из моей сумочки, открываю капот, и затем....

Затем замираю на месте.

Машина не работает без свечей зажигания, я это прекрасно знаю, но смотря на двигатель, я не имею ни малейшего понятия, где находятся эти свечи зажигания. Или как они выглядят. Задыхаясь от раздражения, я хватаю один из черных толстых шлангов, который питает блок цилиндров, и выдергиваю его. Болт крепления и прокладка легко отходят, падая на землю. Я поднимаю их и кидаю так далеко, как только возможно в темные, низкорослые заросли кустарника, молясь о том, чтобы машина не смогла работать без них.

Хватит медлить.

Я бегу обратно к седану, когда вижу, как все тело Лейси бьет неконтролируемой крупной дрожью. А также нахожу ключи, которые уже вставлены в замок зажигания, которые будто только и ожидают, когда заведут машину. Они определенно точно надеялись быстро сбежать отсюда. Мать вашу, спасибо тебе, Господи.

— Какого хрена мы берем их машину? — зубы Лейси громко стучат, когда она спрашивает. Я видела состояние шока и раньше, поэтому могу с легкостью узнать его на ранних стадиях. Мне нужно дать ей сладкого или же у нее вскоре случиться срыв. И сильный.

— Эти люди знают мою машину. Они, скорее всего, будут искать ее, когда эти двое не отчитаются о проделанной работе. Нам лучше взять их тачку и затем избавиться от нее, а затем взять другую на прокат.

Во взгляде Лейси виднеется отдаленное понимание. Она неспешно кивает, подтягивая свои колени к подбородку. Я растворяюсь в ночи, удаляясь от моего дома и от тел двух незнакомцев, которые вломились к нам, чтобы причинить вред.

14 глава

Слоан

Выяснилось, что прихватить с собой сумочку стало невероятно жизненно важным решением. Бак с горючим опустел к тому времени, как мы достигли автострады — кто мать вашу не заправляет полный бак, когда планирует похищение? Не теряя ни минуты, я покинула город и, в конце концов, оказалась на междуречном шоссе к югу, без единого разумного решения. Я могла бы направиться в больницу. А также могла бы поехать к Пиппе, но не могла вынести и мысли о том, что приведу к ее порогу грабаные проблемы. То же самое и с моим рабочим местом. Но все, что мне известно на данный момент, что единственный человек, который мог бы обеспечить нам безопасность, будет, вероятно, очень раздражен нашим приездом. И кроме всего прочего, у меня буквально не было ни одного предположения, где он мог находиться в ЛА

Лейси в конечном итоге отключается на заднем сиденье после того, как мы останавливаемся на заправке, где я ей приобретаю чрезмерно сладкую газировку и пару энергетических батончиков. Как только на горизонте начинает виднеться рассвет, слабый и неясный, бледно-розовый цвет окрашивает пасмурное небо, я натыкаюсь на «Уолмарт» на съезде с шоссе и терпеливо начинаю дожидаться, когда его, наконец, откроют. Лейси остается спать в машине, когда я направляюсь внутрь, чтобы приобрести там пару тройку вещей. Кассир бросает косой взгляд на мой свежий, фиолетовый кровоподтек на предплечье, где парень схватил меня немногим ранее, и сочувственно качает головой. То, в каком состоянии я нахожусь, и учитывая ранний час и кипу наспех схваченных джинсов, футболок и несколько пар обуви, говорит само за себя. Она определенно точно предполагает, что я сбежала от агрессивного парня или что-то вроде того.

Удивительно, насколько может обеспечить легкость вашего побега пары джинсов и балеток. Я чувствую себя более уверенно, чем в моих пижамных штанах. Лейси просыпается ровно восемь часов спустя, приходя в сознание достаточно продолжительное время, чтобы, наконец, суметь сказать мне, что она не умеет водить, прежде чем я

решаю, что мы проехали достаточно на нашей машине и что нам, наконец, необходимо от нее избавиться. Мы останавливаемся в округе Джексон, штата Орегон, и бросаем машину на стоянке винного магазина с ключами, которые все еще находятся в замке зажигания, чтобы кто-то наверняка угнал машину. Затем мы проходим пять кварталов до мотеля Rest Eazy, где я быстро регистрирую нас под вымышленными именами и затем отключаюсь.

***

Зет

— Что, твою мать, ты имеешь в виду, говоря, что ее дом оказался пустым?

Каллум один из моих парней, и в данный момент ему следует аккуратно подбирать слова, чтобы, сказать то, что необходимо, зная, в каком дерьме он находится прямо сейчас. Я велел ему следить за домом Слоан ночью, но долбаный придурок звонит мне только в одиннадцать часов утра, чтобы сказать, что дом был пустым, когда он приехал туда.

— Когда ты в последний раз проверял дом? — решительно требую я ответа.

Он молчит на протяжении некоторого времени, затем отвечает:

— В полночь, — я могу слышать ощутимую дрожь в его голосе.

Я надеюсь, что он может слышать мой убийственный тон.

— Прости что? Потому что мне кажется, что я только что услышал слово «полночь», когда я тебе сказал, чтобы ты проверял их каждые два часа.

— Я знаю, Зи. Но это место находится в тысячах миль от цивилизации, чувак! Мне потребовался час, чтобы только найти его. Я подумал, что никто не сунется туда по этой жуткой дороге посреди ночи. Это, черт побери, опасная затея!

— Ты знаешь, что на самом деле опасно? — рявкаю я. — Я. Я, мать твою, чертовски опасен. И прямо сейчас я чертовки близок к тому, чтобы вылететь обратно в Сиэтл и самолично прибить тебя. Ты понимаешь меня?

— Прости меня, Зи! Серьезно, я обязательно найду их, клянусь, чувак.

— Ни хрена подобного. А сейчас ты мне скажешь все, что обнаружил, когда вошел в дом. — Мой голос становится тише с каждым следующим словом, кто угодно, кто знает меня достаточно хорошо, может точно сказать, что это опасный знак.

— Там были глубокие отметины от шин. Могу точно сказать, что они не от машины докторши. Ее развалюха все еще припаркована возле дома. И там было огромное количество следов и глубоких отметин в грязи. Полагаю, что это все выглядело так, будто кого-то волокли по земле или тому подобное дермо

— Волокли или тому подобное дермо? Ты сейчас на самом деле заставляешь меня задумываться о таких «приятных» вещах, Каллум. Известно ли тебе, как чувствуется, когда твои пальцы ломают один за другим, гавнюк? Потому что перспектива продемонстрировать тебе это, становиться все более и более привлекательной с каждой проходящей минутой. Где. Они?

— Я не знаю, босс. Но собираюсь выяснить это прямо сейчас. Прямо сейчас!

Звонок прерывается. Я стискиваю зубы, крепко закрываю глаза и сжимаю свой кулак вокруг телефонной трубки, пока она не издает жалобный треск под натиском силы. Я пользуюсь моментом. Тяжело сглатываю. Глубоко вдыхаю.

Сегодняшний день начался не слишком хорошо.

Безрассудное, бешеное беспокойство скручивает мой желудок, отчего внутри него все практически закипает. Какого хрена со мной не так? Мои ладони становятся чертовски влажными от пота, и сердце барабанит так сильно, что складывается такое ощущение, будто оно вот-вот вырвется из груди. Я поднимаюсь на ноги, чувствую легкое головокружение.

Дыши, дыши, ради всего святого, говорю я. Черт побери, дыши. Но это, кажется, совершенно не помогает. В последний раз, когда я чувствовал себя подобным образом, это когда решетка моей камеры захлопнулась перед моим лицом в первую ночь в Чино, и я осознал насколько облажался. Чувствовал себя полностью беззащитным. Чувствовал себя в полной власти другого человека. Я не жил так со временем, когда был со своим дядей. И тогда я поклялся себе, что больше никогда не допущу этого. Я позволил себе погрузиться в состояние паники в ту первую ночь, и затем я подавил все это внутри себя.

Пришел к пониманию, что они могли засадить меня за решетку и указать мне время, когда я могу принимать пищу, когда могу принимать душ или тренироваться, но у них нет никакой гребаной власти над тем, как я чувствую себя по этому поводу. После этого я ходил повсюду с высоко поднятой головой, как бы говоря тем самым всем вокруг «Ну, рискните и испытайте меня. Попытайтесь и спровоцируйте меня». Не было никакого смысла в обязательной драке с другими заключенными, чтобы доказать насколько жестоким ублюдком я был, когда начал отматывать свой срок в Чино. Я был ходячим приглашением, отрытым предложением для любого идиота, который хотел бы испытать меня. Никто не решился. Ни разу. После этого у меня исчезло чувство беспомощности, и я осознал, что мог ощущать контроль несколькими пусты и небольшими способами, даже внутри тюрьмы.

Но не сейчас. Щемящее ощущение, которое выворачивает мои внутренности, стягивая все в моем желудке, органах, мышцах и даже заставляет сворачиваться кровь.

Совершенно, черт побери, недопустимо.

Я не знаю, где они.

Я не знаю, где она

Я не знаю, как их найти.

И я ничего не могу поделать с этим.

Но мне необходимо сделать что-то. Мне необходимо. Я хватаю свою кожаную куртку, стараясь ощутить ее вес, чтобы убедиться находятся ли в ней все еще ключи от «Камаро». Я буду ехать весь день и всю ночь, если это будет необходимо. Я найду девочек. Моих девочек. Мою девочку.

С другой стороны двери Хулио и один из охранников, который стоял на входе прошлой ночью, тот, что самый высокий, уже направляются по коридору с серьезными выражениями на их лицах. Серьезный взгляд на лице мексиканского босса мафии это плохой знак. ... Когда Хулио что-то подозревает или чувствует угрозу, он действует отлично от своих ощущений — улыбается. Когда он подозревает, что кто-то считает его за дурака, шпионит или же пытается кинуть его в делах бизнеса, в которых он не приемлет такого отношения, именно в этот момент улыбка с его лица исчезает.

— Куда-то направляешься, ese? — интересуется Хулио. Но сейчас здесь нет никаких братьев. Только легкое презрение, что

проглядывается в его словах, которое дает мне понять, что я чертовски, мать его, облажался. *Ese* — обращение, которое употребляется только к другому испанцу. Хулио же использует его намеренно иронично, чтобы подчеркнуть мою не принадлежность к этому месту и людям. Он прекрасно понимает, что происходит что-то, черт побери, серьезное. У охранника, который стоит рядом с ним, за пояс джинсов заправлена пушка, а большой палец его руки просунут за ремень, что располагается вблизи пушки.

Я пожимаю плечами.

— Да так, никуда. Собирался пройтись и забрать подругу. Ты же сам сказал, чтобы я привел кого-нибудь на «мероприятие». — Которое должно произойти только через пару дней, но я должен рискнуть. Эта первая отмазка, которая приходит мне на ум.

— Конечно, конечно. — Хулио кивает. Он потирает ладонью свой подбородок, осматривая меня сверху вниз. — Но прежде, чем ты уйдешь, пойдем немного поболтаем у бассейна. — Это не та просьба, на которую вы можете ответить отказом. Тот факт, что он вообще замаскировал это под просьбу, дает мне намек на то, что он знает не так много, как мне может казаться. По крайней мере, не сейчас. Я киваю, сужая глаза, смотря пристально на него. Хулио указывает перед собой, подразумевая тем самым, чтобы я шел первым. Спустя три дня беспрепятственного хождения по коридорам, надеясь случайно столкнуться с Алексис, я довольно неплохо стал разбираться в расположении территории на вилле. Я сразу же направляюсь к бассейну. Снаружи уже стоит блюдо с фруктами наряду со свежевыжатым соком и пивом. Хулио приседает на свой шезлонг, охранник занимает место позади него. Я издаю смешок из-за нелепого тушицы, который стреляет злым взглядом в мою сторону.

— Ты знаешь, что можешь отстрелить член этой штукой, — уточняю я для тупого мудака, приподнимая брови, тем самым указывая на его пушку. Я протягиваю руку, чтобы взять клубнику, которую медленно жую, мрачной улыбаясь.

Хулио издает гортанный звук, который полон неодобрения.

— Ладно тебе, Зет. Веди себя уважительно по отношению к моим друзьям. Я же всегда веду себя уважительно по отношению к твоим.

Я съедаю еще одну клубнику, качая головой из стороны в сторону — в уклончивом жесте, хотя отвечаю:

— Правда.

— Я просто хочу кое-что узнать у тебя мой друг. — Хулио делает жест рукой, который адресован его охраннику, который в свою очередь подает ему конверт из оберточной бумаги, доставая его из заднего кармана джинсов. Хулио берет его и вытаскивает из него лист бумаги, который размещает на стол лицевой стороной вниз между нами. — Я задавался вопросом, можешь ли ты рассказать немного больше о своих делах, здесь в ЛА? Ты сказал, что хочешь пересечься здесь с какими-то друзьями, пока держишь путь к себе, чтобы навестить родню, так?

— Именно так. — Отвечаю я немедленно, не моргнув глазом на заданный вопрос или не отвлекаясь на то, чтобы посмотреть на лист, что он достал из конверта.

— Понятно. А какие у тебя именно тут друзья, Зет?

— Всякие. — Я закидываю в рот еще одну клубнику. Я перевожу взгляд на ведерко заполненное льдом, в котором охлаждается пиво, и приподнимаю брови. Хулио кивает, предоставляя свое согласие. Я скручиваю крышку и делаю длинный глоток. Хулио следует моему примеру, только делая маленький глоток. — Вчера встречался со старинным школьным приятелем. Мы перекусили, — говорю я ему. Я был предельно осторожен в том, чтобы убедиться, что за мной нет хвоста, но, черт побери, иногда люди бывают такими изворотливыми сукинными детьми. Хулио мог с легкостью приставить ко мне кого-то, кто бы мог следить за мной, когда я отправился на встречу с Риком. Лучше признать тот факт, что я виделся с ним, прежде чем начать отрицать доказательство в виде фотографий, если, конечно, это именно то, что представляет из себя лист бумаги на столе.

— Ага. Понятно. — Хулио опускает руку на свой огромный живот, удерживая на нем пиво. — Этот твой приятель. У него есть имя?

Я смотрю на него недоуменным взглядом.

— Да, его имя Рик. А что?

— Потому что вчера мы схватили парня, который фотографировал девушек снаружи борделя. Он отказывается называть свое имя, или откуда он. Вот мы и подумали, может, это и есть твой друг

Бл*дь. Парень, фотографировавший девушек снаружи борделя. Этот точно человек, которого я знаю, но это не может быть Рик. Это Майкл. Я качаю головой, сочувственно улыбаясь.

— Прости, мужик. Даже не представляю, кто это мог бы быть.

Возможно, какой-то извращенец, который просто хотел подрочить?

Оскаливаясь, охранник, который стоит за спиной Хулио, издает гортанный звук, демонстрирующий его недоверие.

— Босс, вы серьезно слушаете эту х*йню? Парень полон дерьма.

— Закрой свой долбаный рот, Андреас! — рявкает Хулио. Его обвисшие щеки покачиваются из-за внезапного взрыва ярости. Его лицо практически приобретает бордовый окрас, Хулио бросает на меня такой взгляд, который бы заставил подавляющее большинство мужчин бежать от него, поджав хвост. Но только не меня. Я имел дело и с худшим дерьмом и выходил всегда победителем. Парни, с которыми у меня обычно бывают конфликты истекают потом и мочатся в штаны. Хулио прекрасно знает это

— Я ни в чем не обвиняю тебя, Зет, — заверяет он меня. — Я просто хотел убедиться, что этот парень не твой друг, прежде чем я позволю Андреасу и его друзьям сильнее надавить на него. А я, в свою очередь, буду чувствовать себя неуютно, если причиню вред одному из твоих парней.

Если Майкл находится где-то в борделе, то я уверен, что он будет держать свой рот на замке — это одна из самых главных причин, почему я нанял его. А также я прекрасно знаю, что у Хулио нет ни оной долбаной причины подозревать, что он работает на меня. По гневной, настойчивой реакции Андреаса в том вопросе, у меня складывается впечатление, что именно он был тем, кто нашептал свои предположения Хулио.

— Прости мужик. Как я уже и сказал. Я не могу помочь тебе. Так или иначе, это не имеет никакого смыла. Нахрена мне какой-то чувак, чтобы тот наблюдал за борделем снаружи, если я сам нахожусь внутри него.

Потому что он может фотографировать вас, придурки, когда меня не будет тут. Потому что он может видеть место, отведенное для девочек оттуда, где он прятался. Потому что мне нужно вести себя незаинтересованным, пока я нахожусь здесь, и не быть разоблаченным, пока я стараюсь вынюхать все, как гребаный шпион. Есть еще причины, но это наиболее важные. Темные глаза Хулио сверлят меня, возможно, пытаясь отделить правду из моего предыдущего комментария, и затем он соглашается с моими доводами

— Я думаю так же, hombre. Но ты же знаешь, как у нас обстоят

дела с Чарли, ведь так? Мы хорошие друзья, но так было не всегда. Я очень осторожный мужчина, Зет. И мне всегда импонировало быть таковыми.

— Как и я.

Хулио небрежно переворачивает лист бумаги на столе, на мгновение задерживаясь своим взглядом на нем. Когда он вновь опускает его, на этот раз изображением вверх, я могу видеть, какой вред они уже причинили моей правой руке. Обычной безупречной внешности Майкла, как ни бывало, на ее смену пришли джинсы, полностью покрытые пылью и пропитанные кровью. Мышцы на его руках выглядят напряженными, вывернутыми под странным углом, в то время, как его руки связаны за его спиной. Кровь виднеется на его лбу, висках, его плече, также она стекает тонкой струйкой из его рта. Я вижу, что над ним уже прилично поработали.

Я позволяю осознанию произошедшего проникнуть в мой разум. Сейчас не время для того, чтобы волноваться за этого человека. Это не первый раз, когда мы попадаем в переплет. Он всегда умел позаботиться о себе. Я это прекрасно знаю по своему опыту. Хотя это понимание не останавливает меня от ощущения чистого ярости, которую я ощущаю. Которую я буквально сдерживаю в руках. Я разберусь с этим позже. Я усмехаюсь, приподнимая бровь, смотря на Андреаса, который все еще стоит с пальцем, подрагивающим на курке.

— No se te puso dura, Andreas. Знаешь, так говорят о парне, у которого не стоит, и он пытается за счет других долбаных вещей ощутить себя мужиком.

— На что это ты намекаешь, puto? — рявкает он в ответ, делая резкий шаг вперед. Хулио поднимает вверх руку, останавливая его на месте. (прим. пер. с исп. puto — «козел»)

— Мне очень бы хотелось, чтобы вы, парни, вели себя прилично, — говорит он устало. — Андреас, иди посмотри, готов ли парень рассказать нам, что он тут делает. Зет, я знаю, что ты сказал, что собираешься забрать свою подругу, но возможно ты мне окажешь честь и проведешь со мной день? Я думал, может, девочки смогут немного развлечь нас, мы могли бы выпить по паре бутылочек пива при свете дня?

Ради всего святого. Он хочет, чтобы я оставался рядом с ним. Он может, не верит Андреасу сейчас, но он не обязан верить и мне. Я

изображаю на лице самое лучшее выражение сожаления.

— Прости Хулио. Мне на самом деле нужно поехать и забрать девушку. Может, зав...

— Ты же не оставишь меня выпивать в одиночестве, не так ли? — прерывает меня он. Хулио кладет тяжелую руку на мое плечо, заставляя меня вновь опуститься на шезлонг. — Нет, Зет, я не пью в одиночестве. Мне жаль, но я, правда, должен настоять, чтобы ты остался.

15 глава

Слоан

Когда я просыпаюсь, Лейси больше нет в комнате мотеля. Комнатка выглядит неопрятной и обветшалой, в ней царит аура запущенности, от которой у меня буквально мурашки по всему телу. Кажется, что я нахожусь здесь в одиночестве уже в течение долгого времени. Внезапно, меня накрывает чувство панического страха, и я задаюсь вопросом, в какие неприятности себя впутала девчонка на этот раз. Я поднимаюсь с кровати и торопливо направляюсь босиком по покрытому всевозможными пятнами, липкому ковру, резко дергаю дверь ванной, ожидая увидеть там тело Лейси, плавающее в темно-красной ванне полной ее собственной крови. Верхнее освещение в ванной настолько сильное, что отражается от белой плитки и желтой раковины, но я не вижу здесь никакого красного цвета. Никакой крови. Мое заходящееся сердце немного успокаивается. Но только до того момента, пока я не осознаю, что мотель находится с краю оживленной дороги и здесь существует больше, чем один способ покончить с собой, кроме как перерезать себе вены в ванне с теплой водой.

— Лейси? Лейс? — Я выбегаю из комнаты, пребывая в полном

удивлении, видя великолепное бледно-голубое небо над головой вместо мрачного и затянутого тучами. Блондинка стоит в тридцати шагах от меня, спиной ко мне, у таксофона, который намертво прикреплен к стене парковки, с телефонной трубкой, прижатой к ее уху. Я стараюсь сделать так, чтобы она услышала о моем приближении.

— ... ночью. Было двое парней. — Ее огромные темные глаза распахиваются, когда она замечает, что я стою слева от нее. — Ага, — отвечает она в телефонную трубку. — Я знаю, я обещаю. Но прямо сейчас мне нужен адрес места, где он находится. — Она прикусывает губу, все ее тело напрягается в ожидании ответа. Напряженная поза исчезает мгновением позже, она прикрывает глаза на краткий миг, пронзительно выдыхая, и затем роется в кармане в поисках кусочка бумаги. Она быстро записывает что-то на визитке с номерами телефонов мотеля Rest Eezy, которую, вероятно, нашла в комнате. — Спасибо Джорджо. Я обязательно навешу тебя, обещаю. — Она вешает телефонную трубку, держа помятый листок бумаги в своей ладони. — Я узнала его. Я достала адрес борделя, где находится Зет прямо сейчас.

Я смотрю с сомнением на кусочек бумаги, которым Лейси в данный момент размахивает перед моим лицом.

— Это же просто цифры Лейси. — Но в голове я неистово кричу. Бордель? Долбаный, мать его, бордель? Звучит опасно и чертовски пугающе. И какого хрена Лейси знает, куда он отправился, а я нет? Раздражающее глупо злиться на то, что она знает, тем более учитывая то, что они прожили уже шесть месяцев вместе, и определенно точно между ними есть крепкая связь, но все же. Я не могу ничего поделать с собой. Это хреново, а я точно больная идиотка. Я отодвигаю в сторону эти мысли, стараясь из-за всех сил сосредоточиться на клочке бумаги в ее руке.

Лейси охает, пристально изучая адрес, прижимая листок к колену, чтобы быстро вставить какие-то знаки, и внезапно цифры, которые нацарапаны на листе, уже не просто случайный набор цифр, а координаты.

— Это место находится где-то в пустыне, — говорит она, вручая мне листок.

— Кто дал тебе его? Откуда ты можешь знать, что это тот самый адрес?

— Потому что Зи мне рассказывал об этом месте пару раз. Но

никогда не вдавался в детали, но мой бывший парень крутится в тех же кругах, что и Зет. Если можно так сказать. Он сразу понял, о чем я говорила.

— О боже. Лейси. — Я проверяю координаты снова и снова, чтобы убедиться, что они настоящие. — Скорее всего, в ЛА тысячи подобных мест. Оно не может быть одним посреди гребаной пустыни.

— Не по цене за пятнадцать тысяч долларов за одну ночь, при том, что вход туда только по ВИП приглашениям, — возражает Лейси. Эта девушка кардинально отличается от паникующей девчонки, которая прошлой ночью разбила парню голову камнем. В данный момент она полностью контролирует себя, и яркая живая искорка, которая пришла на смену унылому взгляду с ноткой беспокойства, горит в глубине ее глаз. Ее едва можно узнать. Даже голос стал более уверенным. Решительным.

— Это правильный адрес, Слоан — Она указывает кивком в сторону таксофона, чтобы подтвердить правдивость предположения. — Зет будет там, не волнуйся. Мы найдем его и он нас увезет из долбаного штата Калифорния и всего плохого, что произошло здесь.

***

Вероятно, это плохая идея, арендовать автомобиль под моим собственным именем, но у меня действительно нет выбора. Возможно, мне следовало бы попытаться и подкупить продавца, чтобы он подменил мои личные данные, но в этих местах такое может не пройти. Единственные компании, которые я смогла найти, являются корпоративными, которые требуют от вас копию удостоверения личности и заполнения огромного вороха документов, и кроме того, паренек который сидит за столом, не выглядит настолько грамотным, чтобы понять, о какой именно услуге я прошу. Затем я начинаю выбирать что-то, что не развалится прежде, чем мы пересечем границу штата Калифорния. Когда дело сделано, мы выдвигаемся в путь.

Я чувствую себя отвратительно. Я не должна, но не могу ничего поделать. Лейси практически счастлива, что я веду машину в тревожном молчании на протяжении следующих десяти часов. Я пребываю в тревожном состоянии, потому что приняла окончательное решение, что просто не могу взять ее с собой в то место. Зет хотел, чтобы я и его

сестра (даже если он еще не знает, кто она на самом деле) держались подальше от борделя, и он был абсолютно прав. Нет ни единого способа, что я могу подвергнуть ее такому влиянию окружающей обстановки; она и так слишком пострадала, и только Господу известно, что может произойти с ней, если я поставлю ее в такое положение, где фактически с ней может произойти все, что угодно. Положа руку на сердце, со мной тоже может произойти все, что угодно, но я не думаю об этом. Я могу думать только о том, как я приеду туда, наору на Зета за то, что он перевернул вверх тормашками всю мою жизнь всего за каких-то несколько недель, не говоря уже о том, что произошло в отеле пару лет назад, затем возьму сестру в охапку и смотаюсь оттуда как можно быстрее. В голове я даже не позволяю себе думать о каких-то отклонениях от плана. Потому как даже самая небольшая перспектива того, что может что-то пойти не так, заставит меня остаться там, где планирую оставить Лейси, там, где мы могли бы выждать некоторое время и провести его, обдумывая другой способ, как нам связаться с Зетом.

Данные мысли вновь приводят меня к тому месту, куда я везу Лейси. Месту, где я планирую оставить ее, в то время, пока я буду воплощать в жизнь невероятно бредовый план. С приближением ночи, Лейси даже и глазом не ведет, когда мы въезжаем в Дана Пойнт, который находится, по меньшей мере, в часе езды от нашего места назначения на северо-востоке. Она прекрасно знает, что бордель находится в пустыне, поэтому, вероятно, отчетливо понимает, что это не то направление, в котором нам нужно ехать, чтобы найти Зета. Я едва помню дорогу к старинному трехкомнатному дому, выполненному в стиле ранчо, который выкрашен в темно-оранжевый, и расположен в отдалении от побережья океана. В свое оправдание могу сказать, что я приезжала сюда пару тройку раз. С получением высшего образования и затем моей интернатурой и ординатурой, я совершенно не располагаю свободным временем, чтобы навещать их. Я въезжаю на подъездную дорожку, заглушая двигатель, все еще ожидая момента, когда Лейси, наконец, придет к пониманию происходящего, что мы не должны быть здесь. Но она просто сидит на заднем сидении, спокойно смотря в окно.

Я выбираюсь из машины, не произнося ни слова. Гадая, что она будет делать дальше. Она молча следует за мной, захватив с собой небольшую сумку с одеждой, что я приобрела ей в «Уолмарт».

— Ты в порядке, Лейси? — спрашиваю я осторожно. Она просто смотрит на меня, с легким удивлением во взгляде.

— Конечно. А почему я должна быть не в порядке?

Я могу думать о тысячах причинах, самая недавняя то, что вчера она, возможно, убила мужчину внушительных размеров камнем. Несмотря на это, я держу рот на замке. Прост направляюсь по дорожке к оранжевому дому и тихо стучу в переднюю дверь. Потоки нервной энергии прокатываются по мне, словно волны. Только одному Господу известно, что из всего выйдет. Если я окажусь счастливчиком, то все пройдет отлично. Если нет, то мне придется искать другое место, где оставить сестру Зета. Лейси присоединяется ко мне и одаривает меня приятной улыбкой. Входная дверь открывается и глаза высокого, худощавого мужчины наполняются неожиданным удивлением на смену, которому приходит радость. Он кажется еще более постаревшим, чем я помню его с нашей последней встречи. Усталым.

— Слоан! — Его улыбка становится шире, когда он тихо радуется счастью видеть меня на его пороге. Я слабо улыбаюсь ему в ответ.

— Привет. — Я делаю глубокий вдох прежде, чем вновь заговорить: — Привет, папа.

***

Зет

Мой телефон сходил с ума в кармане. Только пять человек знают этот номер, поэтому я точно знаю, что это важно. Но как я могу ответить? Нет, я, черт побери, просто не могу, потому что застрял в борделе полном злых подозрительных мексиканцев, у которых, кажется, просто зудят руки от желания избить меня. Я не идиот. Прекрасно понимаю, что я заносчивый сукин сын, но есть причина моему непомерному эго. Я натренированный, жестокий сукин сын, и когда ячуствую необходимость, то могу с легкостью причинить до хера вреда огромному количеству человек в короткий промежуток времени и разными способами. Но даже я понимаю, что сейчас не место и не время для демонстрации этого. По трем причинам. Первая: бордель патрулируют прямо сейчас больше пятнадцати человек с пушками. Вторая: их пушки не просто какие-то там пушки. Это полуавтоматическое оружие. И, наконец, третья: я чертовски пьян.

Когда Хулио сказал, что хочет выпить со мной немногого пива днем,

ему, вероятно, все-таки следовало упомянуть, что он хочет выпить хренову тучу пива, в дополнении к этому три бутылки кубинского рома, и продолжать пить, пока солнце не зайдет и никто из нас не сможет держаться на ногах. Единственное, что заставляет меня чувствовать себя легче, — это то, что Хулио был таким же чертовски пьяным, как и я. И, Слава Господу, потный ублюдок не стал звать девушек. Нет ни единого способа, что у него бы встал член с таким количеством «Гаваны» в его крови. Мой член, вероятно, смог бы встать, если бы очень-очень постарался, но бл*дь, если бы я только хотел этого... Все мои мысли были сосредоточены на Слоан. А также в большей степени на том, как прикончить мудака Каллума за то, что он не вел наблюдение за домом, как я ему велел.

Время от времени в моем затуманенном алкоголем разуме всплывали неясные мысли о дерымовом положении Майкла, но я знал этого парня. Он мог вытерпеть, когда из него выбивают дерымо, когда того требовала ситуация, и даже мог иногда получить от этого наслаждение; но это уже другая история. К тому времени, когда я выясню, где именно они его держат, у него уже, вероятно, будет пара сломанных ребер и синяков под глазами, но Хулио не позволит своим парням сильно издеваться над ним. Перво-наперво, они захотят вытянуть из него информацию, и у них займет некоторое время, чтобы понять, что он ни хрена не расколется. Достаточно будет отметить, что я буду должен ему серьезно поднять зарплату после этого.

— Ты и я, мы... мы долбаные псы, так? — Хулио икает. У меня занимает много усилий, чтобы вернуть свой взгляд к толстяку.

— Говори за себя, мужик, — рычу я.

Это смешит его.

— Да, черт побери, так и есть. И я тоже! Нет... нет причины стыдиться того, кем ты являешься на самом деле. Ты был рожден дерымом, как и я. Но только то... — Он замолкает, прижимая свой кулак к груди. Затем ждет мгновение, его глаза наполняются слезами, и он продолжает: — Но только то, что мы были рождены дерымом, не значит, что мы должны жить, как гребаное дерымо. Пираньи плавают вместе с другими рыбами, выглядя точно так же, как они до того момента, пока их не спровоцируют. И затем превращаемся в самых ужасных из существующих рыб. Мы — долбаные короли среди рыб! Чертовые вожаки!

Я кривлюсь.

— Я не пиранья. Я акула.

— Ты не имеешь понятия, о чем говоришь. Ты видел, как эти мелкие ублюдки обглад... — Еще один глоток обжигающей жидкости.

— Ты видел, как эти ублюдки обгладывают кости? Они восхитительны. Кошмарны.

Я делаю еще глоток «Гаваны», морщась.

— Пираньи живут на мелководье. Они живут в группах. Акулы — это злобные засранцы моря. Не видел, чтобы они жили группами. Они как... одинокие волки.

Хулио откидывает голову назад и издает вой, подражая волчьему.

— Ну что ж, я больше, нахрен, не имею понятия, какие мы животные, *sabréon*. Все, что мне известно, что ты и я, мы одной крови. Нам пришлось когтями прокладывать свой путь, чтобы выбраться из деръма, в котором были рождены, и создавать упорным трудом свои королевства. Только мое королевство немного больше твоего, так?

Я с сожалением киваю, протягивая ему стакан.

— Так-так. И ты ведь тоже ни перед кем не отчитываешься, ведь так?

Хулио дрожащей рукой наливает еще немного алкоголя в наши пустые бокалы, ухмыляясь мне. Он сдерживает свою улыбку, когда говорит:

— Из того, что я слышал, ты также больше не подчиняешься ничьим приказам. — Он протягивает мне стакан, его глаза становятся немного более ясными, чем мгновение назад.

Черт бы меня побрал. Его слова производят на меня отрезвляющий эффект. Он что, действительно знает о том, что я сбежал от Чарли? Я простираю горло, откашливаясь. Сейчас многое зависит от того, что я скажу следом.

— Чарли частенько бывает огромной занозой в заднице, Хулио. В данный момент у нас перерыв в отношениях. Я уверен, что он позабудет все... — я делаю пьяный неопределенный жест рукой в воздухе в направлении Сиэтла. — ...к следующей неделе. — Лучше все обставить таким образом, будто это Чарли зол на меня, чем показать, что я зол на него. Хулио, вероятно, может испытывать сочувствие к такому послушному парню, который разозлил такого босса, как Чарли. Послушный парень, который вышел из-под контроля, загуляв, и решил

предпринять самостоятельные действия, что, вероятно, могло бы разозлить босса. Все эти мысли медленно зарождаются у меня в голове в алкогольной дымке.

— Понятно. — Хулио быстро опрокидывает в рот свой напиток и тянется через стол, что находится между нами, располагая свою сильную руку на моем плече, пожимая его. — Я сегодня тебя оправдал, Зет. Я сегодня принял решение предоставить тебе кредит доверия вместо того, чтобы убить тебя, на чем настаивали мои парни. Я сделал это, потому что мы долбаные псы, ты и я, и когда я смотрю на тебя, я вижу... себя.

Мечтай, мудак. Через алкогольную дымку, все это мне кажется забавным, потому как я на двадцать дюймов выше него и на десять лет моложе его, и плюс к этому, на сотню фунтов легче этого увальня, что развалился на шезлонге передо мной. Кажется, пришло время поблагодарить его? Я втягиваю воздух в легкие, уповая на то, чтобы глоток свежего воздуха помог мне найти правильные слова, чтобы те передали скромную благодарность. Увы, все, на что меня хватает:

— Спасибо.

Он пожимает плечом.

— Не пойми меня неправ...

На это раз его прерывает не жжение напитка. Это выстрелы. Буквально. Спокойный мгновение назад бордель взрывается шумом и криками, и очередь выстрелов. Хулио каким-то образом, тяжело поднимается на ноги.

— За*бали! — кричит он, бросая с силой свой бокал на пол.

Я вскакиваю на ноги, адреналин пульсирует в моей крови наряду с алкоголем. Это, черт побери, не к добру. У меня такое ощущение, что я кружусь на карусели, когда я следую за огромной фигурой Хулио, когда он направляется к передним воротам виллы. Снаружи все охранники Хулио, ощетинившись, направляют оружие сквозь решетки ворот на машину с горящими фарами.

— Быстро села обратно в машину, шлюха!

— Стреляй! — кричит один из охранников. — Бл*дь, мать его, просто стреляй!

Хулио смотрит красными глазами на разворачивающуюся сцену перед ним.

— Какого хрена происходит? — его крик каким-то образом

успокаивает вооруженных людей, один из них отвечает ему:

— Какая-то сука заехала в наши владения в пустыне. Она, вашу мать, коп!

Укол ярости распространяется вверх по моему животу. Коп? Это может быть только эта сука из УБН, Лоуэлл. Вероятно, именно поэтому мой сотовый разрывался у меня в кармане весь день — Рик пытался меня предупредить, что она приедет. На мгновение я желаю, чтобы охранники атаковали ее. Но затем фигура, которая стоит перед машиной, передвигается, вырисовывается стройное тело, и я могу видеть, насколько ошибался. Это не Лоуэлл, или какой-то другой коп. Это доктор.

Гребаная Слоан.

Я проношусь мимо охранников, распихивая их в стороны с моего пути, когда пытаюсь добраться к женщине, которая стоит по ту сторону железных ворот. Все, что я могу видеть, — пораженный, оцепеневший взгляд на ее лице, когда она стоит без движения на месте, с вытянутыми руками, так, словно она может отразить пули своими ладонями. Мне приходится остановиться, когда я добираюсь до ворот — они, бл*дь, закрыты. Я издаю настолько нечеловеческий крик, что чувствую, как он вырывается из моего горла. Я со всей силы впечатываю кулак в железный забор, сотрясаясь от ярости всем телом настолько сильно, что я едва могу держаться на ногах.

— КАКОГО ХРЕНА! — я кричу прямо в ее бледное шокированное лицо. Я не могу... я не могу даже здраво соображать из-за гнева, который охватывает мое тело. Я чувствую себя так, словно кто-то приложился кувалдой по моей руке, но я даже не могу осознать этого до конца. Ее не должно быть здесь. Я все распланировал, полностью убедился, что она не будет участвовать в этом. Во всем этом деръме. Что она не будет подвергаться опасности. Она. Не. Должна. Быть. Здесь. — Какого хрена? — спрашиваю я еще раз, на этот раз рыча себе под нос, стараясь изо всех сил взять себя в руки. Все ее тело начинает сотрясаться от дрожи, вместе с ее дрожащими руками, которые расположены по бокам от ее тела.

— Они могли... она могли пристрелить тебя, — стонет она.

Я устремляю растерянный взгляд через плечо, смутно отмечая пятнадцать винтовок M16, которые теперь нацелены на мою спину. Массивное тело Хулио устремляется вперед через огромное количество

дул и пистолетных обойм, с приподнято бровью настолько высоко, что она практически достает до его лысины.

— Кто-то знакомый, Зи? — Он смотрит злым взглядом.

— Да. — БЛ*дь, бл*дь, бл*дь. Думай, мать твою! — Это... это Бэт. Она... Моя пара. — Я вновь разворачиваюсь к ней, пытаясь опалить ее всей неистовой силой моего гнева. — И она не должна быть здесь.

— Ты еще никогда не был настолько прав, — отвечает он. Его голос в данный момент полностью лишен даже намека на опьянение, как и мой. Забавно, насколько невообразимое ощущение гнева может оказаться отрезвляющий эффект. Я зол на Слоан, а Хулио разгневан на меня. — Ты дал гребаной шлюхе, которую трахаешь, координаты этого места?

Желчь резко поднимается в моем животе от того, как он назвал Слоан, но я не могу возразить ему. Я сам назвал ее только что именно так, когда говорил, что она моя пара. Я хочу заехать кулаком по его лицу, но вместо этого выдавливаю:

— Прости. Хулио. Моя ошибка. Я должен был забрать ее, помнишь. Она, скорее всего, приехала в поисках меня

Хулио качает головой, смотря на меня с открытым ртом.

— Это было совершенно неосмотрительно, *mi amigo*.

— Я понимаю. Мои извинения, брат. Я не подумал. — Нет ни единого шанса, что он купится на это дермо. Он прекрасно знает, что я не настолько невообразимый идиот. *Ты бы не дал этот адрес никому. Ни одному гребаному живому существу. И особенно девушке, которую ты трахаешь. Ты бы завязал им повязку на глаза и запихнул в багажник сраной машины, убеждая, что двигался кругами только для того, чтобы сбить с толку.*

Андреас появляется рядом с плечом Хулио, напряженный от всего гнева, что пульсирует в нем. По лицу Хулио можно сказать, что он принял какое-то решение.

— Заводи ее вовнутрь, — отрывисто бросает он, смотря прямо сквозь меня. — Приведи ее, чтобы мы смогли узнать ее получше. Прояви вежливость, представь мне свою подругу.

— Хулио!

Яростное возражение Андреаса встречено и прервано отрывистым взмахом руки его босса. Хулио разворачивается и указывает пальцем на грудь парня.

— Открой *банные ворота, Андреас, — шипит он.

Андреас сморит на него таким взглядом, как будто ему только что нанесли удар ниже пояса. Но, тем не менее, он делает то, что ему сказан — открывает ворота. Как только они открываются, я бросаюсь вперед и крепко хватаю Слоан за руку, таща ее в сторону пыльного монстра, на котором она приехала сюда.

— Я завезу ее, — бросаю я через плечо. И затем обращаюсь к ней более тихим голосом: — Садись в долбаную машину. — Она выглядит бледной как полотно, но все же делает то, что я ей сказал. Я забираюсь на водительские место, позволяя себе роскошь впечатать кулаком по рулю, прежде чем завожу двигатель. Слоан же подскакивает от неожиданности, задыхаясь.

— Ты должен позволить мне объяс... — делает она попытку начать разговор. Но я завожу двигатель так сильно, что он практически ревет. Она понимает намек и сразу же замолкает.

— Я не должен тебе ни хрена, Слоан. — рычу я. — А теперь послушай меня. Мать твою, слушай внимательно. Ты находишься здесь, как моя гостья для вечеринки, которая намечается через пару дней. Ты тупая, ветреная шлюха, которая ни хрена не знает о моих деловых связях, Чарли, твоей сестре или же Лейси. Единственное, что ты знаешь наверняка, что тебе нравится трахаться со мной. Поняла меня? — Она открывает рот, возмущение говорит само за себя в ее яростном взгляде. Прежде чем она успевает сказать и слово, я подъезжаю к борделю и оставляю ее машину рядом с «Камаро». Остальные еще не подошли к машине, но их отделяет от этого всего пара секунд.

— Я, черт побери, серьезно, Слоан. Если ты хочешь, чтобы мы вдвоем остались живы, то ты сделаешь так, как я тебе велю.

— Я не какая-то шлюха... — начинает говорить она.

— Да, ты именно она и есть. Прямо сейчас ты намного хуже, чем шлюха, потому что тебе за это даже не платят. Ты делаешь это для того, чтобы получить острые ощущения, ты слышишь меня? Если ты не сделаешь, как я тебе сказал, мы покойники!

Ее щеки мгновенно окрашиваются практически в серовато-белый цвет.

— Х-хорошо.

У меня едва выдается возможность выдохнуть от облегчения. Двери машины отрываются снаружи, и Хулио ожидает меня возле

водительской стороны, его губы сжаты в тонкую линию. Андреас хватает Слоан, жестко впиваясь пальцами в кожу на ее предплечье, с силой вытаскивая ее с пассажирской стороны. Его мерзкие руки скользят по всему ее телу, как только она выпрямляется. По ногам, бедрам, животу, рукам. Он обыскивает ее, намеренно поглаживая ладонями грудь. В следующее мгновение ярость застилает мое виденье. Ох, мать вашу, только не это, он же только что не...

Да, он сделал. Он, мать вашу, сделал именно это.

И

Это

Мать. Вашу

Все

Я бросаюсь вперед и огибаю машину с другой стороны, окончательно теряя контроль.

— Ты не смеешь просто так вытаскивать мою девчонку из машины! — издаю я рык. Рука Андреаса тянется за оружием, но он двигается недостаточно быстро. Мой кулак издает удовлетворяющий хруст, когда врезается в его челюсть. Нас окружают крики на испанском, когда парни начинают толпиться вокруг. Это не к добру. Андреас падает как мешок с камнями, и я в следующий момент уже на нем, обрушаю неумолимые удары кулаками слева, справа, слева, справа, ударяя его настолько сильно, насколько мне это удается. Я одержим настолько сильной потребностью уничтожить его, что мне похор на все остальное, во мне пульсирует только желание подчиняться этой потребности. Чьи-то руки пытаются оторвать меня от него, но ничего не выходит. Я слишком полон решимости размозжить бошку Андреаса.

— Зет! — яростный крик, наконец, принуждает мои руки остановиться. Хулио стоит рядом со Слоан, его глаза широко распахнуты от удивления. — Женщина в порядке! Ты что, собираешься убить одного из моих лучших людей из-за какого-то долбаного синяка?

— Я убью его даже за то, что он дышит с ней одним воздухом, — задыхаясь, говорю я. — Я убью его даже за то, что он косо посмотрел на нее.

Ошеломленный Хулио качает головой. Он делает знак одному из своих людей в сторону Андреаса, все еще пребывая в полном неверии от того, что я сделал.

— Отнесите его в подвал. — Затем он разворачивается и

направляется обратно внутрь виллы, оставляя меня и Слоан стоять снаружи. Наедине с четырнадцатью разгневанными мексиканцами.

16 глава

Слоан

Мы не разговаривали с Хулио прошлым вечером. Мужчина, кажется, был полностью поражен моим приездом, стрельбой и тем, что Зет практически чуть не убил парня голыми руками. Он мгновенно исчез, оставляя меня на милость Зета, чтобы тот увел меня по коридорам виллы в испанском стиле, прямиком в комнату, которая определенно пахла им. Он запихнул меня вовнутрь, затем вошел сам, запер дверь и затем подпер стулом ручку, как в фильмах. Затем скинул свою одежду, раздеваясь до боксеров, яростно отбрасывая ее на пол, забрался на огромную кровать, которая находилась в центре комнаты, и сразу же отключился.

Оказывается, он был зол на меня.

Я спала в кресле с высокой спинкой, которое находилось у окна, и то, почти не сомкнула глаз, и проснулась раньше, чем Зет, из-за проникающих в нашу спальню солнечных лучей, которые освещали всю стену борделя. С того момента я ожидаю, напряженная и оцепеневшая, когда проснется этот мрачный мужчина. Опасаясь этого момента. С его прикрытыми глазами и рукой, которая располагается внутренней стороной ладони вверх, когда он вдыхает и выдыхает, он выглядит таким безвредным и уязвимым. Но его черты нисколько не становятсямягче от того, что он в данный момент пребывает во сне. Его мышцы все еще жестко выделяются на животе и груди, руках и спине, но они не выглядят так, будто готовы нанести кому-то вред прямо сейчас, что

делает его менее опасным. Я слишком напугана, чтобы будить его. Поэтому просто сижу, уповая на то, что он проснется в лучшем настроении, чем заснул.

Я надеюсь, что Лейси в порядке. Она прекрасно понимала, что я не собираюсь брать ее с собой. Только одному Богу известно, как именно она догадалась, но она даже не отреагировала, когда я сказала ей, что собираюсь оставить ее вместе с моими родителями на один вечер. Ну, самое большое на пару ночей. Облегчение на ее лице было буквально осязаемым, когда я ей сказала, что ей будет не безопасно ехать со мной. Единственное, она немного развелась, когда прошла вслед за мной в дом моих родителей и увидела религиозные вещи, которые были развешаны на всех стенах: распятия, иконы девы Марии и картины, на которых запечатлен Иисус с ангельским лицом, благословляющий толпу людей. Ее лицо побледнело, но, несмотря на то, что она напряженно сглотнула, она все же принудила себя усесться, удерживая свои сплетенные руки на коленях и посматривая подозрительно на моего отца. Я не имею понятия, что произошло с ней в прошлом, и почему она вела себя таким образом, но подозреваю, что это что-то было очень плохим. Я надеюсь, ее не травмирует еще больше то, что вместо того, чтобы взять ее с собой, я оставила ее там.

Я все еще думаю об этом, когда примерно в районе 7:30 утра Зет резко присаживается в кровати, задыхаясь. Его глаза осматривают комнату, замечая меня, и в следующее мгновение я понимаю, что меня поднимают и бросают на кровать, которая находится в противоположной стороне комнаты. Я издаю крошечный писк, когда руки Зета намереваются обрушиться, стиснутые в кулаки, с двух сторон от моего лица. Он успевает себя вовремя остановить, издавая сдавленный звук.

— Бл*дь! — кричит он. Он отпускает меня, скатываясь с кровати. И единственное, что я могу сделать в данный момент, приложить руки к груди на уровне моего отчаянного заходящегося сердца и втянуть каким-то образом воздух в легкие. Все мое тело начинает сотрясаться дрожью, неуютно подергиваться, когда он оставляет меня лежать скавшийся на кровати. Он раздраженно бросается в другую сторону комнаты и прижимается спиной к стене, мгновенно пряча свое лицо в ладонях, вдыхая длинные, частые вдохи.

— Бл*дь, — говорит он вновь на этот раз слишком тихо, чтобы я

могла расслышать. Я молчаливо присаживаюсь, пытаясь понять, какого хрена только что произошло. Наконец Зет опускает руки и пристально вперивается своим мрачным, незаинтересованным взглядом в меня.

— Ты самое худшее, что могло со мной случиться, — рычит он

Его заявление настолько смехотворное, что я практически задыхаюсь.

— И это говоришь ты! Пошел в задницу, Зет!

— Ага, пошла сама туда, — рявкает он. Он отталкивается от стены и направляется вперед, приближаясь кровати. Я отпихиваю ногами смятую простынь, пытаясь удерживать между нами безопасное расстояние. — Ты даже понятия не имеешь, настолько все усложнила. Какого хрена ты приперлась сюда?

Я начинаю чувствовать себя нелепо и немного преданной своим собственным телом, когда мои глаза начинает покалывать от набегающих слез.

— У меня не было, черт побери, особого выбора. Твои дружки, парни Чарли, вломились ко мне и пытались похитить твою... — я вовремя останавливаю себя. Теперь Зет нагибается, забираясь на четвереньках на кровать, приближаясь с каждым разом все ближе и ближе. Его брови нахмурены. — Они пытались похитить Лейси, — говорю я ему. — И нет ни единого шанса, что я втяну в это сумасшествие моих друзей или же приведу все это безумие на порог моего рабочего места. На работу, которая значит для меня больше, чем что-либо. Я рискнула, черт возьми, всем над чем так тяжело трудилась, ради того, чтобы вывести девушку, которую ты оставил на меня, из Сиэтла, и ты, придурок, еще имеешь наглость злиться на меня! — Одинокая слезинка скользит по моей щеке, срывааясь и падая на мое согнутое колено.

Зет присаживается на пятки, все еще одетый в свои боксеры, татуировки двигаются на его теле, когда мышцы сжимаются даже без видимого усилия с его стороны. Он сложен, как некое подобие человека, как нечто нереальное. Словно некий образ того, как должна была бы выглядеть мужественная фигура мужчины, если бы имелся идеал совершенства. Я ненавижу его за то, что он выглядит так восхитительно прямо сейчас, когда я знаю, что выгляжу ужасно. И я, черт побери, плачу. Он потирает свой подбородок, хмурясь. Он выглядел полным решимости сделать со мной все что угодно, когда

подбирался ко мне мгновение назад, но в данный момент полон сомнений.

— Не смей делать этого, — говорит он мне ровным голосом.

— Не сметь делать что? Злиться на тебя? Конечно же, я бу...

— Плакать, — перебивает он меня. — Не плачь. Это дерымовый, подлый прием.

— Прием? — Я просто не могу поверить в это. Я не могу поверить ему. Меня держали на мушке, мне угрожали, я проехала три штата, затем в меня еще раз стреляли и угрожали мне, и теперь этот мудак думает, что я плачу, чтобы заставить его чувствовать себя виновато. Каков мудак! Я падаю на кровать, прижимая подушку к своему лицу. Я кричу в нее, даже не думая о том, чтобы сдержаться. Даже с подушкой, что сдерживает мой крик, это, вероятно, звучит так, будто меня убивают. Большая, сильная ладонь обворачивается вокруг моей правой щиколотки и затем меня тянут по простыни. Неожиданным и резким движением подушку вырывают из моих рук. И на мгновение я замолкаю, смотря на него с вызовом во взгляде, и затем продолжаю кричать. Он накрывает мое тело своим, быстрым движением закрывая своей ладонью мне рот. Приближает свое лицо к моему, смотря на меня серьезно и рассержено.

— Заткнись! — шипит он. — Ради всего святого, пожалуйста, просто заткни свой рот, Слоан. Ты разрываешь мою голову на части!

Я не останавливаюсь, поэтому он предпринимает дальнейшие действия и жестко вдавливает пальцы в мои ребра.

— Ох! Придурок! — Я ударяю его настолько сильно, что хлесткий звук пощечины отдается в мою руку, и я ощущаю боль от нее в ладони. Голова Зета откидывается в сторону. Когда он вновь смотрит на меня, я знаю, что пропала и залепляю ему пощечину еще раз. Он выглядит настолько злым, что искры буквально летят из его глаз.

— Я заслужил только одну, — рычит потрясенно он. — А с ужасным похмельем, которое в данный момент у меня, я могу засчитать вторую за две.

Черт. Я стараюсь из-за всех сил выбраться из-под его тела, но у меня с таким же успехом больше шансов проигнорировать гравитацию и выбраться в открытый космос. Он выглядит так, словно готов убить меня.

— Зет, — я пытаюсь говорить спокойно. Словно он

здравомыслящий человек и может ответить мне таким же образом. Он стискивает свои челюсти, плавная линия его подбородка приобретает твердость, когда он нависает надо мной и хватает две моих руки.

— Тебе следовало бы понять, что, возможно, ты и злая девчонка, но я тоже злой парень. И если ты планируешь наказать меня, то тебе лучше быть готовой к последствиям.

Первые искорки настоящего страха начинают вспыхивать внутри меня. Я толкаюсь у его тела, в попытке освободиться от него. Любопытная улыбка появляется на лице Зета. Его совершенно не заботят мои отчаянные попытки освободиться. Если уж на то пошло, то это доставляет ему больше удовольствие. Я это отчетливо понимаю по твердому члену, который прижимается к внешней стороне моего бедра. И как только он кивает, сужая глаза, в которых стоит пронизывающий взгляд, то отпускает меня. Он вновь садится на пятки, возвышаясь надо мной. Я замираю. Мне, вероятно, следует сбежать, но я знаю к чему это приведет: к погоне по комнате, сломанной мебели, а также и к сломанным костям. Ну и, кроме того, мне кажется, что это только усложнит ситуацию. Я складываю руки на моей груди, стараясь не сводить сосредоточенного взгляда с него. Прикладывая все усилия, чтобы не опускать взгляда на его увеличивающуюся эрекцию, которая выделяется через материал серых боксеров.

Он усмехается, смотря на меня, немного откидываясь назад всем телом. Это движение приближает его член ближе к моим рукам, когда он располагает ноги по обе стороны моей талии, и я закатываю глаза на его действие, внезапно становясь менее напуганной.

— Да ты, наверное, прикалываешься?

Он качает головой, все еще ужасно хмурясь.

— Ни черта подобного, Слоан. Ты только что разбудила всю виллу. И если бы ты вела себятише воды ниже травы, то, вероятно, это бы сработало в нашу пользу, — его голос звучит жестче прежнего, хриплый и непостижимый, наполненный противоречивыми желаниями. Он зол на меня, но, несмотря на это, хочет оттрахать меня до изнеможения. — Ты поступила чертовски безрассудно. Приехала сюда, совершенно не понимая, во что втягиваешь себя или меня... — Он тянетяется вниз рукой и обхватывает мою грудь через одежду, стискивая ее достаточно жестко для того, чтобы бы я шумно втянула воздух в легкие.
— Вчера я был чертовски близок тому, чтобы меня четвертовали, и

вероятность этого сегодня намного возрастает. Ты подвергла себя риску, когда я тебе сказал не делать этого. Затем ты орешь, как резанная, напоминая всем и каждому, что мы находимся здесь, и являемся гребаной проблемой для них. Поэтому, если ты собираешься кричать, Слоан, по крайней мере, я тебе предоставлю для этого причину.

Все еще продолжая жестко массировать мою грудь, сминая ее в одной в руке, свободной рукой он тянется вниз и оборачивает ладонь вокруг своего жесткого ствола через боксеры. Я сглатываю, не в силах отвести взгляд от того, как он неспешно поглаживает своей ладонью длину, стискивая себя сильнее в то же время, что и мою грудь с налитыми сосками. Я немного волнуюсь по поводу происходящего. Буквально мгновение назад он пребывал в ярости, теперь внезапно готов к тому, чтобы оттрахать меня? Вероятно, что эти два фактора связаны между собой, и их довольно-таки сложно игнорировать.

— Я не буду заниматься сексом с тобой, — выдыхаю я.

Уголок рта Зета приподнимается в улыбке, в хитрой, невыносимо заносчивой усмешке.

— Конечно, будешь, злая девочка.

— Не буду. — Я безуспешно извиваюсь, делая все возможное, чтобы вырваться из его хватки. Безуспешно. Но все же, мне стоит переживать из-за этого, потому что в следующее мгновение Зет делает кое-что еще более сбивающее с толку. Он отпускает меня и присаживается, откидываясь спиной на подушки у спинки кровати. Он отпустил меня? Он отпустил меня! Я спешно спрыгиваю с кровати, разворачиваясь, и смотрю на него недоверчивым взглядом, серьезность не покидает его выражение лица. И его рука не покидает его член. Он только прерывается на мгновение, чтобы приподнять свои бедра, его мышцы пресса сильно сокращаются, когда он подцепляет большими пальцами резинку боксеров и медленно стягивает их. Его член вырывается наружу, тяжело ложась на твердый пресс, когда он стягивает свое нижнее белье по ногам. Видеть его лежащим таким образом, обнаженным и полностью бесстыдным... а какого хрена ему стыдиться? Он восхитительный, и ему это прекрасно известно — это заставляет затаить дыхание. Он продолжает делать то, на чем остановился, обхватывая свою мощную длину правой рукой, поглаживая себя по коже напряженного ствола. На протяжении всего

времени он пристально смотрит на меня. Его взгляд не покидает моего.

— Ты, мать твою, двинутый на голову, тебе известно это? — говорю я ему, скрещивая руки на груди. — Какого хрена ты устроил здесь? Ты ожидаешь, что я избавлюсь от всей одежды, как Брюс Всемогущий, и запрыгну на твою штуковину, только потому, что ты вытащил ее?

Крошечная улыбка растягивается на его серьезном лице.

— Нет, бл*дь, я ожидаю, что ты снимешь свою одежду. Медленно. А затем заберешься на кровать на четвереньках и обернешь свою ладонь вокруг этой охрененно большой штуки, — Зет стискивает свой член в ладони, слегка вздрагивая, — и возьмешь его в свой рот. И затем будешь сосать его, лаская языком, до того момента, пока я не скажу тебе «хватит».

— Ха! — Я спешно отхожу к противоположной части комнаты, пляясь на стул, спинка которого надежно подпирает ручку двери, преграждая единственный выход из комнаты. Я стремительно отодвигаю деревянную спинку от ручки, ослабляя давление от подпертого стула, благодаря чему дверь можно приоткрыть.

— Ты, вероятно, самый неадекватный мужчина, с которым я когда-либо была знакома.

Зет пожимает плечами, немного надувая губы. Что значит «возможно, да, а может, и нет». Как будто меня это волнует.

— Куда ты направляешься, злая девочка? Забыла, где мы находимся?

И он прав. Что приводит меня в ярость. Я ударяю ладонью по закрытой двери, морщась.

— Отлично. Хорошо. Я не собираюсь покидать комнату, но и не собираюсь подчиняться только потому, что ты мне сказал так сделать.

— Отлично, тогда, может, предпочтешь подчиниться из-за страха за свою жизнь? — бросает он небрежно. Я не могу понять угроза ли это. Но он кажется на самом деле заинтересованным.

— Я выбираю не подчиняться тебе ни по какой из этих причин. — Я вышагиваю обратно к креслу, в котором спала, и плюхаюсь в него, делая вид, что смотрю в окно. Или куда угодно, но не на него и на то, что вытворяет его рука.

— Вполне справедливо. — Его голос не звучит раздраженным. Он

просто смотрит на меня. Я могу чувствовать его сосредоточенный взгляд на моей коже. В комнате воцаряется тишина и только слышно, как он поглаживает рукой свой член, а также раздаются звуки его прерывистого дыхания. Как может парень так открыто дрочить, полностью обнаженный, и даже не испытывать волнения по поводу того, что женщина, которую он хочет впечатлить, больше испытывает отвращение, нежели заинтересованность. Что за идиот. Я смотрю на него краем взгляда. Его тело чертово произведение искусства. Особенно то, как напряженно он выглядит прямо сейчас, его мышцы сильно сокращаются с каждым проглаживанием его ладони. Он стискивает свою ладонь чуть сильнее и втягивает пронзительный вдох. Затем издает крохотный смешок, когда видит, как я наблюдаю за ним. Я поспешно перевожу свой взгляд обратно к окну, проклиная себя. *Не смей играть в его долбаные игры. Не смей вообще играть с ним.*

Это дело пары минут прежде, чем я вновь посмотрю обратно. Он издает низкий, пронизанный наслаждением грудной стон, и, черт побери, это самый горячий звук, который я когда-либо слышала. Мои ноги начинают дергаться. Я стараюсь сделать все возможное, чтобы игнорировать теплое, тянущее ощущение, что образовывается у меня между ног. Ублюдок. Как? Каким образом ему удается делать это? Я слегка вздрагиваю, отчаянно противостоя своему телу, стараясь принудить его подчиняться мне, а не ему. Но мое глупое тело желает наблюдать за ним. На это раз, он не смеется, когда видит то, как я наблюдаю за ним. Он просто смотрит вниз на свое тело, его глаза полуприкрыты от наслаждения и полны приглашения. И затем он закрывает их и откидывает голову назад, он оставляет меня наедине с собой, чтобы я могла принять свое собственное решение. Его рука начинает работать чуточку быстрее, заставляя дыхание учащаться.

Я продолжаю сидеть на месте, задаваясь вопросом, что, черт возьми, я хочу делать дальше. Этот диалог имел место уже чуть раньше. Он чертовски умен. Продолжает демонстрировать мне, что он получит от меня все, что захочет, и развернет ситуацию в свою пользу, заставляя меня осознать, насколько я его хочу. Насколько сильно я хочу отдаваться ему. И как сильно ненавижу это. По принципиальным соображениям я не желаю поддаваться на его манипуляции в этот раз. Хочу показать придурку, что он не настолько умен, каким себя считает. Только он, черт побери, умен. Он обладает, мать вашу, дьявольски

проницательным умом.

Я поднимаюсь на ноги.

От звука движения, широкая улыбка растягивается на его лице, но, несмотря на это, он все же держит свои глаза закрытыми. Вероятно, чтобы сохранить остатки моей уязвленной гордости. Я не могу поверить, что делаю это сейчас. Каждый раз я прихожу к нему на его условиях, но разве я могу остановить себя? Нет. Я совершенно безнадежна. Я медленно стягиваю свою одежду, предоставляя себе время, чтобы изменить свое решение. Но я не меняю его. Вместо этого забираюсь на кровать именно так, как того хотел он, и затем нависаю над его рукой, когда он скользит ею по всей его длине вверх и вниз. Его член выглядит набухшим, чертовски огромным и... восхитительно красивым. Я выдыхаю, и мое дыхание щекочет его кожу, заставляя Зета отчаянно содрогаться всем телом.

— Я хочу почувствовать твои губы вокруг моего члена, Слоан, — говорит он хрипло.

— О, значит нормально чувствовать их вокруг своего члена, но нельзя ими касаться твоих губ? — парирую я. Зет слегка напрягается, но принимает решение оставить мой вопрос без ответа. Полный придурок. Но у меня есть кое-какая идея, чтобы проучить его. Я склоняю шею к его телу, чувствуя, как мое сердце ускоряет бег, прежде чем всасываю его эрекцию в рот. Это отличается от прошлого раза, когда я делала это. В тот раз я лежала на спине. Он возвышался надо мной, как гигант, его тень нависала надо мной в темной комнате отеля. Его руки крепко удерживали мои волосы, направляя мою голову. Но не в этот раз. Сейчас Зет даже не прикасается ко мне. И в первое мгновение, когда мои губы касаются его плоти, он впивается пальцами в простынь, не сжимая ее, а лишь прижимая пальцы к поверхности кровати со всей силы. Он ощущается огромным в моем рту, теплым, и на его головке я уже могу чувствовать вкус мускуса. Я опускаю голову чуть ниже, вбирайая чуть глубже.

— Черт возьми, Слоан. — Он стонет, его хриплые слова производят на меня приятный эффект. Ему доставляет это удовольствие. Ему нравится, и технически, я единственная, кто держит все под контролем. Пришло время отдать должок. Я склоняю свою голову ниже, втягивая всю эрекцию в мой рот, до того момента, пока больше не могу принять ни дюйма. И затем сжимаю зубы, кусая его. Не сильно. Но достаточно

ощутимо, чтобы дать ему понять, что он не одержал победу в этом раунде.

Его реакция мгновенна.

Зет отбрасывает меня от себя так быстро, что я едва успеваю разглядеть потолок, прежде чем падаю на спину и затем соскальзываю с кровати на пол.

— Ох, нет, нет, нет, Слоан, — рычит он, направляясь в мою сторону. — Ударить меня по щеке это одно. Но так... ты будешь жалеть, что вообще решилась сделать это. — Его выражение лица лишено каких-либо эмоций, что заставляет меня считать, что он пребывает в более взбешенном состоянии, чем я его видела ранее. С моего неуклюжего положения на полу, в то время как ноги продолжают находиться на кровати, возвышаясь над моей головой, мне стоит быть напуганной, но я не боюсь его. Я смеюсь.

Истерика продолжается в течение десяти секунд, когда он поднимается на ноги и направляется в противоположную сторону комнаты, открывая гардеробную. Моя улыбка испаряется от вида черной сумки в его руке. Я внезапно чувствую острое возбуждение и страх. Разрешит ли он мне изменить свое решение сейчас? Не думаю. Бл*дь!

— Забирайся на кровать, Слоан, — приказывает он. Зет бросает сумку на край кровати и начинает расстегивать ее.

— Нет.

Он замирает, поднимает взгляд, подается телом вперед и четко говорит:

— Нам обязательно проходить через это еще раз? Что посеешь, то и пожнешь, Слоан. Пришло время тебе научиться правильно вести себя. — Зет приподнимает свои брови с вызовом. Я прекрасно понимаю, что он говорит абсолютно серьезно. Он предоставил мне небольшое количество власти, и я просрала ее. И теперь мне придется платить по счетам. Но все же, глубоко внутри, я полагаю, что ждала именно этого. И... отчаянно желала этого. Я забираюсь на кровать так осторожно, как только возможно. Зет кивает и открывает сумку.

— Раздвинь свои ноги, — говорит он мне. И я практически желаю, чтобы вновь вокруг нас была тьма, как при первой нашей встрече, когда он мне приказывал, что делать. Зет желает мести, когда он подбирается к моему телу на кровати. — В этот раз я тебя не буду связывать, Слоан.

Но тебе следует знать, если ты шевельнешь хоть рукой, попытаешься оказать мне сопротивление, сделаешь хоть что-то из того, что будет включать нахождение твоих зубов вблизи моего члена, то поплатишься за это. Понятно?

Я киваю, задаваясь вопросом, что же у него на уме. И затем замечаю маленькое, сужающееся к краю, напоминающее по виду крошечные щипчики, приспособление.

— Что, черт побери, это такое?

Зет сжимает штуковину с удовольствием, которое заставляет меня извиваться лежа на спине, внезапно я испытываю сожаление, что так быстро уступила ему.

— Это ты получишь за то, что была непослушной девочкой, — поясняет он.

Я сотрясаюсь дрожью, когда он скользит ладонями вниз по внутренней стороне моих бедер, останавливаясь только для того, чтобы лизнуть чувственную кожу на моей киске. Он касается губами и языком моей разгоряченной кожи, вновь и вновь облизывая, но это все не больше чем подразнивания. Он даже близко не касается меня там, где я желаю почувствовать его язык. Я ощущаю себя расстроенной, располагая свои бедра ближе к нему, открываясь для него, и в этот момент я ощущаю прикосновение прохладного металла к моей чувствительной и набухшей киске. Мое тело вздрогивает от охватывающего его нервного состояния, но Зет крепко удерживает свободной рукой мое бедро, посылая пронзительный взгляд предостережения, адресованный моему телу.

— Помни, попытаешься оказать сопротивление, и ты пожалеешь об этом.

Металлический девайс в его руке оказывается зажимом. Я знаю это, потому что он закрепляет его на моем припухшем клиторе, заставляя меня вззвизгнуть от шока. Зет задевает его своим указательным пальцем, и это посылает острые волны удовольствия, смешанные с пронзительными уколами боли по моему телу.

— Зет! — мой крик — это смесь шока и мольбы. — О господи, не делай так больше!

Он делает это вновь, с выражением злорадного ликования, что читается на его лице. Мои ноги содрогаются, и я ощущаю желание сжать их, чтобы защитить себя — я ничего не могу с этим поделать, — а

он в свою очередь качает головой с язвительным неодобрением. И, черт побери, становится понятно, что он абсолютно точно знал, что я отреагирую таким образом, более того, он на это рассчитывал.

— Ох, детка, — выдыхает он. — Кажется, ты будешь сейчас наказана. — Он обхватывает пальцами зажим, и меня пронзает разряд жгучего возбуждения, когда я стараюсь отодвинуться от него. Но в тот же момент замираю, осознавая, что если я двинусь, то испытаю потягивание зажима. Одной рукой Зет сгребает меня с кровати, подхватывая под живот, и усаживает меня, располагая на своих коленях. В тот же миг я оборачиваю руки вокруг его шеи, чтобы сохранить свое равновесие. Его лицо расположено в миллиметрах от моего, разгоряченная кожа на груди обжигает меня, и жесткость его эрекции упирается в меня, когда он произносит:

— Хочешь мою ладонь или же ремень?

— Что?

Он награждает меня взглядом, в котором четко читается выражение, чтобы я не устраивала комедию.

— Ремень или ладонь, Слоан? Твой выбор. — Зет тянется рукой между моих ног, его пальцы ловко находят местечко, где соприкасается металлический зажим и плоть моего клитора. Он мягко потирает, поглаживая место соприкосновения, предоставляя мне больше удовольствия, чем боли на этот раз. Он лукаво улыбается, когда поднимает пальцы, чтобы я видела насколько они скользкие, демонстрируя мне, что я не настолько сильно ненавижу то, что он делает со мной, как пытаюсь показать. Не в первый раз он втягивает мои пальцы в рот и облизывает их, в то время как его дыхание становится быстрым и прерывистым.

— Реши, или я приму решение за тебя, — велит он мне своим грубым голосом.

— Рука, — шепчу я. — Используй руку. — Может быть, если он меня накажет, то немного смягчится по отношению ко мне, как мне кажется. Это тоже причинит ему боль. За считанное мгновение он разворачивает меня, теперь я смотрю в пол, перекинутая через его колени, а моя задница вздернута вверх. Кажется, ему это очень нравится; его ладонь ложится на мои ягодицы, слегка сжимая и затем поглаживая их.

— Идеально, — сообщает он мне. Зет сжимает пальцами зажим

между моих ног и слегка потягивает его. В большей степени, как намек, чтобы продемонстрировать то, что грядет. Пламя разгорается внизу живота, вырывая дразнящий хриплый стон из моего горла. Это ощущается... это ощущается восхитительно. И пугающе. И болезненно. И на меня обрушивается вихрь чувств за одно мгновение, что не сразу могу понять, какое из них преобладает.

Но затем все исчезает, когда его ладонь опускается на мои обнаженные ягодицы со звучным шлепком. Я еще ни разу не понимала выражения «искры из глаз» до этого самого момента. До момента, когда Зет обрушивает свою большую, сильную ладонь на мою нежную кожу на заднице. Определенно, боль жалит и его ладонь, но это не останавливает его. Он награждает меня еще четырьмя шлепками, и каждый раз задыхается от удовольствия. В самом начале я чувствую себя невероятно ошеломленной, чтобы двигаться или как-то реагировать. Мужчина продолжает соблазнительные мучения, проскальзывая пальцами между моих ног и поглаживая ими вверх вниз по влажной плоти моей киски, потирая клитор подушечкой пальца и вновь возвращаясь обратно, распределяя влагу по моей заднице. Он неспешно поглаживает меня, шепча слова поощрения.

— Вот она моя смелая девочка. Такая мужественная. Будешь теперь хорошо вести себя? Выучила свой урок?

Само происходящее унижительно. Я едва сдерживаю слезы, но в то же время так отчаянно желаю его, что едва терплю, чтобы не развернуться и не броситься на него. Я издаю громкий гортанный стон, и Зет поднимает меня в своих руках и вновь располагает на кровати.

— Это было пять ударов, — произносит он, словно боль полностью поглотила мою способность считать. — В следующий раз будет десять. Ты готова?

Я сглатываю, все еще не уверенная, как, черт возьми, на это реагировать. И

потом киваю. Зет поглаживает ладонью внутреннюю сторону бедра успокаивающими прикосновениями, словно принося извинения своей лаской.

— Хорошая девочка. — Он наклоняется и устраивается между моих ног, приподнимаясь на локтях, когда склонят голову и наконец проводит теплым, невыносимо обжигающим языком между складочками моей киски, останавливаясь только для того, чтобы

поддразнить мой сверхчувствительный клитор. Вибрирующий шар удовольствия устремляется вверх по ногам, замирая в моей груди, заставляя соски болезненно изнывать.

— Axx!

Зет одобрительно мурлычет у моего лона, когда продолжает ласкать языком мою плоть. Я задыхаюсь, когда он вновь легко задевает зажим кончиком языка, но в этот раз все по-другому. Сейчас не чувствуется боли, или все-таки чувствуется, но она такая сладкая и опьяняющая, возносит меня на высоты, на которые я никогда не поднималась ранее. Я чувствую себя опьяненной этими ласками.

Я поднимаю руки от кровати, где стискивала ладонями простины, но не для того, чтобы попытаться остановить его. Вместо этого прижимаю пальцы к его затылку и призываю его придвигнуться ближе. Зет отвечает мне тем, что покусывает зубами мой клитор.

— Какой поворот, — рычит он, и затем вновь возвращается к ласкам моего клитора. Моя спина изгибается, рот приоткрывается, когда я пытаюсь справиться с невероятно сильными ощущениями. Я не могу определиться, испытываю ли я наслаждение от боли или же от удовольствия — эти два ощущения одинаковые прямо сейчас. Но когда Зет проскальзывает пальцами в мою киску, медленно входя и выходя из моего лона, все становится понятно. Удовольствие. Я испытываю неподдельное удовольствие. И именно так оно и ощущается. Это не только ласковый поцелуй, а также нежное прикосновение рук к груди и скольжение языка по коже. Это резкое ощущение боли, угроза опасности, риск, на который мы идем, когда отваживаемся вступить в смертельный танец с дьяволом. Я мощно кончуя у Зета на языке. Он придвигается ближе, издавая рык, посасывая и облизывая, когда я кричу в освобождении, с его руками, стискивающими мои бедра в мертвый хватке, подтягивая меня ближе к своему лицу.

— Черт побери, Зет! Прекрати! Пожалуйста, прекрати!

Мышцы его спины сокращаются, когда он смеется, все еще продолжая поддразнивать меня языком. Мои ноги упираются в поверхность кровати, в отчаянной попытке избежать интенсивного наслаждения. После этого он приподнимается, вскидывая бровь.

— Я собираюсь снять это и затем трахнуть тебя. Ты будешь вести себя вежливо со мной?

Вежливо? Я, черт побери, чувствую себя измощденной. Я могу едва

двигаться, когда он отцепляет зажим, оставляя единственный поцелуй у меня между ног.

— И да, — говорит он. — Твоим губам разрешено быть на моем члене. Но мои могут прикасаться, по крайней мере, к твоим губам между ног.

Мое тело ощущается, словно налитое свинцом, когда он присаживается, изучая мое пресыщенное состояние. Он кажется вполне довольным собой. С его членом, что вновь сжат в его ладони, он приподнимается на кровати и нежно прикасается головкой члена к моим губам. Я не могу ничего поделать — отчаянно желаю попробовать его. Желаю ощутить, как он наполняет мое тело каждым возможным способом, даже мой рот. Я позволяю своему языку поддразнивать его жесткий ствол, издавая крошечный стон от его чистого вкуса. В то время как он даже не прикасается ко мне.

Мы вновь вернулись к тому, с чего начали, за исключением того, что в этот раз я не кусаюсь. Я облизываю и посасываю и ласкаю его рукой, и когда чувствую, что он на грани того, чтобы кончить — прекращаю ласки.

— Но-но, это не очень-то и вежливо, — говорит Зет, задыхаясь.

Я улыбаюсь ему.

— Я думала, что ты говорил, что собираешься трахнуть меня? — Теперь в моих словах кроется вызов. Заставь меня вновь кончить. Заставь меня кричать.

Полные губы Зета приподнимаются в улыбке.

— Сама напросилась, — резко бросает он. Отбрасывает меня назад на кровать и грубо разводит мои ноги в стороны, издавая животное рычание вновь, как и прошлый раз, прежде чем он трахнул меня в Сиэтле. Он собирается воплотить в жизнь свое обещание заставить меня кричать. Он толкается в меня вновь и вновь, пронзая меня своей длиной так глубоко, как только может, чтобы удовлетворить его отчаянное желание. Я впиваюсь ногтями в его задницу, когда он ритмично трахает меня, притягивая его ближе, не уверенная, как я могу добиться еще большего соприкосновения наших тел, но, несмотря на это, неистово одержима этим желанием.

Мы кончаем в унисон. Его тело замирает: мышцы напрягаются, в глазах пылает пламя, руки стискивают мои бедра, когда он в последний раз врывается в мое тело мощным толчком.

— БЛ*ДЬ! — Зет кричит так, словно это его предсмертные слова и он желает, чтобы весь мир услышал его крик, и затем его тело обрушивается на мое.

На протяжении пары мгновений, мы лежим, тяжело дыша, изо всех сил пытаясь восстановить дыхание. Это ощущается очень необычно; с его телом, что лежит поверх моего, мои руки все еще сжимают его тело, будто я обнимаю его. Я считаю, что вначале мне это только лишь кажется, но мое тело покрываются мурашками, когда я понимаю, что указательный палец Зета поглаживает мое бедро не просто в безучастной, непроизвольной реакции. Он поглаживает мою кожу настолько нежно, что это ощущается, как едва уловимый шепот у губ. Мое сердце ускоряет свой бег в моей груди. Какого хрена? Я медленно, нерешительно убираю свою руку с его спины, чтобы проследить кончиками пальцев по его затылку. Он замирает. Не издает ни звука. Даже не дышит. Его собственная рука прекращает движение, но я продолжаю свою ласку, желая узнать, насколько далеко это все может нас завести. Я осмеливаюсь, поднимая руку выше, подразнивая кончиками пальцев его короткие волосы, и затем вновь скользя вниз, выводя линии на его мускулистую спину, вокруг его лопаток

Его горячее дыхание касается моей обнаженной кожи груди.

— Ты сбиваешь меня с толку, — шепчет он так тихо, что на мгновение кажется, что это лишь чудится мне. Я очень сильно сомневаюсь, что эти слова предназначались для моих ушей. И я вспоминаю слова, что он сказал мне в тот день, когда оставил на меня Лейси.

«Ты можешь доверять мне. Ты отдала мне себя на той квартире. Я никогда не делал этого прежде, но также отдал тебе себя. Возможно, я не хотел этого, но у меня не было гребаного выбора. Это означает, что сейчас мы принадлежим друг другу». Я старалась не обдумывать его слова, но сейчас....

Он что тоже чувствует себя растерянно по поводу нас, как и я?

Предполагалось, что это должен был быть просто секс. Жесткий, доминирующих трах. Так? Это все, чем я являюсь для него. И все же, в данный момент, с ним лежащим на моей груди, это...

БАМ, БАМ, БАМ.

Дверь практически слетает с петель от сильного удара, который раздается с другой стороны. Зет подскакивает с кровати, проводя ладонями по черным волосам, прочищая горло. Момент, который

длился между нами, исчезает за одно мгновение. Он больше не смотрит на меня.

— Что? — кричит Зет. Он меряет шагами комнату, восхитительный и невероятный в своей обнаженной красоте, все еще потирая ладонями лицо и голову, словно отчаянно старается пробудить себя.

— Хулио желает видеть вас в главной комнате, — раздается голос с сильным акцентом через дверь. — Прямо сейчас.

— Понятно. — Зет ходит туда-сюда еще немного и затем кивает, наконец смотря на меня. — Ну что ж. Полагаю, пришло время убедить мексиканского босса мафии в том, что ты просто шлюха, м?

Вот и наступил этот момент. Он не выглядит растерянным. Совершенно. Он никогда не лгал мне. Ни разу. Он никогда не пичкал меня пустыми обещаниями о том, как будет заботиться обо мне и обращаться со мной надлежащим образом; что я буду его единственной, или же, что он испытывает ко мне нечто отдаленно напоминающее привязанность. Я знаю, основываясь на наших прошлых разговорах, что именно это значит. Когда он не желает лгать, он просто ничего не говорит, например, как тогда, когда я задала ему вопрос о его темных делишках. Когда вы ничего не отвечаете, когда не говорите совершенно ничего, то вопрос медленно отпадает сам собой.

Зет Мейфэйр не рассматривает меня как ту единственную, как девушку, в которую можно влюбиться. Прямо сейчас он нуждается в том, чтобы я вела себя, как шлюха, чтобы мы могли выбраться из этой передряги. И он желает, чтобы и остальные видели меня шлюхой.

«Ну что ж, знаешь что, приятель? — говорю я про себя, мрачно, усмехаясь тому, что использую это обращение. — Ты хочешь шлюху? Ты, бл*дь, ее получишь».

17 глава

Зет

Когда мы направляемся на встречу с Хулио, я совершенно не парюсь по поводу жирного мексиканского ублюдка. Я также не думаю о том, что может случиться с нами, если Слоан облажается. Мне абсолютно похрен на то, если Алексис увидит свою сестру здесь, в этом мрачном, ужасном месте, и выдаст нас.

Я могу думать только об одном:

Она приехала, чтобы найти меня.

На нее напали. Но она сумела защитить себя. Спасла Лейси. Добиралась сюда два дня и сделала что-то совершенно непостижимое — она побежала навстречу ко мне. Хотя ей следовало бы бежать в

противоположную от меня сторону, но она не сделала этого. Она приехала сразу же ко мне, словно я ее гребаный спаситель. Как будто я могу решить все проблемы. Словно я могу защитить ее. Словно я в достаточной степени цельный, чтобы суметь собрать ее сломленные, разбитые осколки. И затем она кончила и крепко сжимала меня в своих объятиях. Бл*дь. И всего лишь на ужасное, пугающее мгновение...

Я качаю головой, стараясь не задумываться над этим. Но это четкая и пугающая мысль, и она не может быть просто проигнорирована.

И всего лишь на мгновение... я почувствовал себя так, словно она была в состоянии собрать и мои разбитые осколки.

Перевод группы: https://vk.com/bellaaurora_pepperwinters